РУССКИЕ ПЕСНИ

РУССКИЕ ПЕСНИ

Составил
проф. Ив. Н. РОЗАНОВ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1952

В настоящий сборник включены избранные песни XIX века.

Материал сборника распределен по трем отделам.

В отделе «Русские народные песни» помещены песни, широко распространенные в XIX веке. Песни более раннего происхождения в основном приводятся в записях XIX века. Некоторые песни даются в записях более позднего времени, так как собиратели XIX столетия иногда отбирали такие варианты, в которых была сглажена тема социального протеста.

Указания на источники, откуда взяты тексты, приводятся в примечаниях. Объяснение условных сокращений источников см. на стр. 384.

В отделе «Песни и романсы русских писателей» помещены стихотворения, предназначавшиеся для пения или ставшие песнями. Материал расположен в хронологической последовательности по годам рождения авторов.

Третий отдел составляют песенные переработки стихотворений поэтов и песни, авторский текст которых не установлен.

Отдел первый

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

АЙ, КАК НА РЕЧКЕ, НА РЕКЕ...

Ай, как на речке, на реке,
На речушке Камышинке,
Ай, там жили, проживали
Люди вольные.

Ай, там жили, проживали
Люди вольные,
Всё донские, гребенские,
Всё яицкие.

Собирались они
Во единый круг,
Думу думали,
Думушку крепкую.

Вот кому-то из нас
Атаманом быть?
Ай, атаман-то будет
Степан Тимофеевич,
Атаманушка.

Не золотенькая
Трубушка вострубила,
Ай, атаманушка наш
Степан Тимофеевич
Речь возговорил.

Ай, вот он речь возговорил,
Речь хорошую:
«Братцы вы мои казаченьки,
Ай, ну и голь же ты моя...
Голь бедняцкая,
Собирайся со всех сторон!

Ай, ну и голь же ты моя,
Голь бедняцкая,
Вы товарищи,
Други любезные!
Ах, собирайтесь, братцы,
Солетайтеся
Ай, на волюшку,
Волю вольную».

Листопадов, № 78. Запись 1937

У НАС, БРАТЦЫ, БЫЛО НА ДОНУ...

У нас, братцы, было на Дону,
Во Черкасском городу:
Народился молодец —
Стенька Разин удалец.

Народился молодец —
Стенька Разин удалец.
Во казачий круг Степанушка
Не хаживал,

Во казачий круг Степанушка
Не хаживал,
Он с большими господами
Дум не думывал,

Он с большими господами
Дум не думывал.
Ой, ходил, гулял Степанушка
Во царев кабак,

Ой, ходил, гулял Степанушка
Во царев кабак,
Думы думал атаманушка
Со голытьбою,

Думы думал атаманушка
Со голытьбою:
«Ой, ребятушки, вы, братцы,
Голь несчастная!

Ой, ребятушки, вы, братцы,
Голь несчастная!
Вы поедемте, ребята,
Во синё море гулять.

Вы поедемте, ребята,
Во синё море гулять.
Корабли-бусы с товарами
На море разбивать,

Корабли-бусы с товарами
На море разбивать.
А купцов да богатеев
В синем море потоплять».

Листопадов, № 83. Запись 1936 г.

АЙ, НЕ ШУМКОМ ТО ШУМИТ ДУБРОВУШКА...

Ай, не шумком то шумит дубровушка,
Вот шумит, щумит, все шатается,
Ой, да, как шатался там,
Волочился там добрый молодец.

Ай, волочился там добрый молодец,
Вот идет, идет больно раненный,
Ой, да на чужой, дальней,
По чужой, по дальней сторонушке.

Ай, по чужой, по дальней сторонушке
Вот идет, идет и пришатнулся он,
Удал добрый молодец,
Ко крутому молодец ко бережку.

Ай, ко крутому молодец ко бережку.
Вот стоит, стоит, он кричит-гичит,
Удал добрый молодец,
Да кричит же он громким голосом.

Ай, да кричит же он громким голосом:
«Уж вы братцы мои, вы братцы мои,
Братцы перевощички,
Первезите на ту на сторонушку.

Ай, да первезите на ту на сторонушку,
Ой, да как за это вот, братцы мои,
Заплачу вам сто рублей.
Если мало вам, дам и тысячу.

Ай, если мало вам, дам и тысячу,
Ой, да если мало и тысячи,
Братцы перевощички,
Вы возьмите мово вот колечика.

Ай, вы возьмите мово вот колечика,
Ой, да схороните меня, молодца,
Братцы перевощички,
Между трех дорог в перекресточке.

Ай, между трех дорог в перекресточке,
Ой, да между Киевской,
Да и между Питерской,
А и третьей, братцы, Черниговской.

Ай, между Питерской да Черниговской,
Ой, да в головах, в головашечках
Поставьте мово коня,
В руку правую дайте шашечку.

Ай, в руку правую шашку вострую,
Ой, да кто пройдет тут, остановится,
Вот и кто пройдет тут,
Кто проедет, тот подивуется.

Ай, кто проедет, тот подивуется,
Ой, да что лежит тут, лежит молодец,
Удалой разбойничек,
Люду бедному он защитничек.

Ай, люду бедному сам защитничек,
Лютый недруг всем насильникам,
Ой, да по прозваньицу
Степан Разин-то Тимофеевич».

Листопадов, № 98. Запись 1906—1907 гг.

ЗАГОРАЛАСЬ ВО ПОЛЕ КОВЫЛУШКА...

Загоралась во поле ковылушка
Неизвестно от чего,
Не от тучи, не от грома,
Не от сильного дождя,—
Загоралась во поле ковылушка
От казачьего ружья.
Поднимались жаркие огонюшки
Под самые небеса,
Подпалили ясному соколику,
Ему правое крыло,
Нельзя, нельзя ясному соколику
По чисту полю летать.
Прилетали к ясному соколику
Стадо черных вороньев.
Надсмехались над ясным соколиком,
Называли его вороною.
«Ой, да как пройдет мое горе-кручинушка,
Посмеюсь над вами я,
Отрощу я свои быстры крылушки,
Взовьюсь выше облака,

Разобью я стадо черных вороньев,
Перебью всех до единого».
Не во времечко вот бы наш Степанушка
Сидел во неволюшке,
Он кричал, шумел, наш Степанушка,
Громким голосом своим:
«Уж вы братцы, вы мои товарищи,
Не покиньте вы меня,
При моем-то горе, при кручинушке,
При несчастьице большом.
Пригожусь вам в недоброе времечко
Грудью белою своей!
Отстоим же мы, братцы товарищи,
Жизню вольную, свободную».

Листопадов, № 103. Запись 1937 г.

АХ, ТУМАНЫ, ВЫ, ТУМАНУШКИ...

Ах, туманы, вы, туманушки,
Вы, туманы непроглядные,
Как печаль-тоска, ненавистные!
Иссушили, туманушки, молодцев,
Сокрушили удалых до крайности.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди, над высокою,
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеевича,
По прозванию Степана Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко!
Обогрей нас, людей бедныих;
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — возьмем девицу.

Песенник начала XIX века. В общем переплете с песенниками 1822 г., М., изд. П. Кузнецова.

АЙ, ДА НЕ ШУМИ, ШУМКА...

Ай, да не шуми, шумка,
Дуброва зеленая,
Вот и не бушуйся,

Ай, да не мешай
Раздоброму молодцу,
Вот мне думу думати!

Ай, все я думушки,
Раздобрый я молодец,
Все я передумал.

Ай, как одна думушка
Раздоброго молодца,
Думушка с ума нейдет.

Ай, как заутра-то
Да мне, Стеньке Разину,
Заутра мне на суд итти,

Ай, мне на суд-то итти,
Раздоброму молодцу,
Вот и мне ответ держать.

Ай, как и станут-то меня,
Раздоброго молодца,
Станут меня спрашивать.

Ай, ты скажи-расскажи,
Скажи, с кем ты бражничал,
Скажи, с кем разбойничал.

Ай, я скажу-расскажу,
Удал добрый молодец,
Скажу правду-истину:

«Ай; я не бражничал,
Раздобрый я молодец,
Вот я не разбойничал,

Как я с голытьбой-то своей,
Удал добрый молодец,
Вот я по морям гулял,

Ай, и по морям-то да рекам
Гулял добрый молодец,
Вот и корабли разбивал,

Ай, я бояр да купцов,
Удал добрый молодец,
Вот и я топил, морил,

Ай, я и голытьбу свою,
Удал атаманушка,
Вот ее на бой водил.

Ай, ну и голытьбы-то моей
Да моих товарищей
Всех-то не счесть-перечесть!»

Листопадов, № 108. Запись 1903 г.

НЕ ШУМИ, МАТИ ЗЕЛЕНАЯ ДУБРОВУШКА...

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос итти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?» —
«Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всее правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ — темная ночь,
А второй мой товарищ — булатный нож,
А как третий-то товарищ — то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ — то тугой лук,
Что рассыльщики мои — то калены стрелы».

Что возговорит надежа православный царь:
«Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной».

Популярности песни много способствовало то, что Пушкин привел ее в «Капитанской дочке». Текст ее он взял из сборника Чулкова.

АЙ, ДА ПО МАТУШКЕ ПО РЕЧКЕ...

Ай, да по матушке по речке,
По речке Камышинке,
Ай, да супротив было устьица
Вот речки Самарушки,

Ай, там плывет, плывет
Лодочка коломенка,
Ай, да во лодочке сидит там,
Сидит там царев посол,

Ай, вот сидит, там сидит,
Там сидит царев посол,
А и звать — Иван Константинович,
Вот бы Карамышев-сын.

Ай, во руке держи́т, он держи́т,
Он царев указ,
Ай, во другой руке держит,
Держит саблю острую.

Ай, да по крутому, по красному,
По красному бережку,
Ай, да по желтому по песку,
По песку сыпучему,

Ай, вот ходили там раздобрые,
Вот добрые молодцы,
Ай, да гуляли там вольные,
Вольные каза́чушки.

Ай, что донские, они гребенские,
Казаки яицкие.
Ай, они думали вот думушку,
Вот думушку крепкую.

Ай, становили же они, братцы,
Они пушку медную,
Ай, закатали-то ядро,
Вот ядро чугунное.

Ай, ну, палили-то, братцы,
Во легкую лодочку,
Ай, потопили-то тот,
Вот бы тот царев указ,

Ай, потопили-то тот,
Вот бы тот царев указ,
Ай, а самого-то Карамышева,
Его в воду бросили.

Листопадов, № 72. Запись 1936 и 1937 гг. В одном из ранних вариантов песня опубликована была в 1770 году, в сборнике Чулкова («Вниз то было по Камышинке-реке»).

ЧТО ПОНИЖЕ БЫЛО ГОРОДА САРАТОВА...

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать Камышинка-река;
Как с собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга;
Она устьицем впадала в Волгу матушку-реку;
Что по той ли по быстрине, по Камышинке-реке,
Как плывут тут, выплывают два снарядные стружка,
Хорошо были стружочки изукрашены,
Они копьями, знамены будто лесом поросли,
На стружках сидят гребцы, удалые молодцы,

Удалые молодцы, все донские казаки,
Да еще же гребенские, запорожские,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачом подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян — сапожки, кривые каблуки,
И с зачосами чулочки, да все гарусные;
Они веслами гребут, сами песенки поют;
Они хвалят-вѐличают православного царя,
Православного царя, императора Петра;
А бранят они, клянут князя Меньшикова;
Что с женою и с детьми и со внучатами
Заедает вор-собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное.

М. Чулков, «Собрание разных песен», 1770. Песня бытовала в разных вариантах в песенном быту XIX века. Имя князя Меньшикова *заменялось иногда другим именем.*

ОЙ, ДА ТЫ, БАТЮШКА, ОРЕНБУРГ-ГОРОД...

Ой, да ты, батюшка, Оренбург-город!
Про тебя-то идет слава добрая,

Слава добрая, речь хорошая,
Будто ты, Оренбург, на красе стоишь.

На красе-то стоишь, на крутой горе,
На крутой-то горе, на Яик-реке,

На желтых-то песках, песках рассыпчатых,
Как на речушках, да на устьицах,

Как и первая речушка — Самарушка,
А другая-то речушка — Уралушка,

Прозывалася она все Яик-река.
Ой, на Самарушке живут татарушки,

На Яик-то реке живут казачушки;
Там ходил да гулял атаманушка,

Атаманушка, казак Емельянушка.
Как на матушке было, кременной Москве,

Во дворце было, дворце белокаменном,
У крылечка было у высокого,

На часах-то стоял молодой казак;
На часах он стоит, с собой речь говорит:

«Подучают меня, посылают меня,
Посылают меня в Оренбург-город,

В Оренбург-то город Пугача споймать,
Пугача-то словить, Пугача-то убить!

Ну, а я-то младец, донской малолеточек,
Я не стану ловить и не стану губить,

Пускай бьется за нас Емельянушка,
Пускай бьется за нужду народную».

Листопадов, № 165. Запись 1905 г.

КАК ЗА БАРАМИ ЖИТЬЕ БЫЛО ПРИВОЛЬНОЕ...

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито,
Нагишом за плугом спотыкалися,
До пьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.

И теперь за бар мы богу молимся.
Божья церковь — небо ясное,
Образа ведь — звезды частые,
А попами — волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес-то — наша вотчина,
Трах проезжий — наша пашенка.
Пашем, пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеямши,
Не цепом молотим — слегою,
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим.
Вы укройте, леса, нас, станишников,
Напои, река, беглых каторжников,
Ах ты, степь ли, степь наша ровная,
Ты неси коней глаже скатерти...
Мы задумали дело правсе,
Дело правсе, думу честную:
Мы царицу, шлюху поганую,
Призадумали с трона спихивать...
Мы дворян господ на веревочки,
Мы дьяков да ярыг на ошейнички,
Мы заводчиков на березыньки,
А честных крестьян на волю вольную.

«Волжский фольклор», 1937 г.

БЕЖИТ РЕЧКА ПО ПЕСКУ...

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорену улицу,
Ко Ракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всякием корабле

По пяти́сот молодцов,
Гребцов-песенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Все Ракчеева бранят:

«Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дороженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Березами усадил,
Бедных людей прослезил!»

«Рукою Пушкина», 1935 г.

ПО ДЕРЕВНЕ КИСЕЛЕВКЕ...

По деревне Киселевке
Проходили три девчонки,
Ой, горюшко-горе,
Проходили три девчонки.

Под зеленой ракитой
Нашелся убитый,
Ой, горюшко-горе,
Нашелся убитый.

Он личиком пригожий,
Наверно, прохожий,
Ой, горюшко-горе,
Наверно, прохожий.

На троечке быстрой
Становой едет пристав,
Ой, горюшко-горе,
Становой едет пристав.

А за ним и в тулупах
Десятские лупят,
Ой, горюшко-горе,
Десятские лупят.

А за ними на паре —
Полицейские хари,
Ой, горюшко-горе,
Полицейские хари.

Они едут на дело,
Поднять мертвое тело,
Ой, горюшко-горе,
Поднять мертвое тело.

С мужичков бестолковых
Сорвать сто целковых,
Ой, горюшко-горе,
Сорвать сто целковых.

Становихе на платье
По полтинничку с братьи,
Ой, горюшко-горе,
По полтинничку с братьи.

Становихе на мыло
Полтинничек с рыла,
Ой, горюшко-горе,
Полтинничек с рыла.

Становому на ужин
Провиянт свежий нужен,
Ой, горюшко-горе,
Провиянт свежий нужен.

Свининки задочек,
Яиц сот пяточек,
Ой, горюшко-горе,
Яиц сот пяточек.

Для смягчения глотки
Ведерок пять водки,
Ой, горюшко-горе,
Ведерок пять водки.

Тот мост обломился,
Становой утопился,
Ой, радость, ой, радость,
Становой утопился!

Становой утопился,
Весь мир веселился,
Ой, радость, ой, радость,
Весь мир веселился.

«Песни и сказки Воронежской области», 1940 г.
Песня старинная, до революции была подпольной.

ВНИЗ ПО МАТУШКЕ ПО ВОЛГЕ...

Вниз по матушке по Волге,
По широкому раздолью,
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая;
Ничего в волнах не видно,
Одна лодочка чернеет,
Только парусы белеют,
На гребцах шляпы чернеют,
На корме сидит хозяин,
Сам хозяин во наряде,
В черном бархатном кафтане.
Уж как взговорит хозяин:
«Ну-те грянемте, ребята,
Вниз по матушке по Волге,
Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку».

Соболевский, IV, № 553.

УЖ ТЫ, СТЕПЬ ЛИ МОЯ, СТЕПЬ МОЗДОКСКАЯ...

Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Широко ли, далеко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
От Саратова ты, степь, до села Царицына,
До Царицына;
Пролегала по степи большая дороженька,
Дорожка широкая...
Проезжали по ней молоды извощики,
Молоденькие;
Как лошадки у них буланые,
Все буланые,
Хомуты-то у них серебряны,
Серебряны;
Как узды-то у них все наборные,
Все наборные;
Как тележки-то у них все шиповные,
Все шиповные...
Солучилося у них несчастьице,
Да немалое.
Захворал да занемог у них добрый молодец,
Млад извощичек...
Он просил-то, он просил своих товарищей,
Товарищей:
«Ах вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
Вороных коней.
А свезите вы, братцы, батюшке низкий поклон,
Низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
Да челобитьице,
Малым детушкам мое благословеньице,
Благословеньице,
Молодой моей жене полну волюшку,
Все свободушку».

Сборник Лопатина. См. песню И. З. Сурикова, стр. 292, и позднейшую народную переработку, стр. 368.

ЭЙ, УХНЕМ!..

Эй, ухнем, эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Эй, ухнем,. эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Разовьем мы березу,
Разовьем мы кудряву,
Ай да, да, ай да!
Ай да, да, ай да!
Разовьем мы кудряву.

Эй, ухнем, эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Эй, ухнем, эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Мы по бережку идем,
Песню солнышку поем,
Ай да, да, ай да!
Ай да, да, ай да!
Песню солнышку поем!..

Эй, ухнем, эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Эй, ухнем, эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Эх ты, Волга, мать-река,
Широка и глубока,
Ай да, да, ай да!
Ай да, да, ай да!
Широка и глубока!

Сборник Лопатина. Записана композитором М. А. Балакиревым в Нижнем-Новгороде (ныне г. Горький).

КАЛИНУШКУ С МАЛИНУШКОЙ...

Калинушку с малинушкой водой залило,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись с разумом, меня замуж отдала.
Я три года у матушки в гостях не была,

На четвертый год вздумала — пошла.
Я скинуся, сброшуся горькой пташечкой,
Полечу я, горькая, в матушкин садок,
Сяду я, горькая, на сладкую яблонь,
Слезами-то горючими весь сад затоплю,
Причетами горькими сердце иссушу,
А матушка ходит по новым сеням,
Невестушек-ластушек побуживает:
«Невестушки-ластушки, встаньте скорей!
Что у нас во садике пташечка поет?
Где она, горькая, причеты берет?»
Больший-то брат скажет: «Давай застрелим!»
Средний брат скажет: «Давай поймаем!»
А меньшой брат скажет: «На что вам ее?
Не наша ли горькая с чужой стороны?
Поди же ты, горькая, в наш высок терем,
Про свое горе расскажи, про наше спроси:
Как батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большого-то брата в солдаты куют,
А середнего-то брата в лакеи стригут,
А меньшего брата в прикащики».

Шейн. Великорусс, № 852.

ИЗ-ЗА ЛЕСА, ЛЕСА ТЕМНОГО...

Из-за леса, леса темного,
Из-за садика зеленого
Собиралась тучка грозная
Со снегами со сыпучими,
Со морозами трескучими.
Грозно туча ворочалася,
Дочка к матке собиралася.
Пособравшись, дочь поехала,
Поехала, не доехала,
Среди лесу становилася,
Лошаденка истомилася,
Тележонка изломилася,
Все каточки раскатилися,
Ко дубочку прикатилися,

На дубу сидит соловушка.
«Ах ты, птушка, птушка вольная!
Ты лети в мою сторонушку
Ко батюшке во зеленый сад,
А к матушке во высок терем,
Ты неси, неси, соловушка,
Ах, батюшке да низкой поклон,
А матушке челобитьице:
Что пропали наши головы
За боярами, за ворами,
Гонят старого, гонят малого
На работушку ранешенько,
А с работушки позднешенько.

Шейн. Великорусс, № 853.

НЕ КУКУШЕЧКА ВО СЫРОМ БОРУ...

Не кукушечка
Во сыром бору,
Она вскуковала,
Не соловушка
В зеленом саду
Громко свищет, —
Из неволюшки ко мне
Добрый молодец письмо пишет:
«Небось, моя сударушка, стосковалась обо мне?
Я сам об ней, добрый молодец,
Я сам сгрустевался.
Не велик я мальчоночка сиротой остался,
Потерял свово батюшку
Чуть запомню,
Я свою матушку
Чуть зазнаю!»
— Ты детинушка,
Ты мой сиротинушка!
Кто ж тебя поил-кормил?
«Воспоил меня православный мир,
Укачала меня легка лодочка,
Усыпляла Волга-реченька».

Киреевский, вып. II, ч. 2, № 1988.

УЖ КАК ПАЛ ТУМАН НА СИНЁ МОРЕ..

Уж как пал туман на синё море,
А злодейка кручина в ретиво сердце,
Как не схаживать туману со синя моря,
А злодейке кручине с ретива сердца!
Как далече, далече во чистом поле
Разгорался огонечек малешенек;
Возле огничка постлан ковричек,
А на ковричке лежит добрый молодец,
Во правой руке держит тугий лук,
Во левой руке — калену стрелу,
Во скорых ногах стоит добрый конь,
Он и бьет копытом о сыру землю,
И он знать дает добру молодцу:
«Ты вставай, вставай, добрый молодец!
Ты садись на меня, на добра коня,
Я свезу тебя к отцу, к матери,
К молодой жене, к малым детушкам!»
Как возговорит добрый молодец:
«Ты мой добрый конь, слуга верный мой,
Поезжай один во святую Русь,
Поклонись от меня отцу-матери,
Челобитье моей молодой жене,
Благословенье скажи малым детушкам,
Ты скажи, объяви молодой вдове,
Что женился я на иной жене,
Что я взял за себя поле чистое,
А в приданы взял зелены луга.
У нас добрый сват был булатный меч,
А сосватала калена стрела,
На постель клала свинцова пуля...»

Соболевский, I, № 381.

УЖ ВЫ, ГОРЫ МОИ!..

Уж вы, горы мои!
Уж вы, горы мои, Воробьевские!
Воробьевские!

Ничего вы, горы,
Ничего не порóдили!
Не порóдили...

Породили горы
Один бел горюч камéнь,
Бел горюч камéнь.

Из-под камушка течет,
Течет быстра реченька,
Быстра реченька.

Как на этой на реке
Стоит куст ракитовый,
Куст ракитовый.

На кусту том сидит,
Сидит млад сизой орел,
Млад сизой орел.

Вó когтях держит,
Держит черна ворона,
Черна ворона.

Он и бить его не бьет,
Не бьет — все выспрашивает,
Все выспрашивает:

«Где ты, ворон, братец, был?
Где был? Где полетывал?
Где полетывал?»

«Уж и был я на дикúх,
На дикúх степях, на саратовских,
На саратовских.

Уж и видел я там,
Видел чудо дивное,
Чудо дивное.

Там лежит, лежит,
Лежит тело белое,
Тело белое...

Никто к тому телу,
Никто не подступится,
Не подступится.

Как вокруг того тела
Вьются лишь три ласточки,
Лишь три ласточки.

Как и первая ласточка —
Его рóдна матушка,
Рóдна матушка.

А другая ласточка —
Его сестра рóдная,
Сестра рóдная.

Как и третья ласточка —
Его молода жена,
Молода жена.

Как и мать по нем кричит —
Что быстра река течет,
Что река течет.

А сестра по нем кричит —
Что с горы ручьи текут,
Что ручьи текут.

А жена по нем кричит —
Словно утрешня роса,
Утрешня роса.

Как и солнышко взойдет —
Роса высохнет,
Роса высохнет».

Сборник Лопатина.

САДЫ МОИ, САДОЧКИ...

Сады мои, садочки,
Еще зеленые!
В этих садочках
Дорожка лежала,
На этой дорожке кузинка стояла,
Во этой во кузнице кузнецы ковали,
Они ковали железы тяжелы!
На кого же эти железы?
На кого тяжелы?
Ни на вора,
Ни на плута, —
На того детинку,
На горькую сиротинку.
Вечор молодца поймали,
Ему ноженьки сковали,
Рученьки связали,
В санки посадили,
В город возили,
В прием водили,
В ставку становили,
Головку обрили,
Медом накормили,
Вином напоили,
Спать положили.
Проснулся молодчик,
Проснулся удалый:
«Свет, мои кудри,
Свет, мои русы!
Бывало, мои кудри
По плечам лежали»,
На то молодец уродился,
В солдаты годился.

Киреевский, вып. II, ч. 2, № 1989.

СОЛДАТУШКИ УЛАНЫ...

— Солдатушки уланы,
У вас лошади буланы,
Где были, побывали?
— Мы под Киевом стояли,
Со французом воевали,
Вдоль деревни проезжали,
В крайний дом заезжали,
Просились ночевать.—
Вдовушка выходила,
С ними речи говорила:
«У нас дворик маленек,
Хаточка тесненька!»
— Нас солдатушек немножко,
Полтораста нас на конях,
Ровно двести пешеходу.—
Они на дворик уезжали,
У горницу уходили,
Садились все по лавкам,
Все по лавкам,
По порядкам!
Один солдат впереди
Под окошечком,
А вдовушка на шесточке.
А большой солдат
Слово молвил:
«Ты вдовушка молодая!
Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мне пониже,
Ты сыми-ка со крючка черную шляпу,
У шляпушке полотенце —
Не твово ли рукоделья?
В полотенце узелочек,
Там завязан перстенечек,
С которым мы с тобой венчались,
Которым обручались».

Киреевский, вып. II, ч. 2, № 1991.

ВЫЕЗЖАЕТ МОЛОДОЙ МАЙОР...

Выезжает молодой майор,
Молодой майор-полковничек,
Выбирает молодых солдат,
Молодых солдат-ребятушек.
У отца было три сына,
Три сына хорошие;
Большого сына жаль отдать,
Среднего не хочется;
Отдам я сына меньшего,
Сына меньшего, Иванушку!
Меньший сын расплакался:
«Государь наш батюшка!
Или я вам был не родный сын,
Или я вам был пасынок?» —
«Да вы, дети мои милые!
Вы возьмите-тко по палочке,
Да вы бросьте-тко по жеребью:
Да кому из вас достанется?»
Доставалось сыну меньшему,
Сыну меньшему, Иванушке.

Якушкин, № 26.

КАК И ШЛИ, ПРОШЛИ СОЛДАТЫ МОЛОДЫЕ...

Как и шли, прошли солдаты молодые
Да за ними идут матушки родные,
Во слезах пути-дороженьки не видят;
Как возговорят солдаты молодые:
«Ох вы, матушки родные, да родные,
Не наполнить вам синя моря слезами,
Не исходить-то вам сырой земли за нами».

Якушкин, № 28.

ИЗ-ЗА ЛЕСУ ИДУТ ТУЧИ...

Из-за лесу идут тучи,
Тучи темные,
Как по мне молодешенькой
Горе горькое,
Горе горькое, кручинушка
Непокрытая,
Что пошел мой мил сердечный друг
Во солдатушки,
Он покинул меня младу
Одинешеньку.
Выду ль я млада ранешенько
В поле чистое,
Расскажу ль я, расскажу тоску
Ветру буйному.
Как несет мне ветер буйный
Весть нерадостну:
Закатилось мое солнышко
Желанное,
Уж пал, помер мой сердечный друг.

Якушкин, № 31.

ОЙ, ДА ТЫ, КАЛИНУШКА...

Ой, да ты, калинушка,
Ты, малинушка!
Ой, да ты не стой, не стой
На горе крутой.

Ой, да ты не стой, не стой
На горе крутой.
Ой, да не спускай листа
Во синё море.

Ой, да не спускай листа
Во синё море.
Ой, да во синём-то море
Корабель плывет.

Ой, да во синём море
    Корабель плывет.
Ой, да корабель плывет,
    Аж вода ревет.

Ой, да корабель плывет,
    Аж вода ревет.
Ой, да как на том корабле
    Два полка солдат.

Ой, да как на том корабле
    Два полка солдат.
Ой, да два полка солдат,
    Молодых ребят.

Ой, да два полка солдат,
    Молодых ребят,
Офицер да майор
    Богу молятся,

Офицер да майор
    Богу молятся,
Рядовой-то солдат
    Домой просится,

Рядовой-то солдат
    Домой просится:
«Офицер-майор,
    Отпусти меня домой,

Офицер-майор,
    Отпусти меня домой,
К отцу-матери родной,
    К жене милой, дорогой».

СОЛДАТУШКИ, БРАВО-РЕБЯТУШКИ...

Солдату́шки, браво-ребяту́шки,
Где же ваши деды?
— Наши деды — славные победы,
Вот где наши деды!

Солдату́шки, браво-ребяту́шки,
Где же ваши матки?
— Наши матки — белые палатки,
Вот где наши матки!

Солдату́шки, браво-ребяту́шки,
А где же ваши жены?
— Наши жены — ружья заряжены,
Вот где наши жены!

Солдату́шки, браво-ребяту́шки,
А есть у вас и тетки?
— Есть у нас и тетки — две косушки водки,
Вот где наши тетки!

Солдату́шки, браво-ребяту́шки,
Где же ваши сестры?
— Наши сестры — штыки, сабли остры,
Вот где наши сестры!

Солдату́шки, браво-ребяту́шки,
Где же ваши детки?
— Наши детки — пули наши метки,
Вот где наши детки!

Солдату́шки, браво-ребяту́шки,
А где ж ваша хата?
— Наша хата — лагерь супостата,
Вот где наша хата!

«Сборник избранных песен для солдатского хорового пения», Екатеринослав, 1893 г.

УЖ ТЫ, ЗИМУШКА, ЗИМА...

Уж ты, зимушка, зима,
Холодна зима была!
Холодна зима проходит,
Лето красно настает.
Лето красно настает,
У солдата сердце мрет.
У солдата сердце мрет,
Лето дома не живет.
Лето в лагерях стоять,
Поутру рано вставать.
Поутру рано вставать,
Лицо бело умывать.
Лицо бело умывать,
Мундир черный надевать.
Мундир черный надевать,
На ученье выезжать.
Нам ученье не мученье,—
Между прочим, тяжело.
Между прочим, тяжело,
Что не знаем ничего.

Сборник Лопатина.

ВНИЗ ПО МАТУШКЕ, ПО НЕВЕ-РЕКЕ...

Вниз по матушке, по Неве-реке,
Что на пристани кораблиной
Молодой матрос корабли снастил
Об двенадцати парус тонкиих,
Парусы тонкие, полотняные.
Как увидела красная девушка
Из высокого красного терема,
Из косящатого окошечка:
«Ох, ты гой еси, молодой матрос!
Ты на что рано корабли снастил
Об двенадцати парус тонкиих?» —
«Ох ты, глупая, красна девица,
Не своей волей я корабли снастил,

По указу государеву,
По приказу я командирскому.
Под кустиком, под ракитовым
Не огонь горит, не смола кипит,
Что кипит сердце молодецкое
Не по батюшке, не по матушке,—
Что по душечке красной девице».

Киреевский, вып. II, ч. 2, № 1828(а).

ДОРОЖЕНЬКА

Не одна-то, не одна
Во поле дороженька одна пролегала!
Зарастала та дорожка
Ельничком да березничком, горьким частым осинничком.
Что нельзя-то, нельзя
К любушке, сударушке, нельзя в гости ехать молодцу.
Ты прости, прощай,
Мил сердечный друг, прощай, будь здорова!
Коли лучше меня найдешь,
Меня, доброго молодца, меня позабудешь.
Коли хуже меня найдешь,
Меня, доброго молодца, меня воспомянешь.
Меня ты воспомянешь,
Горючими слезами ты заплачешь!

Сборник Лопатина. Данный вариант записан в 40-х годах от волжского бурлака.

АХ ТЫ, НОЧЕНЬКА...

Ах ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Да ночь осенняя.

С кем я ноченьку,
С кем осеннюю,
С кем тоскливую
Коротать буду?

Нет ни батюшки,
Нет ни матушки,
Только есть один
Мил-сердечный друг.

Только есть один
Мил-сердечный друг,
Да и тот со мной
Не в ладу живет.

Смоленский рукописный сборник.

ЦВЕЛИ В ЛУЖКАХ ЦВЕТИКИ...

Цвели в лужках цветики, да поблекли;
Любил меня миленький, да спокинул,
Спокинул, душа моя, не надолго,
На малое времечко — на часочек,
Часик-ет мне кажется за денечек;
А денек-от кажется за недельку;
Неделюшка кажется за май месяц;
Май-ет месяц кажется за годочек;
А годок-от кажется за пяточек.
Уехал душа моя в городочек,
Со всеми подружками распростился,
Со мной, красной девушкой, не простился.
А я за ним, девушка, не гонюся,—
Гонится, мой миленький, он за мною,
За моею девичьей красотою.

Соболевский, V, № 589. Кроме первого и последнего, каждый стих повторяется.

ВОЗЛЕ РЕЧКИ, ВОЗЛЕ МОСТУ...

Возле речки, возле мосту,
Возле речки, возле мосту трава росла,
Росла трава шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я в три косы косила,
И я в три косы косила, ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогого.
Слышит, чует мое сердце,
Слышит, чует мое сердце ретивое,
Что задумал моя радость,
Что задумал моя радость, друг, жениться.
Он не хочет со мной, бедной,
Он не хочет со мной, бедною, проститься.
Как поедешь, моя радость,
Как поедешь, моя радость, друг, жениться,—
Заезжай ко мне, девице,
Заезжай ко мне, девице, друг, проститься:
Не равно, моя надежа,
Не равно, моя надежа, что случится:
Через реченьку поедешь,
Через реченьку поедешь, друг,— утонешь;
Через быстру понесешься,
Через быстру понесешься — захлебнешься.
Про меня, красну девицу,
Про меня, красну девицу, воспомянешь —
Какова-то я младенька,
Какова-то я младешенька бывала:
Поутру раным-раненько,
По утру раным-ранешенько вставала;
На босу ножку башмачки,
На босу ножку башмачки надевала,
А на плечики салопчик,
А на плечики салопчик накидала;
На головушку платочек,
На головушку платочек повязала;
Встретить гостя дорогого,
Встретить гостя дорогого поспешала.

Соболевский, V, № 637, из песенника 1817 г.

ПО УЛИЦЕ МОСТОВОЙ...

По улице мостовой,
По широкой, столбовой,
Шла девица за водой,
За холодной ключевой;
За ней парень молодой,
Кричит: «Девица, постой!
Красавица, подожди!
Пойдем вместе за во́дой,
Разгуляемся с тобой».—
«Ах ты, парень, паренек,
Твой глупенький разумок!
Не кричи во весь народ;
Мой батюшка у ворот,
Зовет меня в огород,
Чесноку, луку полоть,
Маку сеяного,
Луку зеленого.
Я во праву руку луку,
Во левую чесноку,
Сама по цветикам пойду.
Я по цветикам ходила,
По лазоревым гуляла,
Цвета алого искала,
Не нашла цвета алого
Против своего милого.
Уж как мой милый хорош,
Чернобров, душа, пригож,
Мне подарочек принес,
Подарочек дорогой,
Перстенечек золотой.
Мне не дорог твой подарок,—
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня носить,
Хочу так дружка любить».

Соболевский, IV, № 741, из песенника 1819 г.

ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ МЕТЕЛИЦА МЕТЕТ...

Вдоль по улице метелица метет;
За метелицей мой миленький идет.
    Ты постой, постой, красавица моя,
    Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

На твою ли на прекрасну красоту,
На твое ли да на белое лицо.
    Ты, постой, постой, красавица моя,
    Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Красота твоя с ума меня свела,
Сокрушила добра молодца меня.
    Ты постой, постой, красавица моя,
    Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Рыбинский рукописный сборник. Народная песня, известная еще в XVIII веке. В XIX веке поэтом Д. П. Глебовым на ее основе была создана песня «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной». См. наст. сб., стр. 104.

КАК ПО ПИТЕРСКОЙ...

Как по питерской по дороженьке,
По тверской-ямской, по коломенской,
По тверской-ямской, по коломенской,
Едет мой милой, мил на троечке,
Едет мой милой, мил на троечке,
Мил на троечке с колокольчиком,
Мил на троечке с колокольчиком,
С колокольчиком, со бубенчиком.
Пишет мой милой ко мне грамотку,
Ко мне грамотку, весть нерадостну,
Ко мне грамотку, весть нерадостну,
Весть нерадостну не пером писал,
Не пером писал, не чернилою,

Пишет мой милой да горючьми слезьми,
Пишет мой милой да горючьми слезьми,
Горючьми слезьми молодецкими,
Горючьми слезьми молодецкими:
«Не сиди, Дуня, поздно вечером,
Поздно вечером под окошечком,
Ты не жги, не жги свечу сальную,
Свечу сальную — воска ярого;
Ты не жди, не жди дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милого;
Я не гость пришел, не гоститися,
Я пришел к тебе доложитися:
Позволь, милая, мне женитися».—
«Ты женись, женись, разбессовестный,
Ты возьми, возьми у соседа дочь,
У соседа дочь, подружку мою».—
«Мне подружку взять — будешь гнев держать,
Уж мне взять ли взять самою тебя,
Самою тебя, красну девицу».

Мельгунов, «Русские песни, с голоса народа записанные», М. 1879 г.

ВО ЛУЗЯХ

Во лузях, во лузях зеленых, во лузях
Вырастала трава шелковая,
Расцвели цветы лазоревые.
Уж я той травою выкормлю коня,
Выкормлю, выглажу его,
Поведу коня к батюшку:
«Ох ты, батюшко, родный мой!
Ты примай слово ласковое,
Полюби слово приятливое:
Не давай меня за старого замуж!
Со старым мужем гулять не иду,
Про стара мужа постелю постелю;
В три ряда каменья накладу,
Во четвертый ряд крапивы настелю...»

Якушкин, № 101.

ИВУШКА

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что же ты, ивушка, не весело стоишь?
Или тебя, ивушка, солнышком печет,
Солнышком печет, частым дожжичком сечет;
Ехали бояре из Нова-города,
Срубили ивушку под самый корешок,
Сделали из ивушки два весла,
Два весла, весельца, третью лодочку;
Сели они в лодочку, поехали домой,
Взяли, подхватили красну девицу с собой;
Стали они девицу спрашивати:
— Девица, девица, красавица моя!
Что же ты, девица, не весело сидишь?
Или ты, красная, думаешь о чем?
— Как же мне, девице, веселой быть,
Как же мне, красной, не задумываться!
Что это у батюшки выдумано,
У родимой матушки выгадано?
Меньшую сестру прежде замуж отдают,
Меньшая сестра чем же лучше меня,
Лучше меня или вежливее?
Меньшая сестра ведь ни ткать, ни прясть,
Только по воду ходить, с горы ведра катить.
Качу я, покачу с горы ведра:
Станьте вы, ведерочки, полным-полны,
Полным-полны, с краями ровны.

«Подарок любителям пения».

АХ ВЫ, СЕНИ, МОИ СЕНИ...

Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые.

Знать-то, мне по сеничкам
Не хаживати,
Мне мила дружка за рученьку
Не важивати.

Выходила молода
За новые ворота
(За новые, дубовые,
За решетчатые).
Выпускала соколá
Из правого рукава:
«Полети ты, мой сокол,
Высоко и далеко,
И высóко и далёко,
На родиму сторону.

На родимой на сторонке
Грóзен батюшка живет,
Он грозéн, сударь, грозéн,
Да не милостивый:
Не велит поздно гулять,
С холостыми мне играть.
Я не слушаю отца,
А потешу молодца.
Я за то его потешу,
Что один сын у отца,
Он один сын у отца,
Уродился в молодца».

Рыбинский рукописный сборник.

ВДОЛЬ ДА ПО РЕЧКЕ...

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет.
Вдоль да по бережку,
Вдоль да по крутому
Добрый молодец идет.

Сам он со кудрями,
Сам он со русыми
Разговаривает:
«Кому мои кудри,
Кому мои русы
Достанутся расчесать?»
Доставались кудри,
Доставались русы
Старой бабе чесать.
Как она ни чешет,
Как она ни гладит,
Только волосы дерет.

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет.
Вдоль да по бережку,
Вдоль да по крутому
Добрый молодец идет.
Сам он со кудрями,
Сам он со русыми
Разговаривает:
«Кому мои кудри,
Кому мои русы
Достанутся расчесать?»
Доставались кудри,
Доставались русы
Молодой вдове чесать.
Как она ни чешет,
Как она ни гладит,
Только горьки слезы льет.

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет.
Вдоль да по бережку,
Вдоль да по крутому
Добрый молодец идет.
Сам он со кудрями,
Сам он со русыми
Разговаривает:

«Кому мои кудри,
Кому мои русы
Достанутся расчесать?»
Доставались кудри,
Доставались русы
Красной девице чесать.
Уж она и чешет,
Уж она и гладит,
Волос к волосу кладет.

Рыбинский рукописный сборник.

ВО ПОЛЕ БЕРЕЗА СТОЯЛА...

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!

Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати,
Люли, люли, заломати!
Люли, люли, заломати!

Я пойду погуляю,
Я пойду погуляю.
Люли, люли, погуляю!
Люли, люли, погуляю!

Белую березу заломаю,
Белую березу заломаю.
Люли, люли, заломаю!
Люли, люли, заломаю!

Срежу с березы три пруточка,
Срежу с березы три пруточка.
Люли, люли, три пруточка!
Люли, люли, три пруточка!

Сделаю три гудочка,
Сделаю три гудочка.
    Люли, люли, три гудочка!
    Люли, люли, три гудочка!

Четвертую балалайку,
Четвертую балалайку.
    Люли, люли, балалайку!
    Люли, люли, балалайку!

Вы, гудки, не гудите,
Вы, гудки, не гудите,
    Люли, люли, не гудите!
    Люли, люли, не гудите!

Стара мужа не будите,
Стара мужа не будите.
    Люли, люли, не будите!
    Люли, люли, не будите!

Старой спит со похмелья,
Старой спит со похмелья.
    Люли, люли, со похмелья!
    Люли, люли, со похмелья!

Пойду ль я на новы сени,
Пойду ль я на новы сени.
    Люли, люли, на новы сени!
    Люли, люли, на новы сени!

Стану ль старого будити,
Стану ль старого будити.
    Люли, люли, будити!
    Люли, люли, будити!

Встань, мой старой, пробудися!
Встань, мой старой, пробудися!
    Люли, люли, пробудися!
    Люли, люли, пробудися!

Ой, борода седая, пробудися!
Ой, борода седая, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Люли, люли, пробудися!

Вот тебе помои, умойся,
Вот тебе помои, умойся!
Люли, люли, умойся!
Люли, люли, умойся!

Вот тебе рогожка, утрися,
Вот тебе рогожка, утрися!
Люли, люли, утрися!
Люли, люли, утрися!

Вот тебе борона, расчешися,
Вот тебе борона, расчешися!
Люли, люли, расчешися,
Люли, люли, расчешися!

Вот тебе лапотки, обуйся,
Вот тебе лапотки, обуйся!
Люли, люли, обуйся!
Люли, люли, обуйся!

Вот тебе шубонька, оденься,
Вот тебе шубонька, оденься!
Люли, люли, оденься!
Люли, люли, оденься!

Вот тебе дорожка, прогуляйся,
Вот тебе дорожка, прогуляйся!
Люли, люли, прогуляйся!
Люли, люли, прогуляйся!

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!

Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Люли, люли, заломати!
Люли, люли, заломати!

Я пойду погуляю,
Я пойду погуляю.
Люли, люли, погуляю!
Люли, люли, погуляю!

Белую березу заломаю,
Белую березу заломаю.
Люли, люли, заломаю!
Люли, люли, заломаю!

Срежу с березы три пруточка,
Срежу с березы три пруточка.
Люли, люли, три пруточка!
Люли, люли, три пруточка!

Сделаю три гудочка,
Сделаю три гудочка.
Люли, люли, три гудочка!
Люли, люли, три гудочка!

Четвертую балалайку,
Четвертую балалайку.
Люли, люли, балалайку!
Люли, люли, балалайку!

Пойду ль я на новы сени,
Пойду ль я на новы сени.
Люли, люли, на новы сени!
Люли, люли, на новы сени!

Вы, гудки, загудите!
Вы, гудки, загудите!
Люли, люли, загудите!
Люли, люли, загудите!

Встань, мой милый, пробудися!
Встань, мой милый, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Люли, люли, пробудися!

Вот тебе водица, умойся,
Вот тебе водица, умойся!
Люли, люли, умойся!
Люли, люли, умойся!

Вот тебе полотенце, утрися!
Вот тебе полотенце, утрися!
Люли, люли, утрися!
Люли, люли, утрися!

Вот тебе гребень, расчешися,
Вот тебе гребень, расчешися!
Люли, люли, расчешися!
Люли, люли, расчешися!

Вот тебе башмачки, обуйся,
Вот тебе башмачки, обуйся!
Люли, люли, обуйся!
Люли, люли, обуйся!

Вот тебе кафтанчик, оденься,
Вот тебе кафтанчик, оденься,
Люли, люли, оденься!
Люли, люли, оденься!

Войди в терем, веселися,
Войди в терем, веселися!
Люли, люли, веселися!
Люли, люли, веселися!

«Подарок любителям пения».

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ...

Во саду ли, в огороде
Девица гуляла,
Она ростом невеличка,
Собой круглоличка.

За дегицей детинушка
    Бел-кудрявый ходит,
Он и ходит, он и ходит,
    Ничего не молвит.
«Что ж ты, молодец кудрявый,
    Ко мне редко ходишь?» —
«Ой, и рад бы я ходити,
    Да нечем дарити...
Подарю тебя, милая,
    Дорогим подарком,
Дорогим, душа, подарком,
    Жемчугом, китайкой». —
«Жемчугу я не хочу,
    Китайки не надо,
Когда любишь, мил, то купишь
    Золото колечко;
Золотое я колечко
    Прижму ко сердечку...»

Соболевский, IV, № 768.

АХ, НАСТАСЬЯ, ТЫ, НАСТАСЬЯ!..

Ах, Настасья, ты, Настасья!
Отворяй-ка ворота,
Отворяй-ка ворота,
Ты пускай-ка сокола.
— Я бы рада отворила,—
Буйный ветер в лицо бьет,
Буйный ветер в лицо бьет,
Частым дождичком сечет,
Частым дождичком сечет,
Отворить мне не дает.

Рыбинский рукописный сборник. Обычно пелась сейчас же, без перерыва, после «Вниз по матушке по Волге» — резкий переход от песни протяжной к плясовой.

НА ГОРЕ-ТО КА́ЛИНА...

На горе-то ка́лина,
Под горою ма́лина.
Ну что ж, кому дело, ка́лина!
А кому каксе дело, ма́лина!

Там девицы гу́ляли,
Красавицы гу́ляли.
Ну что ж, кому дело, гу́ляли!
А кому какое дело, гу́ляли!

Калинушку ло́мали,
Калинушку ло́мали.
Ну что ж, кому дело, ло́мали,
А кому какое дело, ло́мали.

Во пучочки вя́зали,
Во пучочки вя́зали.
Ну что ж, кому дело, вя́зали!
А кому какое дело, вя́зали!

На дорожку бро́сали,
На дорожку бро́сали,
Ну что ж, кому дело, бросали!
А кому какое дело, бросали!

Рыбинский рукописный сборник.

КАК У НАШИХ У ВОРОТ СТОИТ ОЗЕРО ВОДЫ...

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
Ай-люли, ай-люли,
Стоит озеро воды.

Молодец коня поил
И к воротам подводил.
Ай-люли, ай-люли,
И к воротам подводил;

К вереюшке привязал
И девице наказал;
Ай-люли, ай-люли,
И девице наказал:

«Красна девица душа,
Сбереги добра коня.
Ай-люли, ай-люли,
Сбереги добра коня!

Не сорвал бы повода,
Не сломал бы удилá!
Ай-люли, ай-люли,
Не сломал бы удилá!»

«Эхо родных звуков».

ЛУЧИНА, ЛУЧИНУШКА...

Лучина, лучинушка березовая!
Ах, что ж ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была,
В печи не была, не высушена?
Аль тебя, лучинушка, свекровь подлила?
Подружки, голубушки, ложитеся спать,
Ложитеся спать, вам некого ждать!
А мне молодешеньке всю ночку не спать,
Постелюшку стлать, мила дружка ждать.
Первый сон заснула — милой не бывал;
Другой сон заснула — сердечного нет;
Третий сон заснула — заря-белый свет.
По утренней зорюшке мой милой идет:
Сапожки на ножках поскрипывают,
Соболья шубочка пошумливает,
Меня молодешеньку побуживает!

«Подарок любителям пения».

КАК У НАШИХ У ВОРОТ...

Как у наших у ворот,
Как у наших у ворот,
Люли, люли, у ворот!

Стоял девок хоровод,
Стоял девок хоровод,
Люли, люли, хоровод!

Молодушек табунок,
Молодушек табунок,
Люли, люли, табунок!

Меня девки кликали,
Меня девки кликали,
Люли, люли, кликали!

На улицу поиграть,
На улицу поиграть,
Люли, люли, поиграть!

В хороводе поплясать,
В хороводе поплясать,
Люли, люли, поплясать!

Меня свекор не пустил,
Меня свекор не пустил,
Люли, люли, не пустил!

Хотя пустил, пригрозил,
Хотя пустил, пригрозил,
Люли, люли, пригрозил!

Гуляй, сноха, да недолго,
Гуляй, сноха, да недолго!
Люли, люли, да недолго!

А я млада загуляла,
А я млада загуляла,
Люли, люли, загуляла!

До саминьких петушков,
До саминьких петушков,
Люли, люли петушков!

Как зорюшка занялась,
Как зорюшка занялась,
Люли, люли, занялась!

А я млада поднялась,
А я млада поднялась,
Люли, люли, поднялась!

Навстречу мне деверек
Навстречу мне деверек,
Люли, люли, деверек!

Деверьюшка-батюшка!
Деверьюшка-батюшка!
Люли, люли, батюшка!

Проводи меня домой,
Проводи меня домой!
Люли, люли, домой!

До моего до двора,
До моего до двора,
Люли, люли, до двора!

До высока терема,
До высока терема,
Люли, люли, терема!

Подхожу я ко двору,
Подхожу я ко двору,
Люли, люли, ко двору!

Свекор ходит по двору,
Свекор ходит по двору,
Люли, люли, по двору!

Повесивши голову,
Повесивши голову,
Люли, люли, голову!

Станет свекор младу бить,
Станет свекор младу бить,
Люли, люли, младу бить!

А ты меня отними,
А ты меня отними,
Люли, люли, отними!

Не отнимешь — прочь поди,
Не отнимешь — прочь поди,
Люли, люли, прочь поди!

«Подарок любителям пения».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю, баюшки, баю,
Баю деточку мою.
Баю, спи-почивай,
Глаз своих не раскрывай.
Баю, баюшки, баю,
Бай хорошую мою.
Ты спи-усни,
Угомон тебя возьми.
У кота ли, у кота
Колыбелька хороша,
А у Сашеньки мово
Есть получше его.
Уж ты, котинька, коток,
Котя, серенький лобок,
Не ходи ты, коток,
По чужим по домам,
Не качай ты, коток,
Чужих детушек,

Приди, котик, ночевать,
Мово Сашеньку качать.
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу:
Дам кувшинчик молока
Да кусочек пирога.
Уж ты ешь, не кроши,
Больше, котик, не проси.

Рыбинский рукописный сборник.

БАЙ, БАЙ, ЛЮЛИ, ЛЮЛИ...

Бай, бай, люли, люли,
Прилетели гули, гули,
Сели гули на кровать,
Стали гули ворковать,
Тихо Машу усыплять.
Спи, спи, почивай,
Глаз своих не открывай.

«Эхо родных звуков».

БАЮ, БАЮШКИ, БАЮ!..

Баю, баюшки, баю!
Не ложися на краю!
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок
И утащит во лесок
Под ракитовый кусток.

«Эхо родных звуков».

ПЕТУШОК, ПЕТУШОК...

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Что ты рано встаешь,
Голосисто поешь,
Ване спать не даешь?
Ты его не буди,
С нами сам позасни.

«Эхо родных звуков».

УЖ Я СЕЯЛА, СЕЯЛА ЛЕНОК...

Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сеяв, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок!

Я полола, полола ленок,
Я, половши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок!

Уж я дергала, дергала ленок,
Уж я, дергав, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
Ты удайся, удайся, ленок!
Ты удайся, мой беленький ленок!

Уж я стлала, я стлала ленок,
Уж я, стлавши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок!

Я мочила, мочила ленок,
Я, мочивши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
    Ты удайся, удайся, ленок,
    Ты удайся, мой беленький ленок!

Я сушила, сушила ленок,
Я, сушивши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
    Ты удайся, удайся, ленок,
    Ты удайся, мой беленький ленок!

Уж я мяла, я мяла ленок,
Уж я, мявши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
    Ты удайся, удайся, ленок,
    Ты удайся, мой беленький ленок!

Я трепала, трепала ленок,
Я, трепавши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
    Ты удайся, удайся, ленок,
    Ты удайся, мой беленький ленок!

Я чесала, чесала ленок,
Я, чесавши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
    Ты удайся, удайся, ленок,
    Ты удайся, мой беленький ленок!

Уж я пряла, я пряла ленок,
Уж я, прявши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
    Ты удайся, удайся, ленок,
    Ты удайся, мой беленький ленок!

Уж я ткала, я ткала ленок,
Уж я, ткавши, приговаривала,
Чеботами приколачивала!
    Ты удайся, удайся, ленок,
    Ты удайся, мой беленький ленок!

«Эхо родных звуков».

А МЫ ПРОСО СЕЯЛИ...

Два хора — мужской и женский

1. А мы просо сеяли, сеяли;
Ой дид, ладо, сеяли, сеяли!
2. А мы просо вытопчем, вытопчем;
Ой дид, ладо, вытопчем, вытопчем!
1. А чем же вам вытоптать, вытоптать?
Ой дид, ладо, вытоптать, вытоптать?
2. А мы коней выпустим, выпустим;
Ой дид, ладо, выпустим, выпустим!
1. А мы коней переймем, переймем;
Ой дид, ладо, переймем, переймем!
2. А чем же вам перенять, перенять?
Ой дид, ладо, перенять, перенять!
1. А шелковым поводом, поводом;
Ой дид, ладо, поводом, поводом!
2. А мы коней выкупим, выкупим;
Ой дид, ладо, выкупим, выкупим!
1. А чем же вам выкупить, выкупить?
Ой дид, ладо, выкупить, выкупить!
2. А мы дадим сто рублей, сто рублей;
Ой дид, ладо, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо нам тысячи, тысячи;
Ой дид, ладо, тысячи, тысячи!
2. А что же вам надобно, надобно?
Ой дид, ладо, надобно, надобно!
1. Надобно нам девицу, девицу;
Ой дид, ладо, девицу, девицу!
1. В нашем полке убыло, убыло;
Ой дид, ладо, убыло, убыло!
2. В нашем полке прибыло, прибыло;
Ой дид, ладо, прибыло, прибыло!

«Подарок любителям пения».

ДУНЯ-ТОНКОПРЯХА...

Жила была Дуня,
Дуня тонкопряха, пряха, пряха.
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Купили Дуняхе
Три пуда кудели, дели, дели.
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Как из той кудели
Пряла три недели, дели, дели,
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Стала Дуня ткати,
Шилом протыкати, кати, кати...
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Челнок уронила,
Семь баб задавила, вила, вила...
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Стала она шити,
Топором рубити, бити, бити...
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Семь рек исходила,
Холста не смочила, чила, чила...
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Восьмая речища
Смочила холстище, тище, тище...
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Как навстречу Дуне
Косой Афанасий, насий, насий...
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

«Бог на помощь, Дуня,
Рогожу мочити, чити, чити!»
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

«Косая ты рожа!
Это не рогожа, гожа, гожа».
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

«Тонкие полотна
Мужу на рубаху, баху, баху».
Дуня ль моя, Дуняха,
Дуня-тонкопряха!

Смоленский рукописный сборник

ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ МОЛОДЧИК ИДЕТ...

Вдоль по улице молодчик идет,
Вдоль по широкой удаленький.
Ой жги! Ой жги! Говори!
Вдоль по широкой удаленький.

Как на молодце-то смур кафтан,
Опоясочка шелковая.
Ой жги! Ой жги! Говори!
Опоясочка шелковая.

Рукавички-то барановые,
А сапожки-то сафьяновые.
    Ой жги! Ой жги! Говори!
    А сапожки-то сафьяновые.

На нем шапочка-то бархатная,
Околы́шек черна соболя.
    Ой жги! Ой жги! Говори!
    Околышек черна соболя.

Под полою у молодца дуда,
Под другой-то он гусли несет.
    Ой жги! Ой жги! Говори!
    Под другой-то он гусли несет.

Как струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала.
    Ой жги! Ой жги! Говори!
    А дуда-то выговаривала.

Пора молодцу женитьбу давать,
Холостому время свататься.
    Ой жги! Ой жги! Говори!
    Холостому время свататься.

«Эхо родных звуков», плясовая песня.

УСЫ

Собралося нас, усов,
Полна хата молодцов...
        Много!
    Ай, да усы, ай, да усы,
    Усы, усы, усы, развалисты усы!

И на лавке усы,
И под лавкой усы...
        Тесно!
    Ай, да усы, ай, да усы,
    Усы, усы, усы, развалисты усы!

Впереди сидит усище,
Атаманище.
Вот он!
Ай, да усы, ай, да усы,
Усы, усы, усы, развалисты усы!

Нам хозяин побожился:
«Ни копейки денег нет!»
Врет он!
Ай, да усы, ай, да усы,
Усы, усы, усы, развалисты усы!

К нам хозяйка идет,
Горшок масла несет.
Кашу маслить!
Ай, да усы, ай, да усы,
Усы, усы, усы, развалисты усы!

К нам хозяин идет,
Полштоф водки несет,—
Выпьем!
Ай, да усы, ай, да усы,
Усы, усы, усы, развалисты усы!

Смоленский рукописный сборник.

В ТЕМНОМ ЛЕСЕ...

В темном лесе,
В темном лесе,
В темном лесе,
В темном лесе,
За лесью,
За лесью,

Распашу ль я,
Распашу ль я,
Распашу ль я,
Распашу ль я
Пашенку,
Пашенку.

Посе́ю ль я,
Посе́ю ль я,
Посе́ю ль я,
Посе́ю ль я
Лен-конопель,
Лен-конопель.

Уродился,
Уродился,
Уродился,
Уродился
Мой конопель,
Мой зеленой.

Тонок, долог,
Тонок, долог,
Тонок, долог,
Тонок, долог,
Бел-волокнист,
Бел-волокнист.

Повади́лся,
Повади́лся,
Повади́лся,
Повади́лся
Вор-воробей,
Вор-воробей

В мою конопельку,
В мою зелену́ю,
В мою конопельку,
В мою зелену́ю
Летати,
Летати;

Мою конопельку,
Мою зелену́ю,
Мою конопельку,
Мою зелену́ю
Клевати,
Клевати.

Уж я его́,
Уж я его́,
Уж я его́,
Уж я его́
Изловлю,
Изловлю,

Крылья-перья,
Крылья-перья,
Крылья-перья,
Крылья-перья
Ощиплю,
Ощиплю.

Он не будет,
Он не станет,
Он забудет,
Перестанет
Летати,
Летати,

Мою конопельку,
Мою зелену́ю,
Мою конопельку,
Мою зелену́ю
Клевати,
Клевати.

Повади́лся,
Повади́лся,
Повади́лся,
Повади́лся
Молодец,
Молодец

К моей Марусе́ньке,
К моей Марусе́ньке,
К моей Марусе́ньке,
К моей Марусе́ньке
Ходити,
Ходити,

Мою Марусéньку,
Мою дорогую,
Мою Марусéньку,
Мою дорогую
Любити,
Любити.

Уж я éго,
Уж я éго,
Уж я éго,
Уж я éго
Изловлю,
Изловлю,

Руки, ноги,
Руки, ноги,
Руки, ноги,
Руки, ноги
Перебью,
Перебью!

Он не будет,
Он не станет,
Он забудет,
Перестанет
Ходити,
Ходити,

Мою Марусéньку,
Мою дорогую,
Мою Марусéньку,
Мою дорогую
Любити,
Любити!

Рыбинский рукописный сборник.

КОМАРОЧЕК

Все мы песни перепели,
Все мы песни перепели,
Перепел, перепел, перепели,
Перепел, перепел, перепели.

Одной песни не допели,
Одной песни не допели,
Не допел, не допел, не допели,
Не допел, не допел, не допели.

Комарочка позабыли,
Комарочка позабыли,
Позабыл, позабыл, позабыли,
Позабыл, позабыл, позабыли.

Как летел наш комарочек,
Как летел наш комарочек,
Комарочек, комарок, комарище,
Комарочек, комарок, комарище.

Полетел он во лесочек,
Полетел он во лесочек,
Во лесочек, во лесок, во лесище,
Во лесочек, во лесок, во лесище.

Он садился на дубочек,
Он садился на дубочек,
На дубочек, на дубок, на дубище,
На дубочек, на дубок, на дубище.

Свесил ножки на листочек,
Свесил ножки на листочек,
На листочек, на листок, на листище,
На листочек, на листок, на листище.

Как подул тут ветерочек,
Как подул тут ветерочек,
Ветерочек, ветерок, ветерище,
Ветерочек, ветерок, ветерище.

И упал наш комарочек,
И упал наш комарочек,
Комарочек, комарок, комарище,
Комарочек, комарок, комарище.

Рыбинский рукописный сборник.

КУМАНЕЧЕК, ПОБЫВАЙ У МЕНЯ!..

— Куманечек, побывай у меня!
Душа-радость, побывай у меня!

Побывай, бывай, бывай у меня!
Побывай, бывай, бывай у меня!

— Я бы рад, да побывал у тебя,
Побывал, бывал, бывал у тебя:

У тебя ли, кума, улица грязна,
Что грязна, грязна, не вымощена.

— Уж как я ли тому горю помогу,
Помогу, могу, могу, помогу:

Чрез дорожку я мосточек намощу,
Намощу, мощу, мощу, намощу.

— У тебя ль, кума, ворота скрипучи,
Скрипучи, пучи, пучи, скрипучи!

— Я сама ли тому горю помогу,
Помогу, могу, могу, помогу:

Под ворота кусок сала подложу,
Подложу, ложу, ложу, подложу.

— У тебя, кума, собачка ведь лиха,
Что лиха, лиха, лиха, так лиха!

— Я сама ль тому горю помогу,
Помогу, могу, могу, помогу:

Я собачку на цепочку посажу,
Посажу, сажу, сажу, посажу.

«Эхо родных звуков».

ЗА МОРЕМ СИНИЧКА НЕ ПЫШНО ЖИЛА...

За морем синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала;
Черный дрозд пивоваром был,
Сизый орел винокуром слыл.
Совушка-вдовушка незваная пришла,
Снигирюшку-милушку за ручку привела.
Стали снигирю мелки пташки говорить:
«Что же ты, снигирюшка, не женишься?» —
«Рад бы я жениться, да некого взять:
Взял бы я пернатку — да матка моя,
Взял бы я чечетку — да тетка моя,
Взял бы я синичку — сестричка моя,
Взял бы я галку — косолапая она,
Взял бы я сову — пучеглазая она,
Взял бы я ворону — черномазая она,
Взял бы я кукушку — тоскливая она,
Взял бы я касатку — вертлявая она,
Взял бы я сороку — щекотливая она,
Щекотливая она, говорливая она.
Есть за морями перепелочка,
Та мне ни матушка, ни тетушка,
Ту я люблю и за себя возьму.
Здравствуй хозяин со хозяюшкою».

Смоленский рукописный сборник.

ГРИБ БОРОВИК...

Гриб боровик,
Всем грибам полковик,
Повелел, приказал
На войну итти.

Отказались мухоморы.
Говорят: «Мы сенаторы, —
Не повинны мы
На войну итти!»

Гриб боровик,
Всем грибам полковик,
Повелел, приказал
На войну итти.

Отказалися белянки:
«Столбовые мы дворянки,—
Не повинны мы
На войну итти!»

Гриб боровик,
Всем грибам полковик,
Повелел, приказал
На войну итти.

Отказалися маслянки:
«Мы придворные служанки,—
Не повинны мы
На войну итти!»

Гриб боровик,
Всем грибам полковик,
Повелел, приказал
На войну итти.

Отказалися сморчки:
«Мы совсем уж старички,—
Не повинны мы
На войну итти!»

Гриб боровик,
Всем грибам полковик,
Повелел, приказал
На войну итти.

Отказалися волнушки.
Говорят: «Уж мы старушки,—
Не повинны мы
На войну итти!»

Гриб боровик,
Всем грибам полковик,
Повелел, приказал
На войну итти.

Отказалися опенки:
«У нас ноги очень тонки, —
Не повинны мы
На войну итти!»

Гриб боровик,
Всем грибам полковик,
Повелел, приказал
На войну итти!

Отвечали грузди:
«Мы, грузди,
Мы — ребята дружны —
Пойдем на войну!»

Рыбинский рукописный сборник.

Отдел второй

ПЕСНИ И РОМАНСЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

(1752—1828)

ВЫЙДУ Я НА РЕЧЕНЬКУ...

Выйду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой!

Нет, унесть с собой не можешь
Лютой горести моей;
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему —
Мысль за мыслью так стремится
Все к предмету одному.

Ноет сердце, изнывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает:
Взгляд его — весь мой закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах, коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем внимаю,
Кем я мыслю — кем дышу!

Не почувствуй ты досады!
Как дойдет мой стон к тебе.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж ты найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь,
Словом ласковым — хоть ложным —
Ад души моей умерь.

На музыку положена была Кашиным и многими другими композиторами.

И. И. Дмитриев

(1760—1837)

ПЕСНЯ

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь:
Миленький его дружочек
Отлетел надолго прочь.

Он уж больше не воркует
И пшенички не клюет:
Все тоскует, все тоскует
И тихонько слезы льет.

С одной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку голубую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно,—
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает,
Носик в перья завернул,
Уж не стонет, не вздыхает —
Голубок навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека.
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка.

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя,
Не проснется милый друг!

«Московский журнал», 1792 г., ч. 6.
Музыка Ф. Дубянского.

Н. М. Карамзин
(1766—1826)

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край, вино!
Все до капли выпивайте;
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире,
Всякий горе испытал,
В бедном рубище, в порфире,
Но и радость бог нам дал.

Он вино нам дал на радость,
Говорит святой мудрец:
Старец в нем находит младость,
Бедный — горестям конец.

Кто все плачет, все вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем,
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.

Все печальное забудем,
Что смущало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!

Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!

«Московский журнал», 1791 г., ч. 3.

П. И. Шаликов

(1768—1852)

НЫНЧЕ БЫЛ Я НА ПОЧТОВОМ НА ДВОРЕ...

Нынче был я на почтовом на дворе,
Льстил себе найти от миленькой письмо,
И — пошел назад с унылою душой.
Нет письма!.. Нет сердцу радости ни в чем!
Ах! Давно, давно не пишет уж ко мне
Та, которою на свете я живу;
Та, котора уверяла так меня,
Что в разлуке ей отрада только в том,
Чтоб писать ко мне... о горести своей!..
Что ж мешает ей в отраде той теперь?
Что мешает сердце друга оживить?
Неужель забыт я милою моей?
Неужели сон был счастие мое?..
Нет, не может статься этого вовек!
Я довольно знаю милую мою:
Ее сердце не умеет изменить,
Ее сердце век останется моим.
Знать, свободного и в тереме своем
Не имеет она времени часа:
Иль препятствуют недобры люди ей
К другу грамотки чрез почту посылать...
Но, что б ни было причиною того,
Лишь была б здорова милая моя!

П. Шаликов, «Плод свободных чувствований», ч. 3, М. 1801 г. Музыка А. Варламова.

Н. И. Ильин

(1773—1823)

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Ночь темна была и не месячна,
Рать скучна была и не радостна;
Все солдатушки призадумались,
Призадумавшись, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдат слезы градом сыпались.
Не люта змея кровожадная
Грудь сосала их богатырскую,
Что тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца молодецкие,
Не отцов родных оплакивали
И не жен младых и не детушек,—
Как оплакивали родимую,
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартием.
Тут как вдруг они встрепенулися,
Словно вихрь — орлы взор окинули
Во все стороны и воскликнули
Все в один голос, как в злату трубу:
«Молодцы братцы, удалы друзья,
Неизменные чада русские!
Что дадим, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную,
Чтоб не взвидеть нам и домов своих,
Ни отцов родных, ни младых нам жен,
Малых детушек, роду-племени,
Ни самой души красной девицы,

Не побив силы Бонапартовой,
Не отмстив врагу за родну Москву!
Отсечем ему мы возвратный путь,
И мы примемся по-старинному,
По-старинному, по-суворовски;
Закричим «ура!» и пойдем вперед;
На штыках пройдем силы вражие;
Перебьем мы их, переколем всех;
Кто пяток убьет, кто десяточек,
А лютой боец до пятнадцати.
Не дадим, друзья, люта промаху;
Постараемся все, ребятушки,
Чтобы сам злодей на штыке погиб,
Чтоб вся рать его здесь костьми легла,
Ни одна б душа иноверная
Не пришла назад в свою сторону».

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», *ч. 1, М. 1814 г.*

А. А. Шаховской

(1777—1846)

ВНИЗ ПО ВОЛГЕ-РЕКЕ...

Вниз по Волге-реке,
С Нижня-Новгорода
Снаряжен стружок,
Как стрела, летит.

Как на том на стружке
На снаряженном
Удалых гребцов
Сорок два сидят.

Как один-то из них,
Добрый молодец,
Призадумался,
Пригорюнился.

«Ах, о чем же ты,
Добрый молодец,
Призадумался,
Пригорюнился?»

«Я задумался,
Пригорюнился
Об одной душе,
Красной девице.

Эх вы, братцы мои,
Вы товарищи,
Сослужите вы мне
Службу верную.

Киньте, бросьте меня
В Волгу-матушку,
Утопите в ней
Грусть-тоску мою.

Лучше быть мне в реке
Утопимому,
Чем на свете жить
Нелюбимому».

Из комедии «Двумужница», 1832 г.
Музыка А. Варламова.

А. Ф. Мерзляков
(1778—1830)

СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ...

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него;
Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон, да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

«Песни и романсы А. Мерзлякова», М. 1830 г., песня № 1.

Я НЕ ДУМАЛА НИ О ЧЕМ В СВЕТЕ ТУЖИТЬ...

Я не думала ни о чем в свете тужить,
Пришло время, начало сердце крушить;
С воздыханья белой груди тяжело!
То ли в свете здесь любовью прослыло:
Полюбя дружка, от горести изныть,
Кто по сердцу мне, не сметь того любить?

Злые люди все украдкою глядят,
Меня, девушку, заочно все бранят...
Как же слушать пересудов мне людских?
Сердце любит, не спросясь людей чужих;
Сердце любит, не спросясь меня самой!
Вы уймитесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь — научите не любить!
Потужите лучше в горести со мной:
Было время, и на вас была беда.
Чье сердечко не болело никогда?
Всяк изведал грусть-злодейку по себе,
А не всякий погорюет обо мне!
Что же делать с горемычной головой?
Куда спрячешь сердце бедное с тоской?
Друг не знает, что я плачусь на него;
Людям нужды нет до сердца моего!..
Вы, забавушки при радости моей,
Цветы алые, поблекните скорей!
Вас горючими слезами оболью,
Вам одним скажу про горесть я свою.
Как без солнышка не можно́ вам пробыть,
Мне без милого не можно больше жить.

Там же, № 2.

ЧЕРНОБРОВЫЙ, ЧЕРНОГЛАЗЫЙ...

Чернобровый, черноглазый,
Молодец удалый,
Вложил мысли в мое сердце,
Зажег ретивое!
Нельзя солнцу быть холодным,
Светлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свете,
И не жить любовью!
Для того ли солнце греет,
Чтобы травке вянуть?
Для того ли сердце любит,
Чтобы горе мыкать?

Нет, не дам злодейке-скуке
Ретивого сердца!
Полечу к любезну другу
Осеннею пташкой.
Покажу ему платочек,
Его же подарок:
Сосчитай горючи слезы
На алом платочке.
Иссуши горючи слезы
На белой ты груди
Или сладкими их сделай,
Смешав со своими...
Воет сыр-бор за горою,
Метелица в поле;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бедна птичка,
Запертая в клетке!
Не отворишь ты слезами
Отеческой терем;
Не увидишь дорогого,
Ни прежнего счастья!
Не ходить бы красной девке
Вдоль по лугу, лугу;
Не искать было глазами
Пригожих, удалых!
Не любить бы красной девке
Молодого парня;
Поберечь бы красной девке
Свое нежно сердце!

Там же, № 6.

ДЛЯ ЧЕГО ЛЕТИШЬ, СОЛОВУШКО, К САДАМ?..

Для чего летишь, соловушко, к садам?
Для соловушки алеет роза там.
Чем понравился лужок мне шелковой?
Там встречаюсь я с твоею красотой.
Как лебедушка во стаде голубей,
Среди девушек одна ты всех видней!

Что лань быстра, златорогая в лесах,
С робкой поступью гуляешь ты в лугах.
Гордо страстный взор разбегчивой блеснул;
Молодецкой круг незольно воздохнул,
Буйны головы упали на плеча,
Люди шепчут: «Для кого цветет она?»
Наши души знают боле всех людей,
Наши взоры говорят всего ясней.
Но когда, скажи, терпеть престану я?
Дни ко мне бегут, а счастье от меня.
Пусть еще я не могу владеть тобой,
Для чего же запретил тиран мне злой
Плакать, видеться с красавицей моей?
И слезам моим завидует злодей!

Там же, № 11. Музыка А. Варламова.

Н. М. Ибрагимов

(1778—1818)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Вечерком красна девица
На прудок за стадом шла;
Черноброва, белолица
Так гуськов домой гнала:
«Тига, тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня, богатый,—
Ты не мил моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше!
Тига, тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!

Нас одних для нас довольно:
Все любовь нам заменит.
А сердечны слезы больно
Через золото ронить.
Тига, тига, тига, тига,
Вы, гуськи мои, домой!»

«Труды общества любителей отечественной словесности», 1815 г.

И. И. Козлов

(1779—1840)

НЕ БИЛ БАРАБАН ПЕРЕД СМУТНЫМ ПОЛКОМ...

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почесть к ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе,—
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Недолго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

«Северные цветы», 1826 г.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон, —
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

«Северные цветы», 1828 г. Музыка А. Алябьева.

В. А. Жуковский
(1783—1852)

РАЗ В КРЕЩЕНСКИЙ ВЕЧЕРОК...

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном,
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

«Стихотворения Василия Жуковского», ч. 2, СПБ. 1816 г. Музыка А. Варламова. Первая строфа баллады Жуковского «Светлана».

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи, не забывай;
Пока твое колечко—
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать?!

С тех пор мы, как чужие,
Приду к ней — не глядит.
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит.

О ветер полуночный,
Проснися! Будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах.
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах,

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла.

На что твоя мне ласка,
На что мне твой привет?
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет.

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне — мое колечко
С надеждою моей.

Стихотворения В. Жуковского «Для немногих», 1818 г., № 1. Музыка А. Алябьева.

НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских
Встают с африканских степей,
С горячих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы,
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи-кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо него
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И Франция — тот их пароль,
Тот лозунг — Святая Елена.
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

«Современник», 1836 г., № 1. Музыка М. Глинки (1837).
Вольный перевод баллады австрийского поэта Цедлица.

Д. В. Давыдов

(1784—1839)

И МОЯ ЗВЕЗДОЧКА

Море воет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою,—
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

«Молодая, золотая
Предвещательница дня!
При тебе беда земная
Недоступна для меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое!»

«Библиотека для чтения», 1834 г., т. III, отд. I.

П. А. Межаков

(1786—1860)

СОЛОМА

На что, скажите, нет стихов?
Мы пели славу, шум сражений,
Луну, ручьи и голубков,
И тьму чертей и привидений.
Тот славит прелесть красоты,
Вино приятнее другому;
Недавно кто-то пел цветы —
Позвольте мне вам спеть солому.

Солома осеняет кров,
Где земледелец обитает;
И, утомленный от трудов,
Он на соломе отдыхает.
Склонясь главой на мягкий пух,
Богач в великолепном доме
Бессонницей терзает дух —
Бедняк спит крепко на соломе!

Солома, претворясь в наряд
Красавиц хитрою рукою,
Нескромный отражает взгляд
И защищает их от зною.
Пытаясь сей покров сорвать,
Зефир трудится попустому;
А, право, жаль! Какая стать,
Чтоб розы прятать под солому?

Я слышал, будто в старину
Любовь страшилася измены,
И добрый муж, любя жену,
Не знал желаний перемены;
Теперь же страсть вся на словах,
С любовью верность не знакома,
И нежность в пламенных сердцах
Сгорает скоро, как солома!

А ты, товарищ мой, поэт,
Неутомимый и бездарный,
Прими мой дружеский совет:
Оставь свой труд неблагодарный.
Напрасно вялый дух сокрыть
Желает слов надутых в громе;
Ты мнишь на лаврах опочить —
И ах! проснешься на соломе!

«Стихотворения ***Павла Межакова****», СПБ. 1828 г.* ***Музыка*** *А. Алябьева (1832).*

К. Н. Батюшков

(1787—1855)

РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица, — слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила.
Она — мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила,—
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица, — слезами
Кручине злой не пособить.
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка бранная порвется
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался,
И честь гусара с ним.

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам — игрушка,
А клятвы их — слова.

Все здесь, друзья, изменой дышит,
Теперь нет верности нигде.
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелою на воде.

«Пантеон русской поэзии», 1814 г., ч. 2. Музыка, по преданию, написана М. Ю. Вьельгорским.

М. Н. Загоскин

(1789—1852)

ПЕСНЯ ЦЫГАН

Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Но счастливей, веселей
Всех вельмож могучих.
Наши деды и отцы
Нам примером служат,
И цыгане, молодцы,
Ни о чем не тужат.
    Гей, цыгане! гей, цыганки!
    Живо, веселее!
    Гей, цыгане! гей, цыганки!
    Живо, веселее!

Мы на горе не глядим,
Все с весельем сносим;
Хоть по суткам не едим,
Но не жнем, не косим.
Вместе с солнцем не встаем
Для дневной работы,
Лишь проснемся и — поем:
Нет у нас заботы!
    Гей, цыгане! гей, цыганки!
    Живо, веселее!
    Гей, цыгане! гей, цыганки!
    Живо, веселее!

У цыганок круглый год
Праздник-новоселье;
Им покров — небесный свод,
А земля — постеля.

Зимний холод не беда —
Вкруг огня запели;
И не страшны нам тогда
Вьюги и метели.
    Гей, цыгане! гей, цыганки!
    Живо, веселее!
    Гей, цыгане! гей, цыганки!
    Живо, веселее!

Из либретто к опере А. Верстовского «Пан Твардовский» (1828).

ГОЙ, ТЫ, ДНЕПР ЛИ МОЙ ШИРОКИЙ...

Гой, ты, Днепр ли мой широкий,
Лейся быстрою волной,
Днепр широкий и глубокий,
Ты кормилец мой родной.
Я забыл свою кручину
На волнах твоих седых,
Горемыку-сиротину
Ты укачивал на них.
Бесприютный, одинокий,
Я живу одним тобой,
Днепр широкий и глубокий,
Ты кормилец мой родной.

В СТАРИНУ ЖИВАЛИ ДЕДЫ...

В старину живали деды
Веселей своих внучат;
Как простую пили воду
Мед и крепкое вино;
Веселились, потешались,
Пировали круглый год!
Вот как жили при Аскольде
Наши деды и отцы!

АХ, ПОДРУЖЕНЬКИ, КАК ГРУСТНО...

Ах, подруженьки, как грустно
Круглый год жить взаперти,
Из-за стен лишь любоваться
На широкие поля.
Нам и песни не веселье,
От тоски мы их поем.
К одним горестям привычные,
Мы скучаем с юных лет.
И зачем мы, горемычные,
Родились на белый свет!
Нам и песни не веселье,
От тоски мы их поем!

УЖ КАК ВЕЕТ, ВЕЕТ ВЕТЕРОК...

Уж как веет, веет ветерок,
Пробираясь по лесу,
По кусточкам он шумит,
По листочкам шелестит,
По лужочкам перепархивает...
То запашет он прохладой,
То засвищет соловьем,
Он несет к девице весточку
От сердечного дружка;
Он ей шепчет на ухо:
«Тяжко, тяжко было молодцу,
Да товарищ выручил.
Ты не бойся, моя радость,
Не грусти, моя краса,
Не найдут меня злодеи,
Не отыщут мой приют...»

ЗАХОДИЛИ ЧАРОЧКИ ПО СТОЛИКУ!..

Заходили чарочки по столику!
Заплясали молодцы по горенке!
Гей, жги, говори,
Договаривай!

Старые деды вприсядку пошли,
А старухи подрумянились!
    Гей, жги, говори,
    Договаривай!

Х о р:

    Гей, жги, говори,
    Договаривай!

Все пять песен из либретто к опере А. Верстовского «Аскольдова могила» (1833).

Д. П. Глебов

(1789—1843)

СКУЧНО, МАТУШКА, МНЕ СЕРДЦЕМ ЖИТЬ ОДНОЙ...

Скучно, матушка, мне сердцем жить одной,
Скучно, скучно, что не едет дорогой.
Где сокрою я кручинушку свою?
Лучше выйду, на крылечке постою.
Посмотрю, кто вдоль по улице прошел,
Посмотрю, не пролетит ли мой сокол.
Вдоль по улице метелица метет,
А с метелицей и милый мой идет.
Машет издали мне аленьким платком,
Подошедши, говорит он мне тайком:
«Ах, постой, постой, любезная моя!
Дай мне, радость, наглядеться на тебя!
С той поры, как разлучились мы с тобой,
Потерял я и здоровье и покой». —
«Друг сердечный, — отвечала я ему, —
Или ты смеешься горю моему?
Такова ли я до сей поры была,
Таковою ли красавицей слыла?
На лице поблекли алые цветы,
Без тебя, мой друг, лишилась красоты!»

«Вестник Европы», 1817 г., ч. 92.

И. И. Лажечников

(1792—1869)

СЛАДКО ПЕЛ ДУША-СОЛОВУШКО...

Сладко пел душа-соловушко
В зеленом моем саду;
Много-много знал он песен,
Слаще не было одной.

Ах, та песнь была заветная,
Рвала белу грудь тоской;
А все слушать бы хотелося,
Не расстался бы век с ней.

Вдруг подула со полуночи,
Будто на сердце легла,
Снеговая непогодушка
И мой садик занесла.

Со того ли со безвременья
Опустел зеленый сад;
Много пташек, много песен в нем,
Только милой не слыхать.

Слышите ль, мои подруженьки,
В зеленом моем саду
Не поет ли мой соловушко
Песнь заветную свою?

«Где уж помнить перелетному?—
Мне подружки говорят.—
Песню, может быть, постылую
Для него в чужом краю?»

Нет, запел душа-соловушко
В чужой-дальней стороне;
Он все горький сиротинушка,—
Он все тот же, что и был.

Не забыл он песнь заветную,
Все про край родной поет,
Все поет в тоске про милую,
С этой песней и умрет.

Из романа И. Лажечникова «Последний Новик», М. 1831 г., ч. 2, гл. 3. Музыка А. Алябьева.

Н. М. Коншин

(1793—1859)

ВЕК ЮНЫЙ, ПРЕЛЕСТНЫЙ...

Век юный, прелестный,
Друзья, улетит;
Нам все в поднебесной
Изменой грозит.
Летит стрелой
Наш век младой;
Как сладкий сон,
Минует он.
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Затмится тоскою
Наш младости пир;
Обманет мечтою
Украшенный мир.
Бледнеет свет;
Что день, то нет
Мечты златой,
Мечты живой.
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Как май ароматный —
Веселье весны;
Как гость благодатный
С родной стороны —

Так юность дней,
Вся радость в ней;
Друзья, скорей
Всё в жертву ей.
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Первая публикация не установлена.
Музыка А. Гурилева.

К. Ф. Рылеев
(1795—1826)
и А. А. Бестужев
(1797—1837)

АХ, ТОШНО МНЕ...

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Все в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать?

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

По две шкуры с нас дерут;
Мы посеем — они жнут;
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то;
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
    И обманом —
    Их карманом
Стала наша мошна.

Баре с земским судом
И с приходским попом
    Нас морочат
    И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде.
    Без синюхи
    Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
    За бумагу,
    За отвагу
Ты за все, про все давай.

Там же каждая душа
Покривится из гроша,
    Заседатель,
    Председатель
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
    То дороги,
    То налоги
Разорили нас вконец.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином
    И народу
    Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
    Всех затеев
    Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Тот указ подмахнет.
    Ему шутка,
    А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко!..
    Да мы сами
    Ведь с усами,
Так мотай себе на ус!

«Полярная звезда», кн. V, Лондсн, 1859.

УЖ КАК ШЕЛ КУЗНЕЦ...

Уж как шел кузнец
Да из кузницы —
    Слава!
Нес кузнец
Три ножа —
    Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож —
    Слава!
Второй нож
На попов, на святош —
    Слава!
А молитву сотворя,
Третий нож на царя —
    Слава!

«Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861 г.

ТЫ СКАЖИ, ГОВОРИ...

Ты скажи, говори,
Как в России цари
    Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
    Давят.
Как капралы Петра
Провожали с двора
    Тихо.
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
    Лихо.
Как курносый злодей
Воцарился по ней —
    Горе!
Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
    Вскоре.

«Полярная звезда», кн. V, Лондон, 1859 г.

БЛИЗ ФОНТАНКИ-РЕКИ...

Близ Фонтанки-реки
Собирались полки,
    Слава!
Что ни свет, ни заря
Для потехи царя.
    Слава!
Разве нет у вас штыков
На князьков дураков?
    Слава!
Разве нет у вас свинца
На тирана подлеца?
    Слава!

«Поэзия декабристов», Л. 1950 г.

ПОСЛАНИЕ К А. А. БЕСТУЖЕВУ

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
Когда ж ударит грозный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

М. Гофман. «Поэзия К. Ф. Рылеева», 1917 г. Стихотворение приписывается К. Ф. Рылееву. Положенное на музыку, стало известной революционной песней.

И. П. Мятлев

(1796—1844)

ПЛАВАЮЩАЯ ВЕТКА

«Что ты, ветка бедная,
Ты куда плывешь?
Берегись — сердитое
Море; пропадешь!

Уж тебе не справиться
С бурною волной,
Как сиротке горькому
С хитростью людской.

Одолеет лютая,
Как ты ни трудись,
Далеко умчит тебя,
Ветка, берегись!»

«Для чего беречься мне?—
Ветки был ответ.—
Я уже иссохшая,
Во мне жизни нет.

От родного дерева
Ветер оторвал;
Пусть теперь несет меня,
Куда хочет, вал!

Я и не противлюся,
Мне чего искать?
Уж с родным мне деревом
Не срастись опять!»

«Полное собрание сочинений И. П. Мятлева», СПБ. 1857 г., т. I.

ФОНАРИКИ

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас;
Ночные караульщики,
Ваш верен зоркий глаз.
Вы видели ль, приметили ль,
Как девушка одна
На цыпочках тихохонько
И робости полна
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидать
И шопотом, украдкою
«Люблю» ему сказать?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят.
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет?..
И вот они встречаются —
И радость и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой;

Ту женщину безумную,
Заплаканы глаза:
Ее все жизни радости
Разрушила гроза?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как, в горести немой,
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого
Гуляку, в сюртуке
Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль сиротушку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб бедной ей помог;
Как горемычной холодно,
Как страшно в темноте?
Ужель никто не сжалится
И гибнуть сироте?

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта, в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь, как шальной,

Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики, сударики,
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль,
Того не говорят.

Быть может, не приметили...
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею,
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог...

Фонарики, сударики,
Народ всё деловой;
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой.
Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.

Им, дескать, не приказано
Вокруг себя смотреть,
Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть,
Да и гореть, покудова
Кто не задует их.
Так что же и тревожиться
О горестях людских?!

Фонарики, сударики,
Народ всё деловой;
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой.

Там же.

Н. Г. Цыганов

(1797—1831)

ОХ, БОЛИТ ДА ЩЕМИТ...

Ох, болит
Да щемит
    Ретиво сердечко —
Все по нем,
По моем
    По милом дружочке!

Он сердит,
Не глядит
    На меня, девицу,
Все корит
Да бранит,
    Взносит небылицу.

Будто днем,
Соловьем
    По садам летаю,
Не об нем,—
Об ином
    Звонко распеваю.

Ничего,
Никого
    Ночью не боюся,
И не с ним,—
Все с иным
    Милым веселюся.

Не расти,
Не цвести
    Кустику сухому;
Не любить,
Не сгубить
    Девицы иному!

Не себе, —
Все тебе
    Красота блюдется...
Ах, ничьей, —
Все твоей
    С горя изведется.

«Русские песни Н. Цыганова», М. 1834 г., № 2. Музыка А. Варламова.

НЕ КУКУШЕЧКА В СЫРОМ БОРУ...

Не кукушечка в сыром бору
    Жалобнехонько
    Вскуковала, —
А молодушка в светлом терему
    Тяжелехонько
    Простонала.

Не ясен сокол по поднебесью
    За лебедками
    Залетался, —
Добрый молодец по безразумью
    За красотками
    Зашатался...

Ясну соколу быть пойману,
    Обескрылену
    Во неволе...
Добру молодцу быть в солдатушках
    Обезглавлену
    В ратном поле.

А кукушечке во сыром бору
По чужим гнездам
Куковати...
А молодушке во слободушке
По чужим углам
Воздыхати!

Там же, № 3. Музыка А. Гурилева.

ЧТО ТЫ РАНО, ТРАВУШКА, ПОЖЕЛТЕЛА...

«Что ты рано, травушка,
Пожелтела...
Что вы рано, цветики,
Облетели?
Что ты так, красавица,
Похудела:
Впали алы щеченьки,
Побледнели...
Впали ясны оченьки,
Потускнели?..»

«Не успели цветики
Распуститься,
Уж их злая засуха
Поедает...
Не успела я с дружком
Обру́читься, —
Уж он меня, бедную,
Покидает,
Без поры, без времени
Убивает!»

«Только ль свету белого,
Что в оконце?..
Только ль добрых молодцев,
Что изменщик?

Не туман, голубушка,
    Ясных очек,
Не слези, лебедушка,
    Алых щечек.
Выбирай любимого
    Из удалых —
По нраву приятному,
    По обычью,
По уму, по разуму
    Да по сердцу!»

«Погляжу ль я на небо:
    Звездок много —
Да один во звездочках
    Светел месяц!
Загляну ль в зеленый сад:
    Пташек много —
Да один во пташечках
    Ясен сокол!
Взгляну ли на молодцев:
    Добрых много —
Да не придут девушке
    По обычью,
По уму, по разуму
    Да по сердцу».

Там же, № 4. Музыка А. Варламова.

ЧТО ЭТО ЗА СЕРДЦЕ...

Что это за сердце,
Что это такое,
Что ни днем, ни ночью
Не дает покоя?

То забьется пташкой,
Запертою в клетке;
То замрет цветочком
На скошенной ветке!..

Быть бы сердцу пташкой —
Чего б захотело?
Дать бы ему крылья —
Куда бы полетело?

Знаю я сторонку,
Где его зазноба...
Ах, туда бы летом
Полетели оба!

На той на сторонке
Теплей солнце греет, —
Там девица красна,
Как цвет маков, зреет!

Там в темные ночи
Не звезды лишь светят, —
Там ясные очи
Приветливо встретят!

Приветливо встретят,
Ласково проводят...
Любезные речи
Тоски не наводят.

Там же, № 5. Музыка А. Варламова.

СМОЛКНИ, ПТАШКА-КАНАРЕЙКА!..

Смолкни, пташка-канарейка!
Полно звонко распевать, —
Перестань ты мне, злодейка,
Ретивое надрывать!

Уж ко мне не воротиться
Красным дням весны моей, —
Отвыкает сердце биться,
Вспоминаючи об ней!

Радость-младость миновалась:
Отцвела она цветком,
И не вихорем промчалась, —
Пропорхнула мотыльком!

С нею память о бывалом
Я хотел похоронить,
Ни грустить по нем нимало,
Ни слезы не уронить.

Все давно забыто было:
Звонкой песенкой своей
Все ты снова разбудила,
Пташка, лютый мой злодей!

После ведрышка к ненастью
Тяжеленько привыкать,
А несчастному об счастье
Хуже смерти вспоминать!

Там же, № 15.

НЕ ШЕЙ ТЫ МНЕ, МАТУШКА...

«Не шей ты мне, матушка,
    Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
    Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
    На две расплетать!
Прикажи мне русую
    В ленту убирать!

Пущай непокрытая
    Шелковой фатой
Очи молодецкие
    Веселит собой!

То ли житье девичье,
    Чтоб его менять,
Торопиться замужем
    Охать да вздыхать.

Золотая волюшка
    Мне милей всего —
Не хочу я с волюшкой
    В свете ничего!»

«Дитя мое, дитятко,
    Дочка милая!
Головка победная,
    Неразумная!

Не век тебе пташечкой
    Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
    По цветам порхать:

Заблекнут на щеченьках
    Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
    Стоскуешься ты!

А мы и при старости
    Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
    На детей глядим.

И я молодешенька
    Была такова,
И мне те же в девушках
    Пелися слова!»

Там же, № 16. Музыка А. Варламова.

ПО ПОЛЮ, ПОЛЮ ЧИСТОМУ...

По полю, пóлю чистому,
По бархатным лужкам
Течет, струится реченька
К безвестным бережкам.

Взойдет гроза, пройдет гроза —
Всегда светла она!
От бури лишь поморщится,
Не зная, что волна...

Не рощи, не дубравушки
По бережку растут, —
Кусты цветов лазоревых,
Любуясь в ней, цветут!

А речка извивается,
По травушке скользит...
То в ямке потеряется,
То снова заблестит!

Ей убыли неведомы,
Всегда в одной красе!
За прибыль благодарствует
Небесной лишь росе!

Но долго ль, долго ль реченьке
Катиться по цветам?
Ждут бездны моря, светлую,
В дали туманной, там!

О поле, поле чистое!
Осиротеешь ты...
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цветы!

Ах, речка, речка светлая,
Изменчив наш удел...
На резвый бег твой по полю
Сквозь слезы я глядел:

И я жил резво, весело,
Певал в былые дни,
И радости сердечные
Лишь чувствовал одни!

Но все переменяется,
Проходит все как сон,
И я грустить, печалиться
До гроба осужден.

Там же, № 17.

АХ, ЧАРКА МОЯ...

Ах, чарка моя,
Серебряная,
На золотом блюде
Поставленная!

Кому тебя пить?
Кому подносить?
Друзьями ты, чарка,
Оставленная;

В забытьи стоишь,
К себе не манишь,
Вина зеленого
Не налитая!

Бывала ли ты
Полным-дополна,
Как в водополь речка
С краями равна?

Светилася ли,
Честилася ли
В веселой беседе
В запрошлые дни?

Ходила ль кругом,
Поила ль вином,
Приятною речью
Приправленная?

Знакомы ль тебе
В счастливой судьбе
Веселые взгляды,
Ласкающие?

Встречалися ли,
Случалися ли
Приятельски руки,
Сжимающие?

Давно ли бедой
И злой чередой
Лежишь ты на блюде
Спрокинутая!

Роями друзей,
К печали моей,
Как улей пчелами,
Покинутая!

Не стало вина —
Забыта она...
Друзья отшатнутся
От чистого дна!

Спросись старины,
Коснись новизны,
Так есть и бывало —
Быль с сказкой сходны!

Там же, № 23.

ПРИ ДОЛИНУШКЕ БЕРЕЗА...

При долинушке береза
    Белая стояла:
При березаньке девица
    Плакала, рыдала...

Ах, с вершинушки березу
    Ветром колыхает,
С корешка мою кудряву
    Водой подмывает!

Скоро белая береза
    С корешка свалится, —
Перестанут к веткам пташки,
    Распевая, виться!

И проложится дорожка
    Мимо той березы,
И проедут по дорожке
    Да пойдут обозы...

Станом станут у березы
    Коней попоити,
Обсушиться, обогреться,
    Каши поварити;

И сожгут, спалят березу
    Даже до сучечка,—
И не молвят про березу
    Ниже ни словечка!..

Так-то мне, младой младеньке,
    На чужой чужбинке
Спать в сырой земле забытой,
    Словно сиротинке!

Что безродной без родимой,
    Без отца родного,
Что бездольной без прилуки,
    Без дружка милого!

Там же, № 25.

КАРКНУЛ ВОРОН НА БЕРЕЗЕ..

Каркнул ворон на березе...
Свистнул воин на коне...
Погибать тебе, красотке,
В чужедальной стороне!..

Ах, за чем, за кем бежала
Ты за тридевять полей, —
Для чего не размышляла
Ты об участи своей?..

Все покинула, забыла —
Прах отца, старушку мать —
И решилася отчизну
На чужбину променять.

То ли счастье, чтобы очи
Милым сердцу веселить, —
После ими ж дни и ночи
Безотрадно слезы лить?

Неужли ты не слыхала,
Об измене? — «Никогда!» —
Неужли ты полагала
В сердце верность?.. — «Навсегда'

Было некому, бедняжку,
Поучить меня уму,
И голодной, вольной пташкой
Я попалась в сеть к нему...

Никого я не спросилась,
Кроме сердца своего,
Увидала, полюбила, —
И умру, любя его!»

Каркнул ворон на березе...
Свистнул воин на коне...
И красотка погибает
В чужедальной стороне.

Там же, № 27.

А. А. Дельвиг
(1798—1831)

РОМАНС

Только узнал я тебя,
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою,
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала: «Люблю»,
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя,
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

«Новости литературы», 1823 г.,
кн. V. Музыка М. Глинки (1834).

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день!
И солнце и любовь!
С нагих полей сбежала тень, —
Светлеет сердце вновь.

Проснитесь, рощи и поля,
Пусть жизнью все кипит,
Она моя! Она моя! —
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну?
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?

Но не ко мне, и без тебя
В певце любовь горит.
Она моя! Она моя! —
Мне сердце говорит.

«Полярная звезда» на 1824 г

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Все темнеешь
Тучами?
И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет
Лютая

9*

Там глубоко
  На сердце,
Позабудешь
  Девицам
Усмехаться,
  Кланяться;
Позабудешь
  С вечера
До глубокой
  Полночи,
Припевая,
  Тешиться
Хороводной
  Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
  Всплачешься,
И, безродный
  Молодец,
На постелю
  Жесткую,
Как в могилу,
  Кинешься!

«Стихотворения барона Дельвига», СПБ. 1829 г. Музыка М. Глинки (1828).

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;

Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемычнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

Там же. Музыка А. Алябьева.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что, красотка молодая,
    Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
    К белой ручке клонишь?

Или словом, или взором
    Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
    Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная
    У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
    Ты вложила в мысли.

Ты не хочешь, не желаешь
    Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
    Заповедать тайну!

Не слыхали ль злые люди
    Наших разговоров?
Не спросили ль злые люди
    У отца родного;

Не спросили ль супостаты
    У твоей родимой:
«Чей у ней на ручке перстень,
    Чья в повязке лента?

Лента, ленточка цветная
    С золотой каймою,
Перстень с чернью расписною,
    С чистым изумрудом?»

Не томи, открой причину
    Слез твоих горючих,
Перелей в мое ты сердце
    Всю тоску-кручину,

Перелей тоску-кручину
    Сладким поцелуем:
Мы вдвоем тоску-кручину
    Легче растоскуем.

Там же.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Скучно, девушки, весною жить одной, —
Не с кем сладко побеседовать младой.

Сиротинушка, на всей земле одна,
Подгорюнясь ли, присядешь у окна, —

Под окошком все так весело глядит,
И мне душу то веселие томит:

То веселье — не веселье, а любовь,
От любви той замирает в сердце кровь.

И я выду во широкие поля, —
С них ли негой так и веет на тебя:

Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице весеннею порой.

Хочешь с кем-то этим запахом дышать
И другим устам его передавать.

Белой груди чем-то сладким тяжело,
Голубым очам при солнце не светло.

Больно, больно безнадежной тосковать,
И я кинусь на тесовую кровать,

К изголовью правой щечкою прижмусь
И горючими слезами оболью́сь:

Как при солнце летом дождик пошумит,
Травку вспрыснет, но ее не освежит,

Так и слезы не свежат меня, младой,
Скучно, девушки, весною жить одной!

Там же.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сиротинушка, девушка,
Полюби меня молодца.
Полюби — приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цветку на поле,
Любо пташечке на небе;
Сиротинушке, девушке
Веселей того с молодцем.
У меня в дому волюшка,
От беды оборонушка:
Что от дождичка кровелька,
От жары дневной ставенки,
От лихой же разлучницы,
От лукавой указчицы
На воротах замок висит,
В подворотенку пес глядит.

Там же.

А. С. Пушкин

(1799—1837)

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

Кубок янтарный
Полон давно —
Пеною парной
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?
Пейте за славу,
Славы друзья,
Бранной забавы
Любить нельзя:
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.
Жители неба,
Феба жрецы!
Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой Климены
Ласки беда,
Ток Ипокрены,
Други, вода.
Пейте за радость
Юной любви,
Скроется младость,
Други мои!

Кубок янтарный
Полон давно.
Я, благодарный,
Пью за вино!

«Памятник отечественных муз на 1827 год», СПБ. 1827 г. Текст написан в 1816 г. Автограф неизвестен. Сохранилось несколько списков, дающих некоторые разночтения.
В 1848 г. М. И. Глинкой на один из вариантов написана музыка.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

(Молдавская песня)

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его,
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

«Сын отечества», 1821 г., апрель.
Музыка А. Верстовского (1823).

ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

Из поэмы «Кавказский пленник» (1821). Музыка А. Алябьева, Ц. Кюи и др.

КАК ПО ВОЛГЕ-РЕКЕ, ПО ШИРОКОЙ...

Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
«Ой, ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли, молодца, не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В Волгу бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

Песня написана Пушкиным в 1826 г. Впервые напечатана в журнале «Русь», 1881 г., № 13.

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

«Стихотворения А. С. Пушкина», ч. 3, 1832 г. Музыка А. Алябьева, А. Рубинштейна, А. Гречанинова.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Из поэмы «Цыганы» (1827). Музыка А. Верстовского, А. Алябьева и др.

ДЕВИЦЫ, КРАСАВИЦЫ...

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему.
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

Из третьей главы «Евгения Онегина». Музыка П. Чайковского.

Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

«Северные цветы на 1825 г.». Музыка М. Глинки (1838).

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте.

Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

«Стихотворения А. Пушкина». СПБ. 1826 г. Музыка А. Алябьева, А. Глазунова и др.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

«Северные цветы на 1830 г.». Музыка М. Яковлева, А. Даргомыжского и др.

СКВОЗЬ ВОЛНИСТЫЕ ТУМАНЫ

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога» («Московский вестник» 1826 г., март).

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.

От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг, от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

«Альбом северных муз на 1828 г.».
Музыка Н. С. Гатова.

ДВА ВОРОНА

(Шотландская песня)

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед:
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого».

«Северные цветы на 1829 г.». Музыка А. Алябьева, А. Рубинштейна.

ВОРОТИЛСЯ НОЧЬЮ МЕЛЬНИК

Воротился ночью мельник...
«Женка! Что за сапоги?» —
«Ах ты, пьяница, бездельник!
Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это ведра».— «Ведра? Право?
Вот уж сорок лет живу,
Ни во сне, ни наяву
Не видал до этих пор
Я на ведрах медных шпор».

«Современник», 1837 г., т. V. Музыка А. Даргомыжского. Песня Франца. («Сцены из рыцарских времен».)

М. А. Бестужев

(1800—1871)

ЧТО НЕ ВЕТР ШУМИТ ВО СЫРОМ БОРУ...

Что не ветр шумит во сыром бору,
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать.

И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилася воля-солнышко,
Смертна ночь легла в поле бранное.

Как на поле том бранный конь стоит,
На земле пред ним витязь млад лежит.
«Конь, мой конь, скачи в святой Киев-град,
Там товарищи, там мой милый брат...

Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: «Цепей я нести не мог,
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности».

«Былое», 1907 г., кн. VIII.

Песня поэта-декабриста М. А. Бестужева посвящена восстанию Черниговского полка и руководителю этого восстания С. И. Муравьеву-Апостолу; написана в Сибири в 1830 году в день годовщины восстания.

Е. А. Баратынский
(1800—1844)

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей;
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям.

Немой тоски моей не множь—
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь.

Я сплю, мне сладко усыпленье!
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

«Соревнователь просвещения», 1821 г.
ч. XVI. Музыка М. Глинки.

П. С. Мочалов

(1800—1848)

АХ ТЫ, СОЛНЦЕ, СОЛНЦЕ КРАСНОЕ!..

Ах ты, солнце, солнце красное!
Все ты греешь, всех ты радуешь,
Лишь меня не греешь, солнышко!
Лишь меня не веселишь и в ясный день...
Все равно мне, день ли пасмурный,
Или ты играешь на небе,
Все мне скучно здесь и холодно...
Нет, уж, видно, солнцу красному
Не придется веселить меня,
А придется солнцу теплому
Греть могилу мою темную.

«Литературный кабинет», М. 1842 г. Автор — Павел Степанович Мочалов, знаменитый русский актер-трагик.

М. Д. Суханов

(1801—1843)

ЧТО ТЫ, ДЕВИЦА, НЕВЕСЕЛО СИДИШЬ?..

«Что ты, девица, невесело сидишь?
Что ты, красная, печалишься, грустишь?

От тоски ты изменилась вся в лице.
Или тужишь об удалом молодце?

Ты напрасно перестань себя губить,
Пользы нет тебе неверного любить.

Вспомни, девица: родные у тебя,
Они любят тебя более себя.

Ты одна, как солнце красное, у них.
Опечалишь ты тоской своих родных».

«Я бы рада перестала тосковать
И родных своих тоскою огорчать,

Но что ж делать? Как мне друга позабыть?
Я умру, но буду милого любить!»

«Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова», СПБ. 1828 г.

НЕ ВЕЛЯТ ВАНЕ ПО УЛИЦЕ ХОДИТЬ...

Не велят Ване по улице ходить,
Не велят ему красавицу любить.

Вечор Ванюшка, задумавшись, сидел
И частехонько на улицу глядел.

Дожидался мила друга своего
И кручинился, не видевши его.

«Ах, ужель меня сердечный друг забыл? —
Он, вздыхая, сам с собою говорил.—

Нет! Не хочет красоты своей казать!
Без меня она не хочет здесь играть!

Не выходит в резвый сельский хоровод,
Не вмешается в гуляющий народ.

Знать, ей скучно, знать, печаль одна со мной?
Ах! Скорее покажись, друг милый мой!»

Там же.

КРАСНА ДЕВИЦА СИДЕЛА ПОД ОКНОМ...

Красна девица сидела под окном,
Утирала слезы белым рукавом.

Пришла весточка нерадостная к ней,
Что сердечный друг не верен больше ей,

Что задумал он иную замуж взять.
Как тут девице не плакать, не вздыхать?

Стали девицу подружки утешать:
«Полно сердцем о неверном тосковать.

Ты в селе у нас всех лучше красотой,
Наши молодцы любуются тобой,

Всякий девице желает угодить;
Ты властна из них любого полюбить».

«Пусть их много,— красна девица в ответ,—
Сердце милого другого не найдет!»

Там же.

НЕ КРУШИСЯ, КРАСНА ДЕВИЦА!..

«Не крушися, красна девица!
Не роняй ты понапрасну слез!
Позабудь навек неверного!
Много, много молодцев в селе
Красотой твоей любуются,
Друг пред другом красной девице
Все понравиться стараются».
Говорит в ответ красавица:
«Красота моя бессчастная,
Моя доля безотрадная!
Кто не знает сердца девицы?
Раз полюбит друга милого
И тоскует целый век по нем».

Там же.

АХ! КРУЧИНА, ТЫ, КРУЧИНУШКА!..

Ах! кручина, ты, кручинушка!
Ты зачем в меня вселилася?
Ты зачем сушишь ретивое?
Уж я выйду ли в чисто поле,
И рассею ли кручинушку
Далеко — вдоль по чисту полю! —
Ах вы, ветры, ветры буйные!
Унесите вы печаль мою
И развейте во чистом поле!
О несчастный добрый молодец!

Бесталанная головушка!
Я пойду ль теперь к синю морю?
На синём море погодушка,
Отпущу ль свою кручинушку
Я на ветер по крутым волнам?
Но и в море ветры стихнули,
Сине море успокоилось.
А несчастный добрый молодец,
Бесталанная головушка,
Лишь навек тоска-кручинушка
В твое сердце заронилася!

Там же.

Н. М. Языков
(1803—1846)

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я.
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья.

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,—
Будет буря! Мы поспорим,
И поборемся мы с ней.

Смело, братья! Туча грянет;
Закипит громада вод;
Выше вал сердитый встанет;
Глубже бездна упадет.

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

«Денница» на 1830 г. Музыка Вильбоа. Стих 12-й дан в переработанном виде; у автора «И помужествуем с ней».

А. И. Полежаев

(1805—1838)

САРАФАНЧИК

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице
Шить узоры серебром!
И без матушки родимой
Сарафанчик мой любимый
Я надела вечерком —
Сарафанчик,
Расстеганчик!

В разноцветном хороводе
Я играла на свободе
И смеялась, как дитя!
И в светлицу до рассвета
Воротилась, только где-то
Разорвала я, шутя,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за воро́та;
Но за сладкие мгновенья
Я тебя без сожаленья
Оставляю навсегда,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

Полежаев, «Арфа», 1834 г. Музыка А. Гурилева.

А. Я. Римский-Корсаков

(Род. около 1807 г.)

ПЕСНЯ

Я пойду, пойду косить
На зеленый луг;
Ты, коса моя,
Коса острая,
Не тупися ты
О младу траву!

Не влюбляйся ты,
Сердце бедное:
Как коса моя
О горелый пень,
Горемычное,
Расшибешься ты.

Красны девицы
Переменчивы;
Обещанья их,
Словно ласточки:
Повестит весну,
Да и спрячется.

Так и девица
Нам сулит любовь
И с ним счастие:
Оглянешься ты —
В черном облаке
Унеслося все.

Хор

Нам, брат, песнями
Не кормить коней:
За погодушкой
Скосим луг скорей;
Там пускай себе
Косы тупятся!

Добра молодца
Не уймешь никак
Песней жалобной:
Долго будет он
Поджидать милой
В ночь осеннюю.

«Подснежник» на 1829 г. А. Я. Римский-Корсаков выступал под псевдонимом Александра Корсак.

В. И. Соколовский

(1808—1839)

РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

Русский император
В вечность отошел:
Ему оператор
Брюхо распорол.

Плачет государство,
Плачет весь народ:
Едет к нам на царство
Константин-урод.

Но царю вселенной,
Богу высших сил,
Царь благословенный
Грамотку вручил.

Грамотку читая,
Сжалился творец:
Дал нам Николая.
Сукин сын! Подлец!

Впервые напечатано в «Полярной звезде», кн. II, Лондон, 1856 г. За эту песню автор был посажен в Шлиссельбург. Герцен, Огарев и Сатин были сосланы по делу о вечеринке, на которой песня исполнялась (1834).

А. И. Сребрянский

(1808—1838)

ВИНО

Быстры, как волны,
Дни нашей жизни,
Что час, то короче
К могиле наш путь.

Напеним янтарной
Струею бокалы!
И краток и дорог
Веселый наш миг.

Будущность темна,
Как осени ночи,
Прошедшее гибнет
Для нас навсегда;

Ловите ж минуты
Текущего быстро,
Как знать, что осталось
Для нас впереди?

Умрешь — похоронят,
Как не был на свете;
Сгниешь — не восстанешь
К беседе друзей;

Полнее ж, полнее
Забвения чашу!
И краток и дорог
Веселый наш миг.

«Вино» — *единственная песня Сребрянского, ставшая популярной, но она подверглась значительной переработке, см. стр. 348.*

А. В. Кольцов
(1809—1842)

ПО-НАД ДОНОМ САД ЦВЕТЕТ...

По-над Доном сад цветет,
Во саду дорожка:
На нее б я все глядел,
Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
Маша проходила,
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я. —
Будь моей сестрою!
Я люблю... любим ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!

Не забыть мне, как она
Сладко отвечала,
Из кувшина в забытьи
Воду проливала...

Сплю и вижу все ее
Платье голубое,
Страстный взгляд, косы кольцо,
Лентой перевитое.

Сладкий миг мой, возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

«Стихотворения А. Кольцова», 1846 г. Музыка А. Дюбюк, П. Кавелина, М. Мусоргского.

ПЕСНЯ СТАРИКА

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола,

Чрез поля, за моря,
В дальню сторону;
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем
И приглянусь опять
Красным девицам.

Но, увы! нет дорог
К невозвратному;
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

«Молва», 1835 г., № 11. Музыка М. Балакирева, А. Варламова и др.

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну! Тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка;
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

«Молва», 1835 г. Музыка Н. Бороздина и др.

ТЫ НЕ ПОЙ, СОЛОВЕЙ...

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну-вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе девице!

«Стихотворения Алексея Кольцова». М. 1835 г. Музыка А. Варламова, А. Гурилева, Монюшко, А. Рубинштейна и др.

МОЛОДАЯ ЖНИЦА

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю-матушку.

Душно девице,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горит-горма все
Лицо белое.

Голова со плеч
На грудь клонится,
Колос срезанный
Из рук валится...

Не с проста ума
Жница жнет — не жнет,
Глядит в сторону,
Забывается.

Ох, болит у ней
Сердце бедное,
Заронилось в нем
Небывалое.

Она шла вчера,
Нерабочим днем,
Лесом шла себе
По малинушку;

Повстречался ей
Добрый молодец;
Уж не в первый раз
Повстречался он.

Повстречается
Будто нехотя,
И стоит, глядит
Как-то жалобно.

Он вздохнул, запел
Песню грустную;
Далеко в лесу
Раздалась та песнь.

Глубоко в душе
Красной девицы
Озвалась она
И запала в ней...

Душно, жарко ей,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи...

«Стихотворения А. Кольцова», 1846 г. Музыка А. Варламова, А. Гурилева, К. Вильбоа и др.

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ...

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

«Стихотворения Алексея Кольцова», 1835 г. Наиболее популярная музыка А. Гурилева.

КОСАРЬ

Не возьму я в толк...
Не придумаю...
Отчего же так —
Не возьму я в толк?
Ох, в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет.
У меня ль плечо —
Шире дедова;
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри черные
Лежат скобкою;
Что работаю —
Все мне спорится!
Да в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А он, старый хрен,
Заупрямился!
За кого же он
Выдаст Грунюшку?
Не возьму я в толк,
Не придумаю...
Я ль за тем гонюсь,
Что отец ее
Богачом слывет?
Пускай дом его —
Чаша полная!

Я ее хочу,
Я по ней крушусь;
Лицо белое,
Заря алая —
Щеки полные,
Глаза темные
Свели молодца
С ума-разума...
Ах, вчера по мне
Ты так плакала:
Наотрез старик
Отказал вчера...
Ох, не свыкнуться
С этой горестью...
Я куплю себе
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее, —
И прости-прощай,
Село родное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрежусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
В края дальние
Пойдет молодец;
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

В гости я к тебе
Не один пришел —
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер, с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава
Подкошо́нная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохните,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копен,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Возвращусь в село —
Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью,
Так разжалоблю
Золотой казной!..

«Телескоп», 1835 г. Музыка А. Гурилева.

ПЕРСТЕНЕЧЕК ЗОЛОТОЙ!..

Перстенечек золотой!
Ненаглядный, дорогой!
Светлой памятью любви
В очи черные гляди.

Если грустно будет ей —
Ты потускни, почерней:
Если радость — изменись,
Весь алмазом разгорись!

День забвенья ли придет —
Душа чувство проживет!
Тогда, перстень золотой,
Ты рассыпься сам собой.

«Отечественные записки», 1841 г., т. XV. Музыка А. Варламова, А. Рубинштейна, Н. Соколовского и др.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга верного,

Золотой казны,
Угла теплого,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

«Московский наблюдатель», 1838 г., т. XVI. Музыка Н. Бороздина, Б. Бурнашева, Н. Соколовского и др.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу,
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит;
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился.

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою,
С горем повстречаюсь.

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет.

«Сын отечества», 1838 г., т. II.
Музыка А. Варламова, А. Дюбюк,
В. Соколова и др.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА-КУДРЯВИЧА

С радости, веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет,—
Золотая доля,
Завивает в кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым;
По щучью веленью
Все тебе готово.

Чего душа хочет,
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал,
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло;

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело на белом
С черными бровями.

Во-время да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают
И о кудрях зиму,
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними все на свете
Ловко удается.

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

«Утренняя заря», 1839 г. Музыка Архангельского, Воротникова, А. Дюбюк, В. Кашперова и др.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз поскорей
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?

Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их;
Мне не нужно тоски;
Не на смерть я иду;
Не хоронишь меня...

На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет;
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родней
И согласье возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря;
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз поскорей
Поцелуй горячей!

«Отечественные записки», 1839 г., т. II. Музыка М. Балакирева, И. Лобанова, П. Романуса и др.

СТЕНЬКА РАЗИН

Не страшна мне, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Леса темные, дремучие,
Вьюги зимние, крещенские.

Уж как было: по темным лесам
Пировал я зимы круглые,
По чужим краям на свой талан
Погулял я, поохотился.

А по Волге, моей матушке,
По родимой, по кормилице,
Вместе с братьями за добычью
На край света летал соколом.

Но не Волга, леса темные,
Вьюги зимние, крещенские,
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь железную...

Среди лета, среди красного,
Что ты грустно, поле чистое?
После дождя благодатного
О чем воешь ты, дремучий лес?

В некрещеном, славном городе,
На крутом, высоком острове,
Живет девушка-красавица,
Дочка гостя новгородского...

Она в тереме, что зорюшка
Под окном сидит растворенным,
Поет песни задушевные,
Наши братские-отцовские:

«Ах, душа ль моя, ты, душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?
Али речь моя не по сердцу?
Али батюшка спесивится?

Не сиди, не плачь, ты кинь отца;
Ты беги ко мне из терема;
Мы с тобою, птицы вольные,
Жить поедем в Москву красную».

Отвечает ему девица:
«За любовь твою, мой милый друг,
Рада кинуть отца с матерью;
Не боюсь суда я страшного!»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

«Отечественные записки», 1840 г. т. 2. Музыка М. Балакирева К. Вильбоа и др.

ПУТЬ

Путь широкий давно
Предо мною лежит;
Да нельзя мне по нем
Ни летать, ни ходить...

Кто же держит меня?
И что кинуть мне жаль?
И зачем до сих пор
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьем слепым
Без ума разошлась!

По летам и кудрям
Не старик еще я:
Много дум в голове,
Много в сердце огня!

Много слуг и казны
Под замками лежит;
И лихой вороной
Уж оседлан стоит.

Да на путь — по душе —
Крепкой воли мне нет,
Чтоб в чужой стороне
На людей поглядеть;

Чтоб порой пред бедой
За себя постоять,
Под грозой роковой
Назад шагу не дать;

И чтоб с горем в пиру
Быть с веселым лицом;
На погибель итти —
Песни петь соловьем!

«Отечественные записки», 1839 г., т. III. Музыка Эггерса.

ХУТОРОК

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил,
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит —
Он не любит тебя.

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день».

«Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опозднился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!»

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня:
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был, — все купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил».

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила на смерть,
Ступай к куму в село».

«Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вмиг головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом, с рыбаком,
Уж гуляет купец
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать,
Петь мы песни давай!

Я с людями люблю
По-приятельски жить.
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить.

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам:
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

«Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал —
На здоровье гуляй».

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа,
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песни поет...

«Отечественные записки», 1840 г.,
т. VIII. Музыка Е. Климовского и др.

БЕЗ УМА, БЕЗ РАЗУМА...

Без ума, без разума
Меня замуж выдали;
Золотой век девичий
Силой укоротили.

Для того ли молодость
Соблюдали, нежили;
За стеклом, от солнышка,
Красоту лелеяли,

Чтоб я век свой замужем
Горевала, плакала,
Без любви, без радости,
Сокрушалась, мучилась.

Говорят родимые:
Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь,
Да горчее придется.

Хорошо, состарившись,
Рассуждать, советовать
И с собою молодость
Без расчета сравнивать!

«Отечественные записки», 1840 г.,
т. X. Музыка А. Даргомыжского,
Н. Витте, Н. Трубецкого и др.

ДУМА СОКОЛА

Долго ль буду я
Сиднем дома жить;
Мою молодость
Ни на что губить;

Долго ль буду я
Под окном сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть.

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Иль боится он
В чужих людях быть,
С судьбой-мачехой
Сам собою жить?

Для чего ж на свет
Глядеть хочется —
Облететь его
Душа просится?..

Иль зачем она,
Моя милая,
Здесь сидит со мной,
Слезы льет рекой;

От меня летит;
Песню мне поет;
Все рукой манит;
Все с собой зовет!

Нет, уж полно мне
Дома век сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть.

Со двора пойду,
Куда путь лежит,
А жить стану там —
Где уж бог велит!

«Отечественные записки», 1840 г., т. X. Музыка В. Кашперова, Н. Витте.

НЕ СКАЖУ НИКОМУ...

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не сбираю цветов.

Та весна далеко!
Те завяли цветы!
Из которых я с ним
Завивала венки!

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем!

Все прошло уж давно...
Не воротишь назад!..
Для чего ж без него
Цветы стану я рвать?..

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла.

«Утренняя заря», 1841 г. Музыка А. Даргомыжского, С. Донаурова, П. Афанасьева и др.

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское?
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница?..

Хороши вы, когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою;
А при ней вас хоть бы не было;
С ней зима — весна; ночь — ясный день.

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося,
И рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! Дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать:
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

«Отечественные записки», 1840 г.,
т. XIII. Музыка А. Гурилева и др.

ДУЮТ ВЕТРЫ...

Дуют ветры,
Ветры буйные;
Ходят тучи,
Тучи темные,

Не видать в них
Света белого;
Не видать в них
Солнца красного.

Во сырой мгле,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернеется...

В эту пору
Непогожую
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну девицу!

С ней зимою
Лето теплое;
При бездолье —
Горе нé горе!

«Отечественные записки», 1840 г., т. XIII. Музыка К. Вильбоа, А. Рубинштейна, Д. Усатова и др.

Я ЛЮБИЛА ЕГО...

Я любила его
Жарче дня и огня;
Как другим не любить
Никогда, никогда!

Только с ним, лишь одним,
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!..
Вся бледна, холодна,
Замираю, дрожу.

Вот идет он, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои;
И без них, при тебе,
Огнь пылает в крови;

И без них, при тебе,
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь,
И кипит горячо;

И блистают глаза
Лучезарной звездой!..»
Я жила для него!..
Я любила душой!..

«Стихотворения А. Кольцова», 1846 г. Музыка М. Балакирева, А. Варламова, А. Дюбюк, В. Соколова и др. Приводится текст песни, выправленный Белинским.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду.
«Без знакомых, один,—
Сказал,— радость, приду.

Месяц будь иль не будь,
Конь дорогу найдет;
Сам лукавый впотьмах
С ней его не собьет.

И до ночи метель
Снегом путь весь закрой —
Без дороги, чутьем,
Сыщет домик он твой!»

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду;
Он, прощаясь, сказал:
«Хоть умру, а приду.

Что замок и отец,
Караул, ворота, —
Воеводская дверь
Мне всегда расперта!

Не любивши тебя,
В селах слыл молодцом;
А с тобою, мой друг,
Города нипочем!»

«Стихотворения А. Кольцова», 1846 г. Музыка Л. Петрова, В. Соколова.

Н. В. Кукольник

(1809—1868)

СОМНЕНИЕ

Уймитесь, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
Я плачу, я стражду,—
Душа истомилась в разлуке;
Я стражду, я плачу,—
Не выплакать горя в слезах.
Напрасно надежда
Мне счастье гадает,
Не верю, не верю
Обетам коварным!
Разлука уносит любовь.
Как сон, неотступный и грозный,
Мне снится соперник счастливый,
И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает,
И тайно и злобно
Оружия ищет рука.
Напрасно измену
Мне ревность гадает,
Не верю, не верю
Коварным наветам.
Я счастлив,— ты снова моя.
Минует печальное время,—
Мы снова обнимем друг друга,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Музыка М. Глинки (1838).

ЖАВОРОНОК

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подруженькой своей
Жаворонок звонкой.

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет,
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

Музыка М. Глинки (1840)

ХОДИТ ВЕТЕР У ВОРОТ...

Ходит ветер у ворот,
У ворот красотку ждет.
Не дождешься, ветер мой,
Ты красотки молодой!
Ай-люли, ай-люли,
Ты красотки молодой!

С парнем бегает, горит,
Парню шепчет, говорит:
«Догони меня, дружок,
Нареченный муженек!
Ай-люли, ай-люли,
Нареченный муженек!»

Ой ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Ветер дунул и затих:
Без невесты стал жених.
    Ай-люли, ай-люли,
    Без невесты стал жених.

Ветер дунул, и Авдей
Полюбился больно ей;
Стоит дунуть в третий раз,
И полюбится Тарас!
    Ай-люли, ай-люли,
    И полюбится Тарас!

Песня Ильинишны из драмы Н. Кукольника «Князь Холмский». Музыка М. Глинки (1840).

В. И. Красов

(1810—1855)

ПРОЧЬ, ПРОЧЬ, НИ СЛОВА!..

Прочь, прочь, ни слова!
Не буди, что было:
Не тебя — другого
В жизни я любила...

Мой ангел милый —
Он не дышит боле;
Он лежит в могиле
На кровавом поле.

Увяла младость.
Такова ль была я?
Ах, на что мне радость!
И зачем жива я!..

Лишь им дышала,
Лишь ему клялася;
С ним я все узнала...
И как жизнь неслася!

В тени черешен,
В тишине глубокой,
Кто так был утешен
На груди высокой?..

Наш край спасая,
Но тая разлуку,
Он стоял, рыдая,
Молча сжал мне руку.

Прочь, прочь, ни слова!
Не буди, что было:
Не тебя — другого
В жизни я любила!

«Московский наблюдатель», 1838 г., ч. 17-я.

ПЕСНЯ

Уж как в ту ли ночь,
Что под бурею,
Собирался в путь
Душа-молодец
Не на званый пир,
Не в беседушку,—
Через три села,
В гости к барину,
Допросить, узнать:
«Али весело
Подстрелить ему
Лебедь белую,
Что увезть, отнять
Молоду жену —
Жену молодца
Чернобровую?»
На кудрях его
Шляпы не было,
Дорогой кафтан
Не запахивал,
Соколиный глаз
Не прищуривал.

Уж как в ту ли ночь
Что есть сил скакал
Из гостей домой
Душа-молодец.

У него в лице
Крови не было,
Рука правая
По локоть в крови...
Как в луга влетит
Да усмехнется,
Через темный лес
Расхохочется,—
Али зелен бор
Откликается.

«Москвитянин», 1841 г., № 9.

Н. П. Греков

(1810—1866)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Вьется ласточка
Сизокрылая
Под окном моим
Одинешенька.
Над окном моим,
Над косящатым,
Есть у ласточки
Тепло гнездышко;
Ждет касаточку
Белогрудую
В теплом гнездышке
Ее парочка.

Слезы горькие
Утираючи,
Я смотрю ей вслед,
Вспоминаючи!
У меня была
Тоже ласточка,
Белогрудая
Душа-пташечка,
Да свила судьба
Ей уж гнездышко,
Во сырой земле
Вековечное.

Музыка А. Гурилева.

Л. Н. Ибрагимов

ТЫ ДУША ЛЬ МОЯ, КРАСНА ДЕВИЦА!..

Ты душа ль моя, красна девица!
Ты звезда моя ненаглядная!
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моих!..
Ах, как взглянешь ты, раскрасавица,
Мне тогда твои очи ясные
Ярче солнышка в небе кажутся,
Черней сумрака в ночь осеннюю!..
И огнем горит, и ключом кипит
Кровь горячая, молодецкая;
Все к тебе манит, все к тебе зовет
Сердце пылкое, одинокое!..

Ты душа ль моя, красна девица!
Ты звезда моя ненаглядная!
Ты услышь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моих!
И склоню к тебе я головушку
Свою буйную, разудалую;
Я отдам тебе свою волюшку,
Во чужих руках не бывалую;
Я скажу тогда: ты прости навек,
Жизнь разгульная, молодецкая!
Мне милей тебя моя милая,
Душа девица, раскрасавица!

«Стихотворения Льва Ибрагимова». Казань, 1841 г.

Е. П. Гребенка
(1812—1848)

КАЗАК НА ЧУЖБИНЕ
(Украинская мелодия)

Поехал далеко казак на чужбину
На добром коне вороном.
Свою он Украйну навеки покинул —
Ему не вернуться в отеческий дом!
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечер на север глядит,
Все ждет да пождет — из полночного края
К ней милый когда прилетит.

Далеко, откуда к нам веют метели,
Где страшно морозы трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казацкие кости лежат.
Казак и просил, и молил, умирая,
Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
Красуется в ярких плодах,
Пусть вольные птицы, садясь на калине,
Порой прощебечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
О милой, родной стороне!»

«Альманах на 1838 г.»

ПРИЗНАНИЕ

На севере я — будто узник угрюмый,
С мечтой одинокой сижу
И, скован какою-то грустною думой,
На юг ненаглядный гляжу.

Друзей и родимых и предков могилы
Покинул на родине я.
Там, полная прелести, девственной силы
Осталась коханка моя.

Глаза ее смотрят небесной эмалью,
И зелень одежды в рубинах горит,
И поясом синим, как сизою сталью,
Красавицы стан перевит.

Как золото, светло-блестящей волною
Роскошные кудри на плечи бегут;
Уста ее тихой вечерней порою
Унылую песню поют.

И эта чудесная дева — не тайна,
Я высказать душу готов:
Красавица эта — родная Украйна!
Ей всё — моя песнь и любовь!

Как девы прелестной лазурные очи,
Украйны глядят небеса;
Как поясом синим, на юг от полночи
Днепром перевита краса.

Как шелком зеленым, покрыта степями,
И степи в цветах, как в рубинах, горят,
И стелются нивы, как кудри, волнами
И золотом светлым шумят.

Как тяжкие вздохи печали глубокой,
Как матери вопли над гробом детей,
Мне в душу запали далеко, далеко
Напевы Украйны моей!

«Отечественные записки», 1839 г., I, № I, отд. III.

ПОЧТАЛЬОН

Скачет форменно одет
Вестник радостей и бед;
Сумка черная на нем,
Кивер с бронзовым орлом.
Сумка с виду хоть мала,
Много в ней добра и зла, —
Часто рядом там лежит
И банкротство, и кредит,
Клятвы ложные друзей,
Бред влюбленного о ней,
Без расчетов, — так сплеча
Спесь и гордость богача,
И педанта чепуха,
Голос вкрадчивый греха
И невинности привет,
И чего в той сумке нет!
Будто посланный судьбой
Беспристрастною рукой
Радость, слезы, смех и стон
Рассылает почтальон.
И где был он, может быть
Станут долго слезы лить
О потерянных друзьях,
О несбывшихся мечтах.

Сокращенный текст при нотах 1843 г. Музыка А. Алябьева. Авторский полный текст см. «Русская беседа», 1841 г., т. III, отд. IX.

С. Н. Стромилов

ТО НЕ ВЕТЕР ВЕТКУ КЛОНИТ...

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит, —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина, —
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь пойду к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обвенчаться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тихой келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

Издано при нотах. Музыка А. Варламова.

А. В. Тимофеев

(1812—1883)

ТОСКА ПО ОТЧИЗНЕ

Ах вы, ветры, ветры буйные,
Ветры буйные, залетные,
Принесите вы мне весточку
От родной моей сторонушки!
Там так ярко солнце красное,
Так свежи луга зеленые,
Там родная Волга-матушка,
Там звучна так песнь разгульная!..

Скучно, душно, ветры буйные,
Жить в темнице разукрашенной,
Видеть небо все туманное,
Слышать песни все зловещие.
Всюду светит солнце красное,
Есть повсюду люди добрые;
Но нигде нет другой родины,
Нет нигде ее радушия.

Разнесите, ветры буйные,
Грусть, тоску мою, кручинушку,
Успокойте сердце бедное,—
Все изныло в злой неволюшке.
Так и рвется горемычное!
Скучно, горько на чужбине жить!
Посмотрел бы хоть на родину,
Хоть взглянул бы на родимый кров.

«Песни Тимофеева», СПБ. 1835 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Не судите, люди, люди добрые,
Бесталанную головушку;
Не браните меня, молодца,
За тоску мою, кручинушку.

Не понять вам, люди добрые,
Злой тоски моей, кручинушки:
Не любовь сгубила молодца,
Не разлука, не навет людской.

Сердце ноет, ноет день и ночь,
Ищет, ждет, чего — не ведая;
Так бы все в слезах и таяло,
Так бы все в слезах и вылилось.

Где вы, где вы, дни разгульные,
Дни былые, весна красная?..
Не видать вас больше молодцу,
Не нажить ему прошедшего!

Расступись же ты, сыра земля,
Растворяйся, мой дощатый гроб!
Приюти меня в ненастный день,
Успокой мой утомленный дух!

Там же. Музыка А. Даргомыжского (1844).

СВАДЬБА

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!

Венчала нас полночь
Средь мрачного бора;
Свидетелем были

Туманное небо
Да тусклые звезды;
Венчальные песни
Пропел буйный ветер
Да ворон зловещий;
На страже стояли
Утесы да бездны;
Постель постилали
Любовь да свобода!..

Мы не звали на праздник
Ни друзей, ни знакомых;
Посещали нас гости
По своей доброй воле!

Всю ночь бушевали
Гроза и ненастье;
Всю ночь пировали
Земля с небесами.
Гостей угощали
Багровые тучи.
Леса и дубравы
Напились допьяна,
Столетние дубы
С похмелья свалились;
Гроза веселилась
До позднего утра.

Разбудил нас не свекор,
Не свекровь, не невестка;
Не неволюшка злая,—
Разбудило нас утро!

Восток заалелся
Стыдливым румянцем;
Земля отдыхала
От буйного пира;
Веселое солнце
Играло с росою;
Поля разрядились
В воскресное платье;

Леса зашумели
Заздравною речью;
Природа в восторге,
Вздохнув, улыбнулась...

Там же. Музыка А. Даргомыжского (1843).

РАЗЛУКА

Река шумит, река ревет,
Мой челн о брег кремнистый бьет.
Сердит и страшен говор волн...
Прости, мой друг! Лети, мой челн!

Лети, лети, несись, гуляй!..
Мой друг, утешься, не рыдай!
Не изменю в стране чужой;
И здесь и там — везде я твой!

Река шумит, река ревет,
Меня манит, меня зовет...
Прости! Увидимся ль опять?..
К разлуке нам не привыкать!

Прости, мой друг!.. И челн летит,
Подруга с берега глядит.
Страшней, страшней валы в реке —
И... челн исчезнул вдалеке.

Там же. Музыка А. Варламова.

ВЫБОР ЖЕНЫ

Не женись на умнице,
  На лихой беде!
Не женись на вдовушке,
  На чужой жене!

Женишься на вдовушке —
Старый муж придет;
Женишься на умнице —
Голову свернет.

Не женись на золоте,
Тестевом добре!
Не женись на почестях,
Жениной родне!
Женишься на золоте —
Сам продашь себя;
Женишься на почестях —
Пропадай жена!

Много певчих пташечек
В божиих лесах;
Много красных девушек
В русских городах.
Загоняй соловушку
В клеточку твою;
Выбирай из девушек
Пташечку жену.

Н. В. Гербель, «Русские поэты в биографиях и образцах», СПБ. 1880 г. Музыка А. Алябьева.

ТОСКА

«Оседлаю коня, коня быстрого;
Полечу, понесусь легким соколом
От тоски, от змеи в поле чистое;
Размечу по плечам кудри черные,
Разожгу, распалю очи ясные,
Ворочусь, пронесусь вихрем, вьюгою;
Не узнает меня баба старая.

Заломлю набекрень шапку бархатну;
Загужу, забренчу в гусли звонкие;
Побегу, полечу к красным девушкам,

Прогуляю с утра до ночной звезды,
Пропирую с звезды до полуночи,
Прибегу, прилечу с песней, с посвистом;
Не узнает меня баба старая!»

«Полно, полно тебе похваляться, князь!
Мудрена я, тоска, не схоронишься:
В темный лес оберну красных девушек,
В гробовую доску — гусли звонкие,
Изорву, иссушу сердце буйное,
Прежде смерти сгоню с света божьего;
Изведу я тебя, баба старая!»

Не постель постлана в светлом тереме,—
Черный гроб там стоит с добрым молодцем,
В изголовье сидит красна девица,
Горько плачет она, что ручей шумит,
Горько плачет она, приговаривает:
«Погубила тоска друга милого!
Извела ты его, баба старая!»

Н. В. Гербель, «Русские поэты в биографиях и образцах», СПБ. 1880 г. Музыка А. Варламова.

И. И. Панаев («Новый поэт»)
(1812—1862)

БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна;
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.
И головку склонивши уныло
И глотая слезу за слезой,
«Позабудь, если можно, что было»,—
Прошептала, махнувши рукой.
На нее, как безумный, смотрел я,
И луна освещала ее;
Расставаяся с нею, терял я
Все блаженство, все счастье мое!
Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна;
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

«Собрание стихотворений «Нового поэта», СПБ. 1855 г. Музыка Дмитриева.

Н. П. Огарев
(1813—1877)

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокий,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вкруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! Радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

«Отечественные записки», 1840 г., т. XII, № 10. Музыка А. Алябьева (1851).

ДОРОГА

Тускло месяц дальний
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

«Отечественные записки», 1842 г., т. XXIV, № 10. Положено на музыку самим Огаревым.

КАБАК

Выпьем, что ли, Ваня,
С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
По колено море.

У Антона дочь-то
Девка молодая:
Очи голубые,
Славная такая.

Да богат он, Ваня:
Наотрез откажет;
Ведь сгоришь с стыда, брат,
Как на дверь укажет.

Что я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброк-то, Ваня,
А кормить старушку!

Выпьем, что ли, с горя?
Эх, брат! Да едва ли
Бедному за чаркой
Позабыть печали!

«Отечественные записки», 1843 г., т. XXIV, № 10. Музыка А. Алябьева.

ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узоры
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится,
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина бледно
Перед ней горит.
Все в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

«Отечественные записки», 1842 г., т. XXII, № 5. Музыка А. Алябьева (40-е годы).

М. Ю. Лермонтов

(1814—1841)

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом;
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

«Одесский альманах на 1840 год».
Музыка А. Рубинштейна, С. Галеви,
П. Булахова, А. Гречанинова.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой — старый воин,
Закален в бою;
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь — будет время —
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье,
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать,
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

«Отечественные записки», 1840 г., т. VIII, № 2. Музыка А. Гречанинова, Э. Направника, Ребикова и др.

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

«Отечественные записки», 1842 г., № 5. Музыка М. Васильева, М. Шишкина и Э. Направника.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок;
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет,

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один.

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

«Отечественные записки», 1840 г.,
т. X, № 5. Музыка Н. Мясоедова.

СОСЕДКА

Не дождаться мне, видно, свободы,—
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко́ над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду.
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она, долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

«Отечественные записки», 1842 г., т. XX. Музыка А. Дерфельт и Ю. Свиридова.

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня, — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне,
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

«Отечественные записки», 1843 г., т. XXVII. № 4. Музыка М. Балакирева.

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчу́г убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

«Отечественные записки», 1843 г., т. XXVII, № 4. Музыка П. Макарова и Э. Направника.

ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу.
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел;
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

«Отечественные записки», 1843 г., т. XXVII, № 4. Музыка Давыдова и др.

И. Ваненко (И. И. Башмаков)

(умер в 1865 г.)

АХ, МОРОЗ, МОРОЗЕЦ...

Ах, мороз, морозец,
Молодец ты русский,
Ходишь в рукавицах
Да в овчинной шапке
Ах, мороз, морозец,
Аленькие щечки;
Тело познобишь ты,
А душе тепленько.
При тебе, мой милый,
Вспомнишь про старинку,
Как, бывало, с нею,
Помнишь ли, морозец,
На летучих санках
Мы стрелою мчимся
В сумрак одинокий!..
И она, красотка,
Шепчет мне тихонько:
«Ты озяб, мой милый!
Положи головку,
Я тебя прикрою!..»
Распахнет, бывало,
Теплую шубейку —
И у белой груди
Мне тепло, привольно!..
Погляжу ей в глазки —
Глазки искры сыплют,
Погляжу на щечки —
Огонек пылает!

Так вот ретивое
Полымем обхватит!
Ах, мороз, морозец,
Молодец ты русский,
Ты мне был, голубчик,
Точно брат родимый.

«Междуделье», альманах Ив. Ваненко, М. 1848 г.

Г. Малышев

СВИДАНИЕ ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Звенит звонок, и тройка мчится.
Несется пыль по столбовой;
На крыльях радости стремится
В дом кровных воин молодой.

Он с ними юношей расстался,
Пятнадцать лет в разлуке жил;
В чужих землях с врагами дрался,
Царю, отечеству служил.

И вот в глазах село родное,
На храме божьем крест горит!
Забилось сильно ретивое,
Слеза невольная блестит.

«Звени, звени, звонок, громчее!
Лихая тройка, вихрем мчись,
Ямщик, пой песни веселее!
Вот отчий дом!.. Остановись!»

Звонок замолк, и пар клубится
С коней ретивых, удалых;
Нежданный гость под кров стучится,
Внезапно входит в круг родных.

Его родные не узнали,
Переменились в нем черты;
И все невольно вопрошали:
«Скажи, служивый, кто же ты?»

«Я вам принес письмо от сына,
Здоров он, шлет со мной поклон:
Такого ж вида, роста, чина,
И я точь-в-точь две капли он!..»

«Наш сын! наш брат!» — тогда вскричали
Родные, кровные его;
В слезах, в восторге обнимали
Родного гостя своего.

«Стихотворения Григория Малышева», М. 1848 г.

И. Макаров

(умер в 1854 г.)

ОДНОЗВУЧНО ГРЕМИТ КОЛОКОЛЬЧИК...

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка;
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.

Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в груди моей хладной, остылой
Разгорелося сердце огнем.

И припомнил я ночи иные
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...

Издано при нотах, музыка А. Гурилева.

Э. И. Губер
(1814—1847)

НОВГОРОД
(Из поэмы «Антоний»)

Время пролетело,
Слава прожита;
Вече онемело,
Сила отнята.

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород Великий
Тихо опочил.

Слава отшумела,
Время протекло:
Площадь опустела,
Вече отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вече распустили,
Колокол снесли.

Порешили дело.
Все кругом молчит,
Только Волхов смело
О былом шумит.

Белой плачет кровью
О былых боях
И поет с любовью
О свободных днях.

Путник тихо внемлет
Песне ярых волн;
И опять задремлет,
Тайной думы полн.

«Сочинения Э. И. Губера», 1859 г.
Музыка Г. Дютша.

В. А. Соллогуб

(1814—1882)

АЛЛАВЕРДЫ

С времен, давным-давно отжитых,
Преданьем иверской земли,
От наших предков знаменитых
Одно мы слово сберегли;
В нем нашей удали начало,
Преданье счастья и беды,
Оно всегда у нас звучало:
Аллаверды!

Аллаверды — «господь с тобою»,
Вот слову смысл, и с ним не раз
Готовился отважно к бою
Войной взволнованный Кавказ;
Ходили все мы к схваткам новым,
Не дожидаясь череды.
Хвала умершим... а здоровым —
Аллаверды!

Когда досуг кавказский теша,
Простор давая бурдюкам,
В кружке усердном азарпеша
Гуляет звонко по рукам,
Неугомонно ходит чаша,
И вплоть до утренней звезды
Несется голос тулумбаша:
— Аллаверды!

Одной природой мы богаты,
У нас под тенью каждой хаты
Есть уголок для кунака.
Нам каждый гость дарован богом,
Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом...
Аллаверды! Мой друг, аллаверды...

«Воспоминания В. А. Соллогуба»,
СПБ. 1887 г.

А. К. Толстой

(1817—1875)

КОЛОКОЛЬЧИКИ МОИ...

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темноголубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом,
Он все топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные,
Не кляните вы меня,
Темноголубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю,
Конь несет меня лихой,
А куда — не знаю!

«Современник», 1854 г, № 4. Это стихотворение состоит из двенадцати восьмистиший. Поются обычно только три первые восьмистишия, приведенные здесь.

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА, СЛУЧАЙНО...

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь, —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю.

«Отечественные записки», 1856 г.,
№ 5. Музыка П. Чайковского.

ТЫ НЕ СПРАШИВАЙ, НЕ РАСПЫТЫВАЙ...

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя? Почему люблю?
И за что люблю? И надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне? Молода ль жена?
Или детище ты мне малое?

И не знаю я и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати?
Много цветиков во чистом поле,
Много звезд горит по поднебесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал!
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

«Стихотворения гр. Алексея Толстого», 1867 г. Музыка А. Аренского и др.

КОЛЬ ЛЮБИТЬ, ТАК БЕЗ РАССУДКУ...

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

«Современник», 1854 г., № 4.

РАССЕВАЕТСЯ, РАССТУПАЕТСЯ...

Рассевается, расступается
Грусть под думами, под могучими,
В душу темную пробивается,
Словно солнышко между тучами.
Ой ли, молодец? Не расступится,
Не рассеется ночь осенняя,—

Скоро сведаешь, чем искупится
Непоказанный миг веселия!
Прикачнулася, привалилася
К сердцу сызнова грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Бесталанная, горемычная.

«Библиотека для чтения», 1858 г., ч. 1. Музыка М. Мусоргского (1877).

ЗВОНЧЕ ЖАВОРОНКА ПЕНЬЕ...

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив.

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

«Русская беседа», 1858 г., т. I. Музыка А. Рубинштейна, Н. Римского-Корсакова и др.

КАБЫ ЗНАЛА Я, КАБЫ ВЕДАЛА...

Кабы знала я, кабы ведала,
Не смотрела бы из окошечка
Я на молодца разудалого,
Как он ехал по нашей улице,
Набекрень заломивши мурмолку,
Как лихого коня буланого,
Звонконогого, долгогривого
Супротив окон на дыбы вздымал!

Кабы знала я, кабы ведала,
Для него бы я не рядилася,
С золотой каймой ленту алую
В косу длинную не вплетала бы,
Рано досвету не вставала бы,
За околицу не спешила бы,
В росе ноженьки не мочила бы,
На проселок тот не глядела бы,
Не проедет ли там проселком он,
На руке держа пестра сокола!

Кабы знала я, кабы ведала,
Не сидела бы поздно вечером,
Пригорюнившись, на завалине,
На завалине, близ колодезя,
Поджидаючи да гадаючи,
Не пройдет ли он, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой.

«Русская беседа», 1858 г., т. III. Музыка П. Чайковского (1881) и А. Рубинштейна.

ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЙ...

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды.
О жизнь! О лес! О солнца свет!
О юность! О надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших дней.
О счастие! О слезы!
О лес! О жизнь! О солнца свет!
О свежий дух березы!

«Вестник Европы», 1871 г., № 12.
Музыка Н. Римского-Корсакова,
П. Чайковского и др.

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет все боле, а цепи
Дорогу метут да метут...

«Вестник Европы», 1876 г., № 2. Нередко пелась с припевом после каждого куплета:

Динь-бом, динь-бом —
Слышен звон кандальный,
Динь-бом, динь-бом —
Путь сибирский дальний,
Динь-бом, динь-бом —
Слышно, там идут,
Нашего товарища на каторгу ведут.

И. С. Тургенев
(1818—1883)

В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь, родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Сборник «Вчера и сегодня», 1845 г.

БАЛЛАДА

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил, сумрачно глядит;
С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.
Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!
Думает он думу, дышит тяжело.
Плохо!.. видно, время доброе прошло.

«Что, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенета волк не забегал!
Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;
Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь».
Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;
Завтра умирать мне смертию лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!..
Мы певали песни, как из леса шли,
Как купцов с товаром мы в овраг вели...
Ты б нас тут послушал — ладно пели мы,
Да недолго песней тешились купцы...
Да еще певал я — в домике твоем;
Запивал я песни — все твоим вином;
Заедал я чарку — хозяйской едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

«Отечественные записки», 1841 г.,
т. XXIX. Музыка А. Рубинштейна.

Я. П. Полонский

(1819—1898)

ВЫЗОВ

За окном в тени мелькает
Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи ж ко мне навстречу!
С жаждой поцелуя,
К сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звезды
Слишком ярко светят;
Я плащом тебя одену
Так, что не заметят!

Если сторож нас окликнет —
Назовись солдатом;
Если спросят, с кем была ты, —
Отвечай, что с братом!

Под надзором богомолки
Ведь тюрьма наскучит;
А неволя поневоле
Хитрости научит!

«Отечественные записки», 1843 г., № 5. Музыка А. Даргомыжского, П. Чайковского.

ЗАТВОРНИЦА

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном.

Там огонек, как звездочка,
До полночи светил
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.

Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла!

И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой!

Какие речи детские
Она твердила мне
О жизни неизведанной,
О дальней стороне!

Как, не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она дрожа шептала мне:
«Послушай, убежим!

Мы будем птицы вольные,
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих —
Туда возврата нет!»

И тихо слезы капали,
И поцелуй звучал, —
И ветер занавескою
Тревожно колыхал.

«Московский литературный и ученый сборник песен», 1847 г. Музыка Казанли.

ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни!
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

«Современник», 1853 г., № 11. Музыка Пригожева, Садовского, Ламина, П. Чайковского и др.

УЗНИЦА

Что мне она! — Не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь?

Спать не дает, оттого что мне грезится
Молодость в душной тюрьме;
Вижу я — своды... окно за решеткою...
Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос...

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...

Что мне она! — Не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь?

«Вестник Европы», 1878 г., август. Стихотворение появилось в печати, по цензурным соображениям, без заглавия. Музыка С. И. Танеева. В революционной среде песня пользовалась большой популярностью.

А. А. Фет

(1820—1892)

НА ЗАРЕ ТЫ ЕЕ НЕ БУДИ...

На заре ты ее не буди:
На заре она сладко так спит!
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит,

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна;

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди:
На заре она сладко так спит.

«Москвитянин», 1842 г., ч. 3, № 5.
Музыка А. Варламова.

ТОЛЬКО СТАНЕТ СМЕРКАТЬСЯ НЕМНОЖКО...

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок.
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.

Потушу перед зеркалом свечи,—
От камина светло и тепло;
Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло;

Стану слушать те детские грезы,
Для которых все блеск впереди.
(Каждый раз благодатные слезы
У меня закипают в груди!)

До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу
И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.

«Библиотека для чтения», 1857 г.,
т. 143. Музыка П. Булахова.

Н. А. Некрасов

(1821—1878)

ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне;
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц-девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней, как шальной, я глядел.

Я слыхал на селе от своих молодиц,
Что и сам я пригож, не уродом рожден,
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою,
И смеялась со мной, и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, чай пора уж тебе отдохнуть».

«Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок!»
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенек:

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралася кровь.
«Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?»

«От кого у тебя перстенек золотой?» —
«Скоро старость придет, коли будешь все знать».—
«Дай-ка, я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хвать!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенек...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо. «Держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьми; и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

«Отечественные записки», 1846 г
т. XLV.

МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится,— ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда...
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал,
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Все бы вздор... только с Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел,
И, бедняжка! ума не приложит,
Отчего он так скоро сгорел.

«Современник», 1855 г., № 3.

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку,—
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь — все с вельможами
Будешь дружество водить.
С молодицами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...» —
Эка песня безобразная!
«Няня! дай-ка мне дитя!»

«На, родной! да ты откудова?» —
«Я проезжий, городской». —
«Покачай, а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

«Как не спеть, спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
«Баю-баюшки, баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою, —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! На служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...» Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!» —
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

«Современник», 1859 г., № 9. Музыка М. Мусоргского.

УКАЖИ МНЕ ТАКУЮ ОБИТЕЛЬ...

Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам;
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъездов судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля.
Где народ, там и стон... Эх, сердечный,
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль исполненный сил,

Иль, судеб повинуясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?

«Колокол», 1860 г. Песня — отрывок из стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858). Песня была очень распространена среди интеллигенции, особенно революционно-народнической. В песенной практике поется «укажи» *вместо* «назови». *Поется на мотив арии из оперы «Лукреция Борджиа», музыка Доницетти.*

ОЙ, ПОЛНА, ПОЛНА КОРОБУШКА...

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!

Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокую,
Все товары разложу.

Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! пришла желанная,
Продает товар купец.

Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять...

Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка, коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенек.

Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос, —

Все поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!..»

Из поэмы «Коробейники» (1861).

ХОРОШО БЫЛО ДЕТИНУШКЕ...

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до покрова.

Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!

Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.

Как ни часто приходилося
    Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
    Под серпом горела рожь.

Изо всей-то силы-моченьки
    Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
    По росистым по лугам.

Стелет лен, а неотвязная
    Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
    Молодца приворожит?

Как изменит? как засватает
    На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
    «Ты, женись, женись на мне!

Ни тебе, ни свекру-батюшке
    Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
    Слово всякое стерплю.

Не дворянка, не купчиха я,
    Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
    Работящая жена.

Ты не нудь себя работою,
    Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
    Буду пашенку пахать.

Ты живи себе гуляючи
    За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
    Веселися, песни пой!

А вернешься с торгу пьяненький —
    Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румяненький!» —
    Больше слова не скажу.

Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня,
Да к тебе и подвалилась бы:
«Поцелуй, дружок меня!..»

Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.

Из поэмы «Коробейники» (1861).

В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ...

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — все равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

«Современник», 1863 г., № 4.

У ЛЮДЕЙ-ТО В ДОМУ — ЧИСТОТА, ЛЕПОТА...

У людей-то в дому — чистота, лепота,
А у нас в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей — с солонинкою чан,
А у нас-то во щах — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарят,
А у нас кумовья — наш же хлеб приедят!

У людей на уме — погуторить с кумой,
А у нас на уме — не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в мошне, чтобы рожь на гумне;

Чтоб шлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей — грамотей;

Чтобы дети в дому, словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малинка в саду!

«Стихотворения», 1869 г., ч. IV.
Музыка Ц. Кюи, А. Бородина.

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный все колотит, трезвый все ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К братцу я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, — старики твердят: —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат: —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят: —
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде — с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село пойдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Все отдам я Феде — все, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
«Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь!» —
«Ах ты, дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть себе бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад, —
Милого побои не долго болят!

«Стихотворения», 1869 г., ч. IV.

СВАТ И ЖЕНИХ

1

Нут-ко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай, выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, важевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем — ни-ни-ни!

Ай, да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперек!
Ай, да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

2

Нут-ко! Вера у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетея у Фрола,
Замуж всем пора пришла!
У Никиты — Катерина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай, выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, щедровита,
Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!

Ай, да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай, да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!..

3

Нут-ко, Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Евстратья — Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай, выбирай!
По любую засылай!
Марья точно щедровита,
Да хозяйка домовита:
Все примоет, приберет,
Все до нитки сбережет!

Ай, да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай, да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

«Отечественные записки», 1868 г., № 4. Музыка Ц. Кюи.

А. Н. Майков
(1821—1897)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер после трех ночей
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых, —
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!»

«Стихотворения А. Н. Майкова», СПБ. 1872 г., ч. 2. Музыка П. Чайковского, А. Аренского и др.

Л. А. Мей

(1822—1862)

КАК ВЕЧОР МНЕ, МОЛОДЕШЕНЬКЕ...

Как вечор мне, молодешѐньке,
Малым-мало ночью спалося,
Малым-мало ночью спалося —
Нехороший сон привиделся:
У меня б на правой рученьке,
Что на малом на мизинчике,
Распаялся жар-золот перстень,
Выпал камешек лазоревый...
Знать, что мой милой угадчивый,
С нами, девками, назойливый,
Из белых из рук выпадчивый,
Со белой груди уклонливый!

«Светоч», 1861 г., кн. VI.

ЗАПЕВКА

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася,
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей.

«Стихотворения Л. Мея», СПБ. 1867 г. Музыка М. Балакирева, А. Глазунова.

П. Л. Лавров

(1823—1900)

ОТРЕЧЕМСЯ ОТ СТАРОГО МИРА...

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.
Нам не нужно златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем,
И пошлем мы злодею проклятья,
На борьбу мы его позовем.

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Богачи-кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Тебе отдых — одна лишь могила,
Весь свой век недоимку готовь!
Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьет народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты,
Подавай же ему сыновей!
Ему нужны пиры и палаты,
Подавай ему крови своей!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Не довольно ли вечного горя,
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
И на злого вампира-царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись, лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братской любви, —
Хоть купили мы страшной ценою,
Кровью нашею счастье земли.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в одно все народы
В вольном царстве святого труда!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Напечатано в журнале «Вперед» за 1876 г. Приписывается П. Лаврову.

И. С. Никитин

(1824—1861)

МЩЕНИЕ

Поднялась, шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется;

Ходят, плавают
Тучи по небу,
Ночь осенняя
Черней ворона.

В зипуне мужик
К дому барскому
Через сад густой
Тихо крадется.

Он идет, глядит
Во все стороны,
Про себя один
Молча думает:

«Вот теперь с тобой,
Барин-батюшка,
Мужик-лапотник
Посчитается;

Хорошо ты мне
Вчера вечером
Вплоть до плеч спустил
Кожу бедную.

Виноват я был,
Сам ты ведаешь:
Тебе дочь моя
Приглянулася.

Да отец ее —
Несговорчивый,
Не велит он ей
Слушать барина...

Знаю, ты у нас
Сам большой-старшой,
И судить-рядить
Тебя некому.

Так суди ж, господь,
Меня грешника:
Не видать тебе
Мое детище!»

Подошел мужик
К дому барскому,
Тихо выломил
Раму старую,

Поднялся, вскочил
В спальню темную, —
Не вставать теперь
Утром барину...

На дворе шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется;

Через сад домой
Мужик крадется,
У него лицо,
Словно белый снег.

Он дрожит, как лист,
Озирается,
А господский дом
Загорается.

При жизни Никитина не печаталось по цензурным условиям.

ПЕСНЯ

Зашумела, разгулялась
В поле непогода;
Принакрылась белым снегом
Гладкая дорога.

Белым снегом принакрылась,
Не осталось следу,
Поднялася пыль и вьюга,
Не видать и свету.

Да удалому детине
Буря не забота:
Он проложит путь-дорогу,
Лишь была б охота.

Не страшна глухая полночь,
Дальний путь и вьюга,
Если молодца в свой терем
Ждет краса-подруга.

Уж как встретит она гостя
Утренней зарею,
Обоймет его стыдливо
Белою рукою,

Опустивши ясны очи,
Друга приголубит...
Вспыхнет он — и холод ночи,
И весь свет забудет.

«Стихотворения И. Никитина», СПБ. 1856 г.

ОТВЯЖИСЯ, ТОСКА...

Отвяжися, тоска,
Пылью поразвейся!
Что за грусть, коли жив —
И сквозь слезы смейся!

Не диковинка — пир
При хорошей доле;
Удаль с горя поет,
Пляшет и в неволе.

Уж ты как ни хвались
Умной головою, —
Громовых облаков
Не отвесть рукою.

Грусть-забота не спит,
Без беды крушится;
Беззаботной душе
И на камне спится.

Коли солнышка нет —
Ясный месяц светит;
Изменила любовь —
Песня не изменит!

Сердце просит не слез,
А живет отрадой;
Вот умрешь — ну, тогда
Ничего не надо.

«Сочинения И. С. Никитина», СПБ.
1868 г. Музыка В. Золотарева.

НАСЛЕДСТВО

Не осталося
Мне от батюшки
Палат каменных,
Слуг и золота;

Он оставил мне
Клад наследственный:
Волю твердую,
Удаль смелую.

С ними молодцу
Всюду весело!
Без казны богат,
Без почета горд.

В горе, в черный день,
Соловьем поешь;
При нужде, в беде
Смотришь соколом;

Нараспашку грудь
Против недруга,
Под грозой, в бою
Улыбаешься.

И мила душе
Доля всякая,
И весь белый свет
Раем кажется!

«Стихотворения И. Никитина», СПБ. 1856 г.

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол, как сокол,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит;
Оробей, загорюй —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт, —
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем, —
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен, —
Песенка допета!

«Народное чтение», 1859 г., II.

ВЫРЫТА ЗАСТУПОМ ЯМА ГЛУБОКАЯ...

Вырыта заступом яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь молчаливая, —
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.

Что же? усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..

Вот она — слышится песнь беззаботная, —
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос,
Больше не нужно ни песен, ни слез!

«Воронежская беседа на 1861 г.».

НА СТАРОМ КУРГАНЕ...

На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи,
    Сидит он уж тысячу лет,
    Все нет ему воли, все нет!

И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает.
    Летят в синеве облака,
    А степь широка, широка!

Из стихотворения И. С. Никитина «Хозяин» (1861). Музыка В. Калинникова.

А. Н. Плещеев

(1825—1893)

ВПЕРЕД БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНЬЯ...

Вперед без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед;
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет!

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесем гоненье,
Простив озлобленным врагам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой
В заботах тяжких истощил,
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит,
И, верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед — и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

«Стихотворения А. Плещеева», СПБ. 1846 г. Песня была распространена среди революционно настроенной интеллигенции.

Я У МАТУШКИ ВЫРОСЛА В ХОЛЕ...

Я у матушки выросла в холе
И кручины не ведала злой,
Да счастливой девической доле
Позавидовал недруг людской.

Речи сладкие стал он, лукавый,
Мне нашептывать ночью и днем;
И наскучили смех и забавы,
И наскучил мне матери дом.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть;
Подымалась под тонкой рубашкой
Высоко моя белая грудь.

Я вставала с постели босая,
И, бывало, всю ночь напролет
Под окошком кого-то ждала я:
Все казалось мне, кто-то идет...

Я ждала и дождалась милого,
И уж как полюбился он мне!
Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во сне.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей:
Допытать они, видно, хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они, что готова
Хоть на гибель для них я была...
И за милым из дома родного
Я, как малый ребенок, пошла.

Был он барин богатый и где-то
Все в далеких краях проживал;
Слышь, лечился и только на лето
Он в поместья свои наезжал.

Только лаской его и жила я,
Белый свет с ним казался милей;
Нипочем было мне, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала я, не гадала,
Что любви его скоро конец:
Вдруг постыла милому я стала —
И с другой он пошел под венец.

Не пригожим лицом, не красою
Приманила дворянка его, —
Приманила богатой казною,
Много взял он за нею всего.

С той поры будто солнышка нету,
Все глухая, осенняя ночь;
Как ни жди, не дождешься рассвету,
Как ни плачь, а беде не помочь.

И с красой я своей распрощалась!
Не узнала б теперь меня мать:
Ни кровинки в лице не осталось,
Словно зелья мне дали принять.

Ах! изменой своей — не отравой —
Он с лица мне румянец согнал...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мне летней шептал!

«Светоч», 1860 г., № 2.

М. И. Михайлов

(1826—1865)

ГРЕНАДЕРЫ

(Из Гейне)

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до немецкой земли.

Придется им слышать, увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора,
Но дома жена, малолетки,
У них ни кола, ни двора.

Да что мне? Просить христа-ради
Пущу и детей и жену.
Иная на сердце забота:
В плену император, в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию, — там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье
И пушечный гром и трубу —

То он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

«Песни Гейне в переводе М. Михайлова», СПБ. 1858 г.

СМЕЛО, ДРУЗЬЯ!..

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!

Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых —
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.

Стонет и тяжко вздыхает
Бедный, забитый народ;
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.

Час обновленья настанет —
Воли добьется народ,
Добрым нас словом помянет,
К нам на могилу придет.

Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых —
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.

Автором этого стихотворения считается М. И. Михайлов; в Собрании сочинений последнего (1913) оно отсутствует, вероятно из-за вмешательства цензуры. Песня стала гимном народовольцев.

В. С. Курочкин
(1831—1875)

В РАЗЛУКЕ

Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою
Я грусти признака тебе не подала.
Мы разошлись навек... Но если бы с тобою
 Я встретиться могла!

Без слез, без жалоб я склонилась пред судьбою.
Не знаю, сделав мне так много в жизни зла,
Любил ли ты меня... Но если бы с тобою
 Я встретиться могла!

«Сборник стихотворений В. С. Курочкина», 1869 г., т. I. Музыка А. Даргомыжского.

ДОЛГО НАС ПОМЕЩИКИ ДУШИЛИ...

Долго нас помещики душили,
 Становые били,
И привыкли всякому злодею
 Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
 Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти,
 Покоримся власти.
Мироеды тем и пробавлялись;
 Над нами ломались,

Мы-де глупы, как овечье стадо,
Стричь да брить нас надо.
Про царей паны твердили миру,
Спьяна или с жиру,
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем?
Суд Шемякин: до бога высоко,
До царя далеко;
Царь сидит там в Питере, не слышит,
Знай, указы пишет.
А указ, как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь,—
Все не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахальством
Малыим начальством.
Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слыхал о 25-м годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев:
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело.
И сложили головы за братий
Пестель да Кондратий,
Не найдется, что ль, у нас иного
Друга, Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело!

Стихотворение приписывалось Курочкину. Печаталось лишь в нелегальных изданиях. Стало революционной песней, популярной в 60-е годы.

Л. Н. Модзалевский

(1837—1896)

СЛЕТИ К НАМ, ТИХИЙ ВЕЧЕР...

Слети к нам, тихий вечер,
    На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
    Вечерняя заря.

Темнеет уж в долине,
    И ночи близок час:
На маковке березы
    Последний луч угас.

Как тихо всюду стало,
    Как воздух охладел!
И в сонной роще громко
    Уж соловей запел.

Слети к нам, тихий вечер,
    На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
    Вечерняя заря.

*«Родное слово» **Ушинского**, ч. 2 (60-е годы).*

А. А. Навроцкий

(1839—1905)

УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
От вершины до самого края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.
Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.
И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.
Раз ночною порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.
Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал.
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал.
И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он на утро с утеса спустился
И задумал итти по другому пути —
И итти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рукой
Не помог он народному горю.
Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
Он сложил свои буйные кости.
И Степан будто знал, — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.
И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.
Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет.

«Вестник Европы», 1870 г., № 12. Музыка написана А. Рашевской, а позднее (1896) самим Навроцким («Утес на Волге. Музыкальная картина»).

В. В. Крестовский
(1839—1895)

ВЛАДИМИРКА

Ой, дорога ль, ты, дороженька пробойная,
Ты пробойная ль дороженька, прогонная!
Уж и много на Руси у нас дороженек,
Что дорог ли широкатных, поисхоженных.
По иным гоняют царских слуг — солдатушек,
По иным бредет убогий богомольный люд,
От Соловок до Киева, по угодничкам,
Что по третьим ли дорожкам шлют красен товар
Всё купцы, да молодцы, да володимирцы.
Широки ль уж те дорожки да укатисты,
А уж шире ль, да длиннее, да утоптанней
Нашей матушки Владимирки не быть нигде!
Не одни-то по ней поручни притерлися,
Не одни-то быстры ноженьки примаялись,
Что и слез на ней немало ли проливано,
А и песен про нее ль немало сложено!
Далеко ты в даль уходишь непроглядную,
Во студеную сторонушку сибирскую,
Ох, дорога ль, ты, дороженька пробойная,
Ты пробойная ль дорожка Володимирская.

«Стихи Всеволода Крестовского», СПБ. 1862 г. Песня была популярна в революционной среде; иногда приписывалась Некрасову.

ПОЛОСА

Полоса ль ты моя, полоса!
Не распахана ты, сиротинка,
И тебе не колосья краса,
Не колосья краса, а былинка...

А кругом-то, кругом, поглядишь —
Так и зреют могучие нивы!
И стоит благодатная тишь,
И волнуются ржи переливы.

Но горька мне твоя нагота.
Как взгляну я на ниву-то божью.
Отчего ж ты одна, сирота,
Не красуешься матушкой-рожью?

Знать, хозяин-то твой в кабаке
Загулял не одну уж неделю
Иль от горя в гробовой доске
Отыскал на погосте постелю.

А быть может, и то: в кандалах
По Владимирке пахаря гонят,
За широкий, за вольный размах
Богатырскую силу хоронят.

И шагает он в синюю даль,
Сам шагает да слезы глотает:
Все-то ниву свою ему жаль,
Все полоску свою вспоминает...

Зарастай же, моя полоса,
Частым ельничком ты да березкой,
И пускай же ни серп, ни коса
Не сверкают отсель над полоской!

Там же. Песня эта иногда приписывалась Некрасову.

МАТЬ ВСЕРДЦАХ МЕНЯ ЖУРИЛА...

Мать всердцах меня журила:
«Я ль тебя не зарекала,
Чтоб любви ты окаянной
Пуще полымя бежала,
Да родительский зарок,
Видно, был тебе не впрок!»

«Мама, мама! Что ж мне делать!.
Я сама ее боялась,
Да она-то во светлицу,
Не спросясь, ко мне врывалась
Сквозь окошко, майским днем,
С каждым солнечным лучом.

Я бежала из светлицы,
В темный сад от ней бежала,
А она мне тихим ветром
Все лицо исцеловала
И от мамы в ту же ночь
Увела тихонько дочь!..»

Там же.

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК

Словно ягода лесная,
И укрыта и спела,
Свет-княгиня молодая
В крепком тереме жила.

У княгини муж ревнивый,
Он и сед, и нравом крут;
Царской милостью спесивый,
Ведал думу лишь да кнут.

А у князя Ваня-ключник,
Кудреватый, удалой,
Ваня-ключник — злой разлучник
Мужа старого с женой.

Хоть не даривал княгине
Ни монист, ни кумачу,
А ведь льнула же к детине,
Что сорочка ко плечу.

Целовала, миловала,
Обвивала, словно хмель,
И тайком с собою клала
Что на княжую постель.

Да известным наговором
Князь дознался всю вину, —
Как дознался, так с позором
И замкнул на ключ жену.

И дознался из передней,
От ревнивых от очей,
Что от самой от последней
Сенной девушки своей.

«Гой, холопья, вы подите —
Быть на дыбе вам в огне!
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне!»

Ох, ведут к нему Ивашку, —
Ветер кудри Ване бьет,
Веет шелкову рубашку,
К белу телу так и льнет.

«Отвечай-ко, сын ты вражий,
Расскажи-ко, варвар мой,
Как гулял ты в спальне княжей
С нашей княжеской женой?»

«Ничего, сударь, не знаю,
Я не ведаю про то!..» —
«Ты не знаешь? Допытаю!
А застенок-то на что?..»

И работают в застенке —
Только кости знай хрустят!
Перешиблены коленки,
Локти скручены назад.

Но молчком молчит Ивашка,
И опять его ведут:
В дырьях мокрая рубашка,
Кудри клочьями встают;

Кандалы на резвых ножках,
А идет он, словно в рай,
Только хлюпает в сапожках
Кровь ручьями через край...

Видит два столба кленовых,
Перекладина на них.
Знать, уж мук не будет новых,
Знать, готовят про других, —

Отведу же я, мол, душу,
Распотешусь пред концом:
Уж пускай же, князь, Ванюшу
Хоть вспомянешь ты добром!

«Ты скажи ли мне, Ванюшка,
Как с княгиней жил досель?» —
«Ох, то ведает подушка
Да пуховая постель!..

Много там было попито
Да поругано тебя,
А и вкрасне-то пожито,
И целовано любя!

На кровати, в волю княжью,
Там полежано у нас
И за грудь ли, грудь лебяжью,
Было хватано не раз!»

«Ай, да сказка!.. Видно хвата!
Исполать, за то люблю!
Вы повесьте-ка, ребята,
Да шелковую петлю!»

Ветер Ванюшку качает,
Что былинку на меже,
А княгиня умирает
Во светлице на ноже.

Там же.

А. Н. Апухтин

(1841—1893)

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ О СЕВАСТОПОЛЕ

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималося облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей,
И пришли к нам, и нас победили.

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шел в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабенку свою,
Выходил ополченцем из хаты.

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали, —
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,
Как за каждый клочок нашей русской земли
Нам платили враги своей кровью;

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым,
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы, —

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов своих смелых...

Пусть не радостна песня, что я вам пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

«Стихотворения А. Н. Апухтина»,
СПБ. 1886 г.

И. И. Пальмин
(1841—1891)

НЕ ПЛАЧЬТЕ НАД ТРУПАМИ ПАВШИХ БОРЦОВ...

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах.
Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!
С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

Популярная в революционных кругах песня. В собрания стихотворений И. И. Пальмина не входила из-за цензурных ограничений.

И. З. Суриков
(1841—1880)

В ЗЕЛЕНОМ САДУ СОЛОВУШКА...

В зеленом саду соловушка
Звонкой песней заливается;
У меня, у молодешеньки,
Сердце грустью надрывается.

Знать, тогда мне, когда поп крестил,
Вышла доля несчастливая,
Потому что вся я в матушку
Уродилася красивая.

И росла у ней, да нежилась
Я на воле, одинешенька;
Богачи, купцы проезжие,
Звали все меня хорошенькой.

Мое личико румяное
Красной зорькой разгоралося,
И косою моей русою
Вся деревня любовалася.

Да сгубил меня мой батюшка,
Выдал замуж за богатого,
На житье отдал на горькое
За седого, бородатого.

Не живу я с ним, а мучаюсь;
Сердце горем надрывается;
Не водою лицо белое,
А слезами умывается.

Что богатство мне без радости?
Без любви душа измаялась.
Без поры то я, без времени,
Молодешенька, состарилась!

*«Стихотворения И. З. Сурикова»,
М. 1875 г.*

В СТЕПИ

Кони мчат-несут,
Степь все вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про Моздокскую
Степь ямщик поет:

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь в степи сразит;
Не попомни, друг,
Злых моих обид;

Злых моих обид,
Да и глупости,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой,

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой.

Кстати, ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится,
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

Как простор степной
Широко-велик,
Как в степи глухой
Умирал ямщик...

«Стихи И. З. Сурикова», 1865 г. Песня близка к народной песне «Степь Моздокская» (стр. 21). См. также позднейшую переделку этой песни, стр. 368.

РЯБИНА

Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну.

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь;
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась...

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

Там же. См. переделку этого стихотворения, стр 369.

ЭХ ТЫ, ДОЛЯ, ЭХ ТЫ, ДОЛЯ...

Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Ветер пошатнул,
С крыши ветхую солому
Разметал, раздул?

И не твой ли под горою
Сгнил дотла овин,
В запустелом огороде
Повалился тын?

Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу в город
Летнею порой?

Не твоя ль жена, в лохмотьях,
Ходит босиком?
Не твои ли это детки
Просят под окном?

Не тебя ль в пиру обносят
Чаркою с вином,
И не ты ль сидишь последним
Гостем за столом?

Не твои ли это слезы
На пиру текут?
Не твои ли это песни
Грустью сердце жгут?

Не твоя ль это могила
Смотрит сиротой?
Крест свалился, вся размыта
Дождевой водой.

По краям ее крапива
Жгучая растет,
А зимой над нею вьюга
Плачет и поет.

И звучит в тех песнях горе,
Горе да тоска...
Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!

«Стихотворения И. З. Сурикова», М. 1875 г.

ТОЛОКНО

День я хлеба не пекла,
Печку не топила, —
В город с раннего утра
Мужа проводила.

Два лукошка толокна
Продала соседу,
И купила я вина,
Назвала беседу.

Все плясала да пила;
Напилась, свалилась;
В это время в избу дверь
Тихо отворилась.

И с испугом я в двери
Увидала мужа.
Дети с голода кричат
И дрожат от стужи.

Поглядел он на меня,
Покосился с гневом
И давай меня стегать
Плеткою с припевом:

«Как на улице мороз,
В хате не топлено,
Нет в лукошках толокна,
Хлеба не печено.

У соседа толокно
Детушки хлебают;
Отчего же у тебя
Зябнут, голодают?

О тебя, моя душа,
Изобью всю плетку,
Не меняй ты никогда
Толокна на водку!»

Уж стегал меня, стегал,
Да, знать, стало жалко,
Бросил в угол свою плеть
Да схватил он палку.

Раза два перекрестил,
Плюнул с злостью на пол,
Поглядел он на детей,
Да и сам заплакал.

Ох, мне это толокно
Дорого досталось!
Две недели на боках,
Охая, валялась!

Ох, болит моя спина,
Голова кружится;
Лягу спать, а толокно
И во сне мне снится!

Там же.

ГДЕ ТЫ, МОЯ ЮНОСТЬ?..

Где ты, моя юность?
Где ты, моя сила?..
Горькая кручина
Грудь мою сдавила.

Голове поникшей
Тяжело подняться;
Думы в ней, как тучи
Черные, роятся;

И сквозь эти тучи
Солнце не проблещет;
Сердце, точно голубь
Раненый, трепещет.

Эх, судьба-злодейка!
Ты меня сгубила;
В мрачный, тесный угол
Злой нуждой забила.

Вот моя каморка —
Грязная, сырая;
Чуть во мраке светит
Свечка догорая.

Вот у стенки столик;
Вот два ветхих стула;
В уголке икона
В мраке утонула.

Вот моя подруга
В безотрадной доле;
Шьет она, трудится,
Убиваясь в горе.

Вот лежит в постели,
Бледная, худая,
Охает и стонет
Мать моя больная.

Холодно в каморке;
Коченеют члены.
Затопил бы печку, —
Дров нет ни полена.

Голова кружится;
Все чернее думы;
И стоишь, да плачешь,
Грустный и угрюмый.

И невольно в сердце
Злоба закипает
На того, кто в свете
Злой нужды не знает.

Там же.

СИРОТОЙ Я РОСЛА...

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя:
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилася я
Девушкой красивой,
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети, —
У меня ж — ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета, —
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

Там же.

Я ЛИ В ПОЛЕ ДА НЕ ТРАВУШКА БЫЛА...

Я ли в поле да не травушка была,
Я ли в поле не зеленая росла;
Взяли меня, травушку, скосили,
На солнышке в поле иссушили.
Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не пшеничушка была,
Я ли в поле не высокая росла;
Взяли меня, срезали серпами,
Склали меня на поле снопами.
    Ох ты, горе мое, горюшко!
    Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не калинушка была,
Я ли в поле да не красная росла;
Взяли калинушку, поломали
И в жгутики меня посвязали.
    Ох ты, горе мое, горюшко!
    Знать, такая моя долюшка!

Я ль у батюшки не доченька была,
У родимой не цветочек я росла;
Неволей меня, бедную, взяли
И с немилым, седым, повенчали.
    Ох ты, горе мое, горюшко!
    Знать, такая моя долюшка.

Там же. Музыка П. Чайковского.

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? Что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась,—
Проложил дорогу кнут;
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбриты
Кудри черные, как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он, —
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жжет огнем и давит грудь,
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму;
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную тряхнуть, —
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

«Как над городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

Знать, уж долюшка такая,
Что не пал казак в бою
И сберег для черной плахи
Буйну голову свою.

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во пойманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака;

Что на по́мосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменною неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга-матушка река!
Помяните добрым словом
Атамана казака!»

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел,
И наверх он по ступеням
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач, в рубахе красной,
Высоко взмахнул топор...

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

«Стихотворения И. З. Сурикова», М. 1877 г.

И. И. Гольц-Миллер
(1842—1871)

«СЛУ-ШАЙ!»

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна...
Черней этой ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво,
В ночной тишине то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Хоть плотны высокие стены ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегися, дружище,
— Слу-шай!..

Вот узник вверху за решеткой железной
Стоит, прислонившись к окну,
И взор устремил он в глубь ночи беззвездной,
Весь словно впился в тишину.
Ни звука!.. Порой лишь собака зальется,
Да крикнет сова невзначай,
Да мерно внизу под окном раздается:
— Слу-шай!..

«Не дни и не месяцы — долгие годы
    В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы, —
    Нет, дольше не в силах я ждать!..
Здесь штык или пуля — там воля святая...
    Эх, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!..»
                    — Слу-шай!..

Чу!.. Шелест... Вот кто-то упал... приподнялся...
    И два раза щелкнул курок...
«Кто идет?..» Тень мелькнула — и выстрел раздался,
    И ожил мгновенно острог.
Огни замелькали, забегали люди...
    «Прощай, жизнь, свобода, прощай!»
Прорвалося стоном из раненой груди...
                    — Слу-шай!..

И снова все тихо... На небе несмело
    Луна показалась на миг.
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
    И скрыла заплаканный лик.
Внизу ж часовые шагают лениво;
    В ночной тишине то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
                    — Слу-шай!..

«Современник», 1864 г., № 2. Музыка П. Сокальского.

Л. Н. Трефолев

(1843—1905)

ПЕСНЯ О КАМАРИНСКОМ МУЖИКЕ

Ах ты, милый друг, камаринский мужик,
Ты зачем, скажи, по улице бежишь?
Народная песня

I

Как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его всклокочена
И *дешевкою* подмочена;
Свежей крови струйки алые
Покрывают щеки впалые.
Ах ты, милый друг, голубчик мой, Касьян!
Ты сегодня именинник — значит, пьян.
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле.
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно.

Февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Влил Касьян в утробу грешную,
Позабыл жену сердечную
И своих родимых деточек,
Близнецов двух, малолеточек.

Заломивши лихо шапку набекрень,
Он отправился к куме своей в курень.
Там кума его калачики пекла;
Баба добрая, румяна и бела,
Испекла ему калачик горячо
И уважила... еще, еще, еще.

II

В это время за лучиною
С бесконечною кручиною
Дремлет-спит жена Касьянова,
Вспоминая мужа пьяного:
«Пресвятая богородица!
Где злодей мой хороводится?»
Бабе снится, что в веселом кабаке
Пьяный муж ее несется в трепаке:
То прискочит, то согнется в три дуги,
Истоптал свои смазные сапоги,
И руками, и плечами шевелит...
А гармоника пилит, пилит, пилит.

Продолжается видение:
Вот приходят в *заведение*
Гости, старые приказные,
Отставные, безобразные,
Красноносые алтынники, —
Все Касьяны-именинники.
Пуще прежнего веселье и содом,
Разгулялся, расплясался пьяный дом.
Говорит Касьян, схватившись за бока:
«А послушай ты, приказная *строка*,
У меня бренчат за пазухой гроши:
Награжу тебя... Пляши, пляши, пляши!»

III

Осерчало *благородие*:
«Ах ты, хамово отродие!
За такое поношение
На тебя подам прошение,

Накладу еще в потылицу!
Целовальник, дай чернильницу!»
    Продолжается все тот же вещий сон:
    Вот явился у чиновных у персон
    Лист бумаги с государственным орлом.
    Перед ним Касьян в испуге бьет челом,
    А обиженный куражится, кричит
    И прошение строчит, строчит, строчит.

«Просит... имя и фамилия...
Надо мной чинил насилия,
Непотребные, свирепые,
И гласил слова нелепые:
Звал *строкой*, противно званию.
Подлежит сие к поданию...»
    Крепко спит-храпит Касьянова жена,
    Видит баба, в вещий сон погружена,
    Что мужик ее, хоть пьян, а не дурак,
    К двери пятится сторонкою, как рак,
    Незамеченный чиновником-врагом,
    И опять к куме бегом, бегом, бегом.

IV

У кумы же печка топится,
И кума спешит, торопится,
Чтобы трезвые и пьяные
Калачи ее румяные
Покупали, не торгуяся,
На калачницу любуяся.
    Эко горе, эко горюшко, хоть плачь!
    Подгорел совсем у кумушки калач.
    Сам Касьян был в этом горе виноват:
    Он к куме своей явился невпопад,
    Он застал с дружком изменницу-куму,
    Потому что, потому что, потому...

«Ах ты, кумушка-разлапушка,
А зачем с тобой Потапушка?
Всех людей считая братцами,
Ты не справилась со святцами.

Для Потапа-безобразника
Нынче вовсе нету праздника!»
    Молодецки засучивши рукава,
    Говорит Потап обидные слова:
    «Именинника поздравить мы непрочь,
    Ты куму мою напрасно не порочь!»
    А кума кричит: «Ударь его, ударь!
    Засвети ему фонарь, фонарь, фонарь!»

V

Темной тучей небо хмурится.
Вся покрыта снегом улица;
А на улице Варваринской
Спит... мертвец, мужик камаринский,
И, идя из храма божия,
Ухмыляются прохожие.
    Но нашелся, наконец, из них один,
    Добродетельный, почтенный господин,—
    На Касьяна сердобольно посмотрел:
    «Вишь, налопался до чортиков, пострел! —
    И потыкал нежно тросточкой его: —
    Да уж он совсем... того, того, того!»

Два лица официальные
На носилки погребальные
Положили именинника.
Из кармана два полтинника
Вдруг со звоном покатилися
И... сквозь землю провалилися.
    Засияло у хожалых «рождество»:
    Им понравилось такое колдовство,
    И с носилками идут они смелей,
    Будет им ужо на водку и елей:
    Марта первого придут они домой,
    Прогулявши ночь... с кумой, с кумой, с кумой.

«Стихотворения Л. Н. Трефолева»,
М. 1894 г.

С. Д. Дрожжин
(1848—1930)

ЖНИЦА

Ой ты, поле, мое полюшко,
Ты раздолье, поле чистое!
По тебе шумит-волнуется,
Словно море, рожь зернистая.

Скучно девице, нет моченьки
Жать серпом колосья зрелые,—
Закружилася головушка,
Разгорелось лицо белое.

Поздним вечером красавица
С милым другом распрощалася,
Он в дороженьку отправился,—
Сиротой она осталася.

Вся до колоса пожатая
Рожь к ногам ее склоняется,
А на сердце красной девицы
Грусть-тоска не унимается.

«Стихотворения 1866—1888 г.».
Музыка В. Зиринга.

БЫСТРО ТУЧИ ПРОНОСИЛИСЯ...

Быстро тучи проносилися
Темносинею грядой,
Избы снегом запушилися:
Шел морозец молодой.

Занесла кругом метелица
Все дороги и следы...
Из колодца красна девица
Достает себе воды,—

Достает и озирается,
Молодешенька, кругом,
А водица колыхается,
Позадернутая льдом...

Вдоль по улице, как павушка,
Красна девица идет,
А навстречу ей Иванушка
Показался из ворот;

И, взглянув ей в очи ясные,
Тихо молвил на пути:
«Бог на помощь, девка красная,
Дай мне ведра понести!»

Вдруг ведерочки дубовые
Стал Ванюша подымать
И с улыбкой черноброву
Обнимать и целовать.

Поцелуем красна девица
Заглушила поцелуй...
Разгуляйся ты, метелица,
Ветер в сторону подуй!..

Там же. Музыка А. Чернявского. Отрывок из поэмы С. Дрожжина «Дуняша».

НЕ ПОЛЫНЬ С ТРАВОЙ-ПОВИЛИКОЮ...

Не полынь с травой-повиликою,
Не крапивушка разрастается,—
То за мною ли, горемыкою,
Злое горюшко увивается.

Все грозит бедой неминучею,
Не дает пожить, как мне хочется,
При безвременье вьется тучею,
Черным вороном всюду носится.

Будто осенью вянет маков цвет —
Моя молодость беспросветная;
На борьбу с нуждой больше силы нет,
А в груди любовь безответная.

Сборник «Поэзия труда и горя», М. 1901 г. Музыка С. Евсеева (1894).

Л. П. Радин

(1850—1901)

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ!..

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода»
Вот наш девиз боевой.

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Все, чем держались их троны,
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда.

Песня была написана в тюрьме.

С. Ф. Рыскин

(1860 — 1895)

ОПУСКАЕТСЯ ТЕМНАЯ НОЧЕНЬКА...

Опускается темная ноченька...
Хороша эта ночка в лесу!
Выручай меня, силушка-моченька, —
Я неволи в тюрьме не снесу!..

Ой! погнулась решетка оконная,
Задрожали в стене кирпичи...
Тише... Стража окликнула сонная:
«Эй, сорви-голова, не стучи!..»

Цепь долой! Отдохните же, ноженьки,
Без тяжелых железных колец,
Верой-правдой служите в дороженьке;
Из тюрьмы побежит удалец!..

Сердце вольное бьется с тревогою...
В жилах кровь закипела ключом...
Дай-ка снова решетку потрогаю,
Принажму молодецким плечом!

Подается решетка... погнулася...
Сорвалась — и упала звеня...
Стража в душной тюрьме не проснулася...
Ну... теперь не догонят меня!..

Сборник стихов «Первый шаг», 1888 г. Отрывок из стихотворения «Бродяга» стал распространенной песней.

Н. А. Панов

(1861—1906)

ЛУЧИНУШКА

Ночь темна-темнешенька,
В доме тишина;
Я сижу, младешенька,
С вечера одна.
Словно мать желанная
По сынке родном,
Плачет неустанная
Буря под окном.
До земли рябинушка
Гнется и шумит...
Лучина-лучинушка
Не ясно горит.

Затянуть бы звонкую
Песенку живей,
Благо, пряжу тонкую
Прясть мне веселей,
Да боюся батюшку
Свекра разбудить
И свекровь-то, матушку,
Этим огорчить.
Муженек-детинушка
Беззаботно спит...
Лучина-лучинушка
Не ясно горит.

Хорошо девицею
Было распевать,
Горько молодицею
Слезы проливать.
Отдали несчастную
В добрую семью,
Загубили красную
Молодость мою.
Мне лиха судьбинушка
Счастья не сулит...
Лучина-лучинушка
Не ясно горит.

Я ли не примерная
На селе жена?
Как собака верная,
Мужу предана.
Я ли не охотница
Жить с людьми в ладу?
Я ли не работница
В летнюю страду?
От работы спинушка
И теперь болит...
Лучина-лучинушка
Не ясно горит.

Милые родители,
Свахи и родня!
Лучше бы мучители
Извели меня:
Я тогда не стала бы
Сетовать на вас,
Сладко ли вам жалобы
Слышать каждый раз?
Ах, тоска-кручинушка
Сердце тяготит.
Лучина-лучинушка
Не ясно горит.

*«Гусли звончаты. Песни, были и разные стихотворения **Н. А. Панова**», СПБ. 1896 г.*

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Я живу, не унываю,
Никогда не забываю
Завещание отца:
«Сушит горе молодца,
Сокрушает не работа,
А кручина да забота...
Их осилишь как-нибудь,
Только тужиком не будь.
Все решай напропалую,
Напевая удалую
Под удары трепака
Эту песню бедняка:
«Семь бед, семь бед —
Все равно один ответ!»

Я подумал: быть героем,
Не страшиться перед боем,
Лучше в битве умереть,
Чем, бездействуя, стареть.
Я боролся — знает небо —
Из-за жизни, из-за хлеба;
Много веры у меня.
Я решительно и твердо
Шел вперед, вступался гордо
За себя и за других,
Незабвенных, дорогих...
Семь бед, семь бед —
Все равно один ответ!

Не проклятия и ропот, —
Из всего я вынес опыт:
Торжествует в мире зло,
Многим очень тяжело...
Там, где чувство невозможно,
Доверяйся осторожно;
Удалая голова,
Строго взвешивай слова!
Мудреца узнаешь в споре,
Друга истинного в горе,

Сердце женское в любви...
И по-моему живи:
    Семь бед, семь бед —
    Все равно один ответ!

Я богатством не пленяюсь,
За довольством не гоняюсь,
Сказка — складка, песня — быль.
Про себя поет бобыль:
Унижаться не умею,
Оттого и не имею
Лишних денег, но живу,
Бедняком хотя слыву;
Мне в углу своем не тесно,
И да будет всем известно:
Люди сильные, я вам
Обижать себя не дам...
    Семь бед, семь бед —
    Все равно один ответ!

Себялюбием не болен,
Долей скромною доволен,
Честным людям друг и брат,
Я помочь всегда им рад.
Точно солнышко в ненастье,
Мило мне чужое счастье;
Одинокий, счастлив им,
Этим счастием чужим...
Да, люблю я жизнь, но, верьте,
Не боюсь я грозной смерти,—
Силы есть и молод я...
Не страшит она меня:
    Семь бед, семь бед —
    Все равно один ответ!

Там же.

В. Г. Архангельский

ПОХОРОННЫЙ МАРШ

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной народу,
Вы отдали все, что могли за него,
За честь его, жизнь и свободу!

Порой изнывали по тюрьмам сырым,
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.

Идете усталые, цепью гремя,
Закованы руки и ноги,
Спокойно и гордо свой взор устремя
Вперед по пустынной дороге.

Нагрелися цепи от знойных лучей
И в тело впилися змеями,
И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая!

Настанет пора — и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

Музыка Копосова.

Г. М. Кржижановский

(род. в 1872 г.)

ВАРШАВЯНКА

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!
На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!

Мрет в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?
В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песнью победной
Станут священны мильонам людей.

На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!
На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим.
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.
Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам —
Близок победы торжественный час.

На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!
На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!

Первоначальный текст песни написан по-польски польским революционером В. Свенцицким в 1883 г. на мотив французского марша. Позднее мотив был изменен. В 1898 г. польский текст был переведен с значительными изменениями.

☆

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим —
Кто был ничем, тот станет всем.
    Это есть наш последний
    И решительный бой;
    С Интернационалом
    Воспрянет род людской.
Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо.
    Это есть наш последний
    И решительный бой;
    С Интернационалом
    Воспрянет род людской.

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда.
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей —
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.
    Это есть наш последний
    И решительный бой;
    С Интернационалом
    Воспрянет род людской.

Международный пролетарский гимн. Автор — французский поэт-коммунар Э. Потье. Перевел А. Я. Коц. Автор музыки рабочий Дегейтер. Впервые напечатано в «Жизни», Лондон, 1902 г., № 5.

* * *

(Авторы этих песен не установлены.)

КАК ИДЕТ МУЖИК ИЗ НОВА́ГОРОДА́...

Как идет мужик
Из Нова́города́,
У того мужика
Обрита борода;
Он ни плут, ни вор,
За спиной топор;
А к кому он придет,
Тому голову сорвет.
Кому вынется,
Тому сбудется;
А кому сбудется,
Не минуется.
Слава!

«Литературная газета», 1950 г., № 125, от 26 декабря. Песня декабристов. Остафьевский архив.

УЖ КАК НА́ НЕБЕ ДВЕ РАДУГИ...

Уж как на́ небе
Две радуги,
А у добрых людей
Две радости:
Правда в суде,

Да свобода везде,
Да и будут они
Россиянам даны.
Слава!

«Литературная газета», 1950 г., № 125, от 26 декабря. Песня декабристов. Остафьевский архив.

УЖ ВЫ ВЕЙТЕ ВЕРЕВКИ...

Уж вы вейте веревки
На барские головки;
Вы готовьте ножей
На сиятельных князей;
И на место фонарей
Поразвешивать <царей>;
Тогда будет тепло,
И умно, и светло.
Слава!

«Литературная газета», 1950 г., № 125, от 26 декабря. Песня декабристов. Остафьевский архив.

О ПРАВОСУДНЫЙ БОГ!..

О правосудный бог!
Сотри гордыни рог
И от пустых тревог
Нас сохрани!

Царей-мучителей,
Фронта любителей,
Правды гонителей
Искорени!

Воинство бранное,
Силой набранное,
От клятвы данныя
Освободи.

Нашей державою
Сам полный славою
В битвах за волю
    Руководи!

И, как орел, вольна,
Сил молодых полна,
Пускай цветет она
    На радость нам.

Пускай могучею,
Вечно гремучею,
Гибельной тучею
    Будет царям.

Сборник «Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений», Лейпциг, 1869 г. Приписывалось Кюхельбекеру.

ПОДГУЛЯЛА Я...

Подгуляла я,
Нужды нет, друзья:
Это с радости,
Это с радости.

Я, свободы дочь,
Со престолов прочь
Императоров,
Императоров.

На свободы крик
Развяжу язык
У сенаторов,
У сенаторов.

«Восстание декабристов. Материалы», т. IX, М. 1950 г. Песня приводится в показаниях М. И. Муравьева-Апостола.

ДЕКАБРИСТАМ

Над вашей памятью кровавой
Теперь лежит молвы позор;
Над ней поэт, венчанный славой,
Остановить не смеет взор.

Ваш враг могучий торжествует,
Щадит его судьбы закон,
Лишь власти страсть его волнует,
И кажется незыблем трон.

Но вы погибли не напрасно:
Все, что посеяли, взойдет,
Чего желали вы так страстно,
Все, все исполнится, придет.

Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род;
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.

В победный день, в день славной тризны
Свершится роковая месть,
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

«Свободные русские песни», Кронштадт, 1863 г.

ОСЛУШНАЯ ПЕСНЯ

Час ослушной пробил для нас.
Освободим себя со славой!
Злодеи вынудили нас
К расправе дружной и кровавой!
К оружию, друзья!
Сомкнемтеся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
Да воля за труды.

Пусть как единый человек
Вся Русь замученная встанет!
Освободим себя навек!
Земли родной на всех достанет.
    К оружию, друзья!
    Сомкнемтеся в ряды!
    Вперед! Вперед! Нас ждет земля
    Да воля за труды.

Довольно немцам пировать,
Довольно тешиться над нами!
Солдат и земство угнетать
С кнутом, плетьми и кандалами!
    К оружию, друзья!
    Сомкнемтеся в ряды!
    Вперед! Вперед! Нас ждет земля
    Да воля за труды.

Нас грабежами до сумы
Они довольно доводили!
Крестьянской кровью вдосталь мы
Родные нивы напоили!
    К оружию, друзья!
    Сомкнемтеся в ряды!
    Вперед! Вперед! Нас ждет земля
    Да воля за труды.

Довольно нас терзали зря,
Довольно стригли нас, как стадо...
Не надо больше нам царя,
Чиновной сволочи не надо!
    К оружию, друзья!
    Сомкнемтеся в ряды!
    Вперед! Вперед! Нас ждет земля
    Да воля за труды.

Без полицейских и дворян
С собой управимся мы сами;
Рассудим все дела мирян,
Как встарь — землей да волостями!
    К оружию, друзья!
    Сомкнемтеся в ряды!
    Вперед! Вперед! Нас ждет земля
    И воля за труды!

Сходись со всех сторон народ,
Всяк, кто за волю, будет с нами.
Солдаты, к нам! Настал черед
Свободу отстоять штыками.
К оружию, друзья!
Сомкнемтеся в ряды!
Вперед! Вперед! Нас ждет земля
И воля за труды.

«Свободные русские песни», Кронштадт, 1863 г. В сборнике указано, что песня пелась на мотив «Марсельезы».

РУССКОМУ СОЛДАТУ...

Русскому солдату
Тяжело служить,
Хоть какому хвату
Тошно станет жить!

Бедность одолела,
Командир гнетет,
Он сечет без дела
И без дела бьет.

А скажи хоть слово
За себя в ответ,
Всяку смелость снова
Он в тебя вобьет!

Палочной науки
Школу проходя,
Много всякой муки
Примешь на себя!

И хоть будь начальства
В десять раз умней —
Ихнего нахальства
Осуждать не смей!..

Половину века
В службе загубя,
В ней за человека
Не считай себя!

А дотянешь с богом
Лямки царской срок,
Клянчай по дорогам
Да иди в острог...

До могилы дружбы
Не забудь с сумой,
Ежели со службы
Не прошел «сквозь строй!»

«Солдатские песни», Лондон, 1862 г. В сборнике указано, что песня поется на голос:
«Молодцам солдатам не с чего тужить».

ДЯДЯ, ТЫ В ПОХОДАХ ПОБЫВАЛ ДОВОЛЬНО...

Дядя, ты в походах
Побывал довольно,
Расскажи — повсюду ль,
Как у нас, не вольно?

Всюду ли солдаты,
Как у нас доселе,
Держатся начальством,
Тоись в черном теле?

«Правду молвит, точно
Видел я довольно,
Но сказать ли, братцы?..
Говорить-то больно!

Нет нигде по свету
Тяжелей неволи,
Как в России нашей
Злой солдатской доли!..

Стоит лишь однажды
Сговориться дружно
И сказать всем вместе:
«То и то нам нужно!»

Порознь нас, конечно,
Насмерть перепорют, —
А как все мы вместе,
Нас не переспорят!

Самый царь ведь нами,
Братцы, только силен:
Выйдем все на площадь —
Будет с нами смирен!..»

«Солдатские песни», Лондон, 1862 г.

СЛАВЬСЯ, СВОБОДА И ЧЕСТНЫЙ НАШ ТРУД!..

Славься, свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу запрут,
Пусть нас пытают и жгут нас огнем —
Песню свободе и в пытке споем.

Славься же, славься, родимая Русь,
И перед царем и кнутами не трусь!
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорее, родимая, встань!

«Свободные русские песни», Кронштадт, 1863 г.

ЖИЛ НА СВЕТЕ РУССКИЙ ЦАРЬ...

Жил на свете русский царь,
Разнемецкий государь.
Он крестьянскому народу
    Волю обещал!
    Волю обещал!

Чтобы каждый селянин,
Как теперя дворянин,
От работы подневольной
    Век не горевал!
    Век не горевал!

Чтоб его ни бить, ни сечь,
Обдирая шкуру с плеч,
Ни помещик, ни чиновник
    Более не мог,
    Более не мог.

Чтобы он землей владел,
И пошли ему в надел
Те поля, за что платил он
    Барину оброк,
    Барину оброк!

Обещал то царь легко,
Но уехать далеко
На посуле, как на стуле,
    Видно, захотел,
    Видно, захотел!

Думал: «Глуп мужик все съест!»
И составил манифест,
Что ни в толк взять, ни понять
    Никто не сумел,
    Никто не сумел!

Ну, чиновники читать
Да крестьянам толковать,
Что та новая неволя
    Волюшка и есть,
    Волюшка и есть!

Воля вольная нищать,
Да под розгами пищать,
Да начальству грош последний
Со слезами несть,
Со слезами несть!

Призадумался народ,
Чует, кто-нибудь да врет,
Иль начальство надувает,
Или самый царь,
Или самый царь!

Что за воля без земли?
Чтобы барщину несли
И оброк крестьяне также,
Как водилось встарь?
Как водилось встарь?

Это что-нибудь не так,
И попалися впросак
Те крестьяне, что судили
О делах своих,
О делах своих!

По селам без дальних слов,
Как прямых бунтовщиков,
Стала сечь их и тиранить
Стая становых,
Стая становых!

Ну, сзывать на них полки
Да водить солдат в штыки,
Чтоб по старому порядку
Все водилось вновь,
Все водилось вновь!

Напроказил царь-отец!
На Руси, с конца в конец,
Из-за царского обмана
Пролилася кровь,
Пролилася кровь!

Надо, значит, для крестьян,
Чтоб народ за волю сам
Дружно — миром, волостями,
    В одно время встал,
    В одно время встал!

Надо, значит, чтоб солдат
Помогал ему, как брат,
И, не слушая приказа,
    В него не стрелял,
    В него не стрелял!

«Свободные русские песни», Кронштадт, 1863 г.

Отдел третий

ПЕСЕННЫЕ ПЕРЕРАБОТКИ СТИХОТВОРЕНИЙ

РЕВЕЛА БУРЯ, ДОЖДЬ ШУМЕЛ...

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.

О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья под бурею ревущей,
С рассветом глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий.
С рассветом глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий.

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна,
И гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней,
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока,
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцырь — дар царя,
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Песенная переработка думы К. Рылеева «Смерть Ермака» («Соревнователь просвещения», 1822 г., т. XVIII, кн. I).

ПЕСНЯ

к русским воинам, написанная отставным Фанагорийского гренадерского полка солдатом, Никанором Остафьевым. Июль, 1812 г.

Братцы! Грудью послужите,
Груньте бодро на врага
И вселенной докажите,
Сколько Русь вам дорога!

Посмотрите, подступает
К вам соломенный народ;
Бонапарте выпускает
Разных наций хилый сброд.
Не в одной они все вере,
С принужденьем все идут:
При чувствительной потере
На него же нападут.

Братцы! Грудью послужите,
Груньте бодро на врага
И вселенной докажите,
Сколько Русь вам дорога!

Всем, наверно, дал он слово,
Что далеко к нам зайдет;
Знает, дома нездорово,
Дома также пропадет.
Мыслит: коль пришла невзгода,
Должно славу потерять,
Так от русского народа
Мне и смерть честней принять.

Братцы! Грудью послужите,
Груньте бодро на врага
И вселенной докажите,
Сколько Русь вам дорога!

Вся Европа ожидает
Сей погибели его;
Бонапарта почитает
За злодея своего.

Ах, когда слух разнесется,
Что от нас сей враг исчез,
Слава русских вознесется
До превыспренних небес!

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», М. 1814 г., ч. 1. Песня вошла в фольклор (см. «Песни, собранные П. В. Киреевским», 10-й выпуск, М. 1884 г.).

КАЗАК

Раз полуночной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Фуражечка набекрене,
Весь мундир в пыли,
Пистолеты при кобуре,
Сабля до земли.

Шевельнул казак уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К Саше завернул.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выйди, Сашенька, скорее,
Напои коня».

«Я коня твово боюся,
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому
Коню дать воды».

«Ты коня мово не бойся,
Он всегда со мной,
Он спасал меня от смерти
Для тебя одной».

Текст лицейского стихотворения Пушкина «Казак» («Российский музеум», 1815 г., март) подвергся коренной переработке.

ПОД ВЕЧЕР, ОСЕНЬЮ НЕНАСТНОЙ...

Под вечер, осенью ненастной,
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо: лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинном сем творенье,
Вздохнув, остановила их...
Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь участи своей.
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты не прильнешь к груди моей,
Не встретишь больше поцелуя
Несчастной матери своей!

Ее манить напрасно будешь!
Мой вечный стыд вина моя!
Меня навеки ты забудешь...
Но не забуду я тебя!
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где ж мои родные?» —
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! Будешь грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду, странник одинокий,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрек жестокий.
Прости, прости тогда меня!

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна.
Бледна, трепещуща, уныла,
К окну приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила —
И скрылась в темноте ночной.

Переделка стихотворения Пушкина «Романс» (1814).

ИЗ СТРАНЫ, СТРАНЫ ДАЛЕКОЙ...

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради славного труда,
Ради вольности веселой
Собралися мы сюда.
Ради вольности веселой
Собралися мы сюда.

Помним холмы, помним долы,
Наши нивы, наши села,
И в стране, стране чужой
Мы пируем пир веселый,
И за родину мы пьем.
Мы пируем пир веселый,
И за родину мы пьем,

Пьем с надеждою чудесной
Из стаканов полновесных
Первый тост за наш народ,
За святой девиз «вперед».
Первый тост за наш народ,
За святой девиз «вперед».
Вперед! Вперед!
Вперед!

Популярнейшая студенческая песня. Переработка песни Н. М. Языкова «Из страны, страны далекой» (1827). Музыка А. Алябьева (1839).

ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Рвется снег из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет,
То хохочет, то визжит.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.

Кто сей путник и отколе
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.

Вот вдали село большое,
Сразу ожил мой ямщик,
Песней звонкой, удалою
Залился он в тот же миг.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке моей.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке моей.

Тпру!.. И тройка вдруг осела
У знакомого крыльца,
В сани девица влетела
И целует молодца.

Шесть строк из этой песни: 1-я, 3-я, 9—12-я являются буквальным повторением строк из стихотворения П. Вяземского «Тройка» («Новоселье», СПБ. 1834 г., ч. 2).

НЕ ОСЕННИЙ МЕЛКИЙ ДОЖДИЧЕК...

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.
«Полно, брат-молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет!
Пей, пей, тоска пройдет!»

«Но тоска, друзья-товарищи,
В грудь запала глубоко,—
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко». —
«Полно, брат-молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет!
Пей, пей, тоска пройдет!»

«И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать». —
«Полно, брат-молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет!
Пей, пей, тоска пройдет!»

Популярная студенческая песня. Музыка М. Глинки на слова А. Дельвига. Авторский текст не установлен.

ВОТ МЧИТСЯ ТРОЙКА УДАЛАЯ...

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой.

Ямщик лихой, он встал с полночи,
Ему взгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души.

«Вы, очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца.
Зачем, зачем, о люди злые,
Вы их разрознили сердца?

Теперь я бедный сиротина!..» —
И вдруг махнул по всем по трем.
И песнью тешился детина,
И заливался соловьем.

Слегка измененный в песенной практике отрывок из стихотворения Ф. Глинки «Сон русского на чужбине» (Альманах «Венера», 1831 г.).

ПЕСНЯ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,
За Невской башней тишина,
И на штыке у часового
Горит полночная луна.

Вот бедный юноша, ровесник
Младым, цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песню
И отдает тоску волнам:

«Прости, мой край, моя отчизна,
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь, за решеткою железной,
Навек от вас сокрылся я.

Прости, отец, прости, невеста,
Сломись, венчальнсе кольцо,
Навек закройся, мое сердце,
Не быть мне мужем и отцом.

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска,
Но я молчу и та́ю долю —
Ее взяла моя рука».

Песенная переработка стихотворения Ф. Глинки.

БЫСТРЫ, КАК ВОЛНЫ...

Быстры, как волны,
Все дни нашей жизни,
Что час, то короче
К могиле наш путь.
    Налей, налей, товарищ,
    Заздравную чару,
    Кто знает, что с нами
    Случится впереди.

Напеним янтарной
Струею бокалы!
И краток и долог
Веселый наш миг.
    Налей, налей, товарищ,
    Заздравную чару,
    Кто знает, что с нами
    Случится впереди.

Умрешь — похоронят,
Как не жил на свете,

Сгниешь — не восстанешь
К веселью друзей.
    Налей, налей, товарищ,
    Заздравную чару,
    Кто знает, что с нами
    Случится впереди.

Переработка песни А. П. Ребрянского «Вино». Авторский текст *см. стр. 159.*

НАША ЖИЗНЬ КОРОТКА...

Наша жизнь коротка,
Все уносит с собой.
Наша юность, друзья,
Пронесется стрелой!
    Проведемте ж, друзья,
    Эту ночь веселей!
    Пусть студентов семья
    Соберется тесней!

Не любить — погубить
Значит жизнь молодую.
В жизни рай — выбирай
Каждый деву младую.
    Проведемте ж, друзья,
    Эту ночь веселей!
    Пусть студентов семья
    Соберется тесней!

От бессонных ночей
Голова не болит,
А болит у того,
Кто без просыпа спит.
    Проведемте ж, друзья,
    Эту ночь веселей!
    Пусть студентов семья
    Соберется тесней!

Популярная студенческая песня. Автор не установлен. Вариант: вместо «пусть студентов семья» — «молодежи семья».

РАЗНОСЧИК

Зачем ты, разносчик, на окна глядишь
Под бременем сладостной ноши?
Зачем ты мне голосом звонким кричишь:
«Пельсины, лимоны хороши!»?
    Не увлекай меня красой
    Плодов привозных из чужбины!
    Ах, сердца, полного тоской,
    Не уврачуют апельсины.

Зачем же, разносчик, на окна глядишь
Под бременем сладостной ноши?
Зачем ты мне голосом звонким кричишь:
«Пельсины, лимоны хороши!»?
    Скажу тебе, мой друг, тайком:
    Желал бы лакомств я отведать,
    Но денег нет, живу чайком, —
    Давно уж не на что обедать.

Зачем же, разносчик, на окна глядишь
Под бременем сладостной ноши?
Зачем ты мне голосом звонким кричишь:
«Пельсины, лимоны хороши!»?
    Ты знаешь ли, моя душа,
    Что значит быть судьбой убиту?!
    Когда в кармане ни гроша
    И в ближней лавке нет кредиту?..

Зачем же, разносчик, на окна глядишь
Под бременем сладостной ноши?
Зачем ты мне голосом звонким кричишь:
«Пельсины, лимоны хороши!»?

Пародийная переделка (Рыбинский рукописный сборник) стихотворения Улыбышева. Пелась в студенческой среде.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

«Матушка, голубушка,
Солнышко мое?
Пожалей, родимая,
Дитятко твое!
Словно змея лютая,
Сердце мне сосет
И целую ноченьку
Спать мне не дает.

Все мне что-то грезится,
Будто наяву,
Спать когда ложуся я
И когда встаю.
То залетной пташечки
Песенка слышна:
Сердце во мне прыгает,
Так сладка она!

Что это, родимая,
Сталося со мной?
Видно, приключился мне
Злой недуг какой?
Али нет, родимая,
Чем мне пособить?» —
«Знать, приспело, дитятко,
Времячко любить!»

Переработанный текст стихотворения Ниркомского («Библиотека для чтения», 1838 г., т. XXIX). Музыка А. Гурилева.

НЕ БРАНИ МЕНЯ, РОДНАЯ...

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его,
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так рвется ретивое
И терзается тоской.

Все оно во мне изныло,
Вся горю я, как в огне,
Все не мило, все постыло,
И страдаю я по нем.

В ясны дни и темны ночи,
И во сне и наяву
Слезы мне туманят очи,
Все летела б я к нему.

Мне не нужны все наряды,
Ленты, камни и парчи,
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли.

Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить;
Знать, судьба моя такая,
Что должна его любить.

Автор — Алексей Ермилович Раворенов. («Родные звуки», 1881 г.).

ЧТО ЗАТУМАНИЛАСЬ, ЗОРЕНЬКА ЯСНАЯ...

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой!
Что призадумалась, девица красная,
Очи блеснули слезой!

Жаль мне покинуть тебя одинокую,
Певень ударил крылом.
Скоро уж полночь... Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином.

Время! Веди ты коня мне любимого,
Крепче держи под уздцы...
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы.

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху;
Будешь ходить ты вся златом залитая,
Спать на лебяжьем пуху.

Много за душу твою одинокую,
Много я душ погублю;
Я ль виноват, что тебя черноокую
Больше, чем душу, люблю!

«Подарок любителям пения», М. 1877 г., № 230. Песенная переделка песни разбойников «Что отуманилась, зоренька ясная» из поэмы «Муромские леса» (1831) А. Ф. Вельтмана.

УСПОКОЙ МЕНЯ НЕСПОКОЙНОГО...

Успокой меня неспокойного,
Осчастливь меня несчастливого!
Ты дай ручку мне недостойному,
Милый друг ты мой, моя душечка.

Я люблю тебя, без ума люблю.
Об одной тебе думу думаю.
Для тебя одной в жизни радуюсь,
Для одной тебя сердцем чувствую.

Ты узнай, мой друг, про любовь мою
И улыбкою, словом ласковым
Успокой меня неспокойного,
Осчастливь меня несчастливого.

Если жребий мой — умереть с тоской,
Я умру, любовь проклинаючи,
Но и в смертный час вспоминаючи
Об тебе, мой друг, моя душечка!

Успокой же меня неспокойного,
Осчастливь меня несчастливого!
Ты дай ручку мне, дева чудная,
Милый друг ты мой, моя душенька.

«Соловей», сборник романсов, 1874 г. Музыка А. Варламова. Текст является переработкой стихотворения Д. Давыдова «Я люблю тебя, без ума люблю» (1834); впервые напечатано в «Стихотворениях Д. В. Давыдова» (1840). Из авторского текста без изменения взята только 4-я строфа.

Я ВНОВЬ ПРЕД ТОБОЮ СТОЮ ОЧАРОВАН...

Я вновь пред тобою стою очарован
И в ясные очи гляжу,
И, вновь непонятной тоскою взволнован,
Я жадных очей не свожу.

Я думаю: ангел, какою ценою
Куплю дорогую любовь?
Отдам ли я жизнь с непонятной тоскою,
С томленьем прошедших годов?

Признав, как святыню, во всем твою волю,
Могу об одном лишь молить:
Чтоб ты мою жизнь, мою горькую долю
Заставила вновь полюбить!

Песенная переработка стихотворения В. Красова «Стансы» («Опять пред тобой я стою очарован»), «Отечественные записки», 1842 г., т. XX.

МЫ ДРУЖНО НА ВРАГОВ...

Мы дружно на врагов,
На бой, друзья, спешим,
За родину, за славу,
За честь мы постоим!

Пусть наше оружье
Громит врагов славян,
Пусть знает сила вражья,
Как силен наш народ!

Мы дружно на врагов,
На бой, друзья, спешим,
За родину, за славу,
За честь мы постоим!

Мать моя меня просила:
«Ты останься здесь, мой милый,
Пожалей мои ты силы,
О, не покидай меня!»

Мы дружно на врагов,
На бой, друзья, спешим,
За родину, за славу,
За честь мы постоим!

«Бог пошлет тебе отраду,
Мать моя ты дорогая,
Но зовет меня честь и слава,
Марш, марш, вперед, на бой!»

Мы дружно на врагов
На бой, друзья, спешим,
За родину, за славу,
За честь мы постоим!

Смоленский рукописный сборник.
Автор не установлен.

ВОТ НА ПУТИ СЕЛО БОЛЬШОЕ...

Вот на пути село большое,
Туда ямщик мой поглядел;
Его забилось ретивое,
И потихоньку он запел:

«Твоя краса меня сгубила,
Теперь мне божий свет постыл,
Зачем, зачем обворожила,
Коль я душе твоей не мил?

Не долго песней удалою,
Не долго тешить седока,
Уж скоро, скоро под землею
Зароют тело ямщика;

По мне лошадушки взгрустнутся,
Расставшись, бедные, со мной:
Они уж больше не помчатся
Вдоль по дорожке столбовой,

И ты, девица молодая,
Быть может, тяжело вздохнешь,
Кладбище часто посещая,
К моей могиле подойдешь.

В тоске, кручинушке сердечной,
Лицо к сырой земле склоня,
Промолвишь мне: «В разлуке вечной
С тобой красавица твоя».

В глазах тут слезы показались,
Но их бедняк не утирал:
Пока до места не домчались,
Он волю полную им дал.

Переработка песни Н. Анордиста.
Авторский текст в «Альманахе на 1840 г.» Н. Анордиста, М. 1940 г.

ПОМНЮ, Я ЕЩЕ МОЛОДУШКОЙ БЫЛА...

Помню, я еще молодушкой была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот,
А по улице все конница идет.

Вдруг подъехал ко мне барин молодой,
Говорит: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Долго, долго я смотрела ему вслед:
Оглянулся — помутился белый свет.

Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

А потом уж, как я вдовушкой была,
Четырех я дочек замуж отдала,

К нам приехал на квартиру генерал...
Весь изранен и так жалобно стонал...

Пригляделась — встрепенулася душа:
Это тот же прежний барин молодой!

Та же удаль, тот же блеск в его глазах,
Только много седины в его усах.

И опять я молодешенька была,
И опять я целу ночку не спала,

Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

Песенная переработка песни («Молода еще девица я была») Е. П. Гребенки. («Отечественные записки», 1841 г.)

СРЕДИ ЛЕСОВ ДРЕМУЧИХ...

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут.
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые, —
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой,
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.
Ремни его кольчужны
Повисли по краям,
А кровь из ран струится
По русым волосам.
Несли его до места,
Несли в глуши лесной.
Мы шли, остановились,
Сказали: «Братцы, стой!»
Мы наземь опустили
Носилки с мертвецом
И дружно приступили
Рыть яму вшестером.
Мы вырыли глубоку
На желтыим песке,
На желтыим песочке,
На крутом бережке!
«Прощай ты, наш товарищ,
Лежи, наш дорогой!
Уж нам теперь не время
Беседовать с тобой.
Идем, идем скорее!
Мы снова, братцы, в бой!»

Песенная переработка стихотворения Ф. Б. Миллера «Погребение разбойника», перевод из Фрейлиграта.

БЫЛО ДЕЛО ПОД ПОЛТАВОЙ...

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Мы дралися там со шведом
Под знаменами Петра.
Наш могучий император —
Память вечная ему —
Сам командовал полками,
И, как сокол, он летал;
Сам ружьем солдатским правил,
Сам и пушки заряжал.
Бой кипел: герой Полтавы,
Наш державный великан,
Уж не раз грозою грянул
На могучий вражий стан.
Пули облаком носились,
Кровь горячая лилась...
Вдруг злодейка-пуля шляпу
Прострелила сквозь на нем.
Знать, что шведы промахнулись,
Император усидел;
Шляпу сняв, перекрестился,
Снова в битву полетел.
Вдруг еще злодейка-пуля
В седло лошади впилась...
Император не смутился,
Взор, как молния, блистал.
Лишь, вздрогнувши от удара,
Конь быстрее поскакал.
Но как раз и третья пуля
Повстречалася с Петром;
Прямо в грудь она летела,
В сердце сильное царя.
Но, ударясь, отскочила
С визгом прочь и без вреда:
На груди царя высокой
Чудотворный крест сиял.
Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Много шведов, много русских
Там в сражении легло.

Было дело под Полтавой,
Сотни лет еще пройдут —
Эти царские три пули
В сердцах русских не умрут!

Автор И. Е. Молчанов (1809—1881). «Сборник солдатских, казацких и матросских песен». Собрал Н. Х. Вессель. С голоса на ноты положил Е. К. Альбрехт. 2-е изд., СПБ. 1886 г., № 4.

СЛАВНОЕ МОРЕ, СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ...

Славное море, священный Байкал,
Славный корабль, омулевая бочка,
Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
Молодцу плыть недалечко.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
Молодцу плыть недалечко.

Долго я тяжкие цепи влачил,
Долго бродил я в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь —
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Шел я и в ночь, и средь белого дня,
Близ городов озирался я зорко,

Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Славное море, священный Байкал,
Славный мой парус — кафтан дыроватый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
Слышатся грома раскаты.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, —
Слышатся грома раскаты.

Переработанная и сильно сокращенная (вместо 11 куплетов — 5) песня Дмитрия Давыдова.

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди;
Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди.

И, притаив свои мечтанья,
Свой взор на пламя устремил
И тихим голосом сознанья
Он сам с собою говорил:

«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах.

Войска все, созванные мною,
Погибнут здесь среди снегов.
В полях истлеют наши кости
Без погребенья и гробов».

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

Песенная переработка стихотворения Н. Соколова «Он», помещенного впервые в альманахе «Поэтические эскизы», М. 1850 г. Авторский текст, состоящий из девяти куплетов, сокращен до шести.

НОЧЬ ТЕМНА...

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка.
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?» —
«Притворись, что ты заснул,
А я вмиг через ограду
Тенью б быстро промелькнул?

Край родной увидеть надо
Да жену поцеловать,
А потом уж в лес зеленый,
В лес дремучий — там гулять!»

«Рад помочь, куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, то ж и я.
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!

Отдадут под суд военный...
Да сквозь строй как проведут, —
Только труп окровавленный
На тележке увезут!»

Шопот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?

Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа, ни пистолета...
И не знаешь, как тут быть...

Песенная переработка стихотворения Огарева «Арестант», впервые напечатанного в «Полярной звезде» на 1857 г.

ТРОЙКА

Что так жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем так бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед!..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий непрочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих темных, как ночь.

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки
Разжигает убийственно кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

«Подарок любителям пения», М. 1877 г., № 337. Слегка измененный и сокращенный текст песни Н. Некрасова «Что ты жадно глядишь на дорогу» («Современник», 1847 г., № 1).

МЕЖ ВЫСОКИХ ХЛЕБОВ ЗАТЕРЯЛОСЯ...

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И нечаянно к нам забрело.

Ой, беда приключилася страшная,
Мы такой не знавали вовек:
Голова ль ты моя бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы — тошнехонько,
Догадались деньжонок собрать.
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села на заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать.

Рыбинский рукописный сборник. Слегка измененное и сильно сокращенное (вместо 18 куплетов — 5) стихотворение Н. Некрасова «Похороны» («Современник» 1861 г., № 9).

ХАС-БУЛАТ

— Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя;

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром;

Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
Лишь за это отдай
Молодую жену!

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье;
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем;
Месяц плыл золотой,
Все молчало кругом.

Лишь играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Она мне отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!

— Князь, рассказ ясен твой,
И напрасно ты рек:

Вас с женой молодой
Я вчера подстерег.

Полюбуйся поди,
Князь, игрушкой своей:
Спит с кинжалом в груди
Она в сакле моей!

Я ее умертвил,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на устах.

Тут рассерженный князь
Саблю выхватил вдруг;
Голова старика
Покатилась на луг.

Долго молча стоял
Князь у трупа столбом;
Сам себя укорял,
Но решил на своем.

Скоро пала роса,
Свежий ветер подул,
Смолкли птиц голоса,
Лишь реки несся гул.

С ревом бешеным вдруг,
Ударяясь в скалу,
Князь-убийца прыгнул,
И пошел он ко дну.

Песенная переработка стихотворения А. Н. Аммосова (1823—1866) «Элегия».

КОГДА Я НА ПОЧТЕ СЛУЖИЛ ЯМЩИКОМ...

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку...
И крепко же, братцы, в селенье одном
Любил я в ту пору девчонку.

Сначала не чуял я в этом беду,
Потом задурил не на шутку:
Куда ни поеду, куда ни пойду —
Все к милой сверну на минутку.

И любо оно, да покоя-то нет,
А сердце болит все сильнее...
Однажды начальник дает мне пакет:
Свези, мол, на почту живее...

Я вырвал пакет и скорей на коня,
И по полю вихрем помчался...
А сердце щемит да щемит у меня,
Как будто с ней век не видался.

И что за причина — понять не могу...
И ветер-то воет тоскливо...
И вдруг словно замер мой конь на бегу
И в сторону смотрит пугливо.

Забилося сердце тогда у меня,
И глянул вперед я в тревоге,
Потом соскочил с удалого коня,
И вижу я труп на дороге.

А снег уж совсем ту находку занес,
Метель так и пляшет над трупом.
Разрыл я сугроб, да и к месту прирос,
Мороз заходил под тулупом.

Под снегом-то, братцы, лежала она —
Закрылися карие очи...
Налейте, налейте скорее вина
Рассказывать больше нет мочи.

Песенная переработка стихотворения Л. Трефолева «Ямщик». Музыка неизвестного композитора.

СТЕПЬ ДА СТЕПЬ КРУГОМ...

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит,
В той степи глухой
Умирал ямщик.

И, набравшись сил,
Чуя смертный час,
Он товарищам
Отдавал наказ:

«Ты, товарищ мой,
Не попомни зла,
Здесь в степи глухой
Схорони меня!

Схорони меня
Ты в степи глухой,
А коней моих
Отведи домой.

Отведи домой,
Отдай батюшке,
Мой поклон земной
Родной матушке,

А жене младой
Ты скажи, друг мой,
Чтоб она меня
Не ждала домой.

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть она по мне
Не печалится,
С тем, кто сердцу мил,
Пусть венчается.

И умолк ямщик;
Кони ехали,
А в степи глухой
Бури плакали.

Песенная переработка стихотворения И. З. Сурикова «В степи». (Авторский текст см. стр. 292), которое в свою очередь является творческой переработкой народной песни «Степь Моздокская» (стр. 21).

ЧТО СТОИШЬ, КАЧАЯСЬ...

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына.

А через дорогу,
За рекой широкой,
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться.
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Но нельзя рябине
К дубу перебраться,
Знать, ей, сиротине,
Век одной качаться.

Переработка песни Сурикова. Авторский текст *см. стр. 294.*

НЕ СЛЫШНО НА ПАЛУБЕ ПЕСЕН...

Не слышно на палубе песен.
Эгейские волны шумят.
Нам берег и мрачен и тесен:
Суровые стражи не спят.

Раскинулось море широко,
Теряются волны вдали.
Отсюда уйдем мы далеко,
Подальше от грешной земли.

Не правда ль, ты долго страдала?
Минуты свиданья лови!
Ты долго меня ожидала,
Приплыл я на голос любви.

Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил
И к милой с турецкою раной,
Как с лучшим подарком, приплыл.

Романс конца XIX в. неизвестного автора. Некоторые строки вошли целиком в позднейшую песню «Кочегар».

ЧТО ТАК СКУЧНО, ЧТО ТАК ГРУСТНО...

Что так скучно,
Что так грустно,
День идет не в день.
А бывало,
Распевал я,
Шапка набекрень.
    Эй вы, нули,
    Что заснули?
    Шевелись, гляди!
    Вороные, удалые,
    Гривачи мои!

С песней звонкой
Шел сторонкой
С Любушкой своей
И украдкой,
И с оглядкой
Целовался с ней.
    Эй вы, нули,
    Что заснули?
    Шевелись, гляди!
    Вороные, удалые,
    Гривачи мои!

Мать узнала,
Все пропало,
Любу заперла
И из дому
За Ерему
Замуж отдала.
    Эй вы, нули,
    Что заснули?
    Шевелись, гляди!
    Вороные, удалые,
    Гривачи мои!

Я другую,
Молодую,
Выберу жену:
В чистом поле

На просторе
Гибкую сосну.
    Эй вы, нули,
    Что заснули?
    Шевелись, гляди!
    Вороные, удалые,
    Гривачи мои!

Время минет,
Кровь застынет,
Замолчит печаль.
Вороную,
Удалую
Тройку только жаль!
    Эй вы, нули,
    Что заснули?
    Шевелись гляди!
    Вороные, удалые,
    Гривачи мои!

Рыбинский рукописный сборник.
Песня неизвестного автора.

БЫВАЛИ ДНИ ВЕСЕЛЫЕ...

Бывали дни веселые —
Гулял я, молодец,
Не знал тоски-кручинушки,
Как вольный удалец.

Бывало, спашешь пашенку,
Лошадок уберешь,
А сам тропой знакомою
В заветный дом пойдешь.

Иду, там дожидается
Красавица моя,
Глаза полуоткрытые,
Румяна и бела.

Но вот однажды осенью
Пришел любви конец,
И к ней приезжий с ярмарки
Посватался купец.

Красавица-изменница
Забыла про меня,
Забыла мою хижину,
В хоромы жить пошла.

Живет у чорта старого,
Как в клетке золотой,
Как куколка наряжена,
С распущенной косой.

Не раз я чорта старого
Просил и умолял,
Не раз просил и кланялся,
Но он не уступал.

И идучи оттудова,
Я точно опьянел,
Всю темную я ноченьку
В раздумье просидел.

Напала мысль злодейская,
Впотьмах нашел топор,
Простился с отцом, с матерью
И вышел через двор.

Иду, а ночка темная,
Вдали журчал ручей,
И дело совершилося,
С тех пор я стал злодей...

В Сибирь меня, на каторгу,
Погонят молодца,
За девку черноокую,
За чорта за купца.

Переработка песни П. Г. Горохова (1869—1925).

МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕЖКОВ...

Меж крутых бережков
Волга-речка течет,
А на ней по волнам
Легка лодка плывет.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем.
Он с веревкой в руках
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

А на бережке том
Высок терем стоял,
В нем красотка жила,
Он ее вызывал.

Одинокой она
Растворила окно,
Приняла молодца
По веревке умно.

Ночку всю пировал
С ненаглядной душой,
Утром рано с зарей
Возвращался домой.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Молодца повстречал
Он в саду над рекой.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

Но последний удар
Их судьбу порешил
И конец их вражде
Навсегда положил.

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам
Шапка с кистью плыла.

Песенная переработка песни поэта-самоучки М. И. Ожегова (1860—?).

АХ ТЫ, ЧОРТОВ СЫН, ПРОКЛЯТЫЙ СТАНОВОЙ...

Ах ты, чортов сын, проклятый становой!
Что бежишь ты к нам о божьей воле врать,
Целый стан, поди, как липку ободрал!
Убирайся прочь, чтоб чорт тебя подрал!
Ах ты, чортов сын, трусливый старый поп,
Полицейский да чиновничий холоп!
Что бежишь ты к нам о божьей воле врать,
Стыдно харей постной бога надувать.
Ах ты, чортов, то бишь, царский адъютант,
Что, на девок зарясь, свой теребишь бант?
И зачем ты к нам в село навел солдат?
Не стрелять ли вздумал в нас уж невпопад?
Нет, брат, шутки! Нашей воле не перечь!
Теперь вам уже нас более не сечь!
Коли мир своей земли не господин,
Так и сам-то ты такой же чортов сын!

Н. А. Морозов, «Повести моей жизни», т. I, 1947 г. Морозов приводит в своей книге эту песню, которую он записал в 70-х гг. Пелась на мотив «Камаринской».

ПЕСНЯ

Я хочу вам рассказать,
Как нас стали обирать
Дармоеды-кулаки,
Полицейские крючки.
А министры и цари
На нас смотрят издали,
Указ новый написали,
Чтобы чище обирали,
Попы пьяные орали,
Народ бедный надували.
Царь наш, батюшка-спаситель,
Вашей шайки предводитель,
Хорошо ты управляешь:
Честных в каторгу ссылаешь,
Суд военный утвердил,
Полны тюрьмы понабил,
Запретил всему народу
Говорить ты про свободу.
Кто осмелится сказать —
Велит вешать и стрелять.

Автор П. А. Моисеенко (1852—1923), один из первых рабочих революционеров, по профессии ткач. Организатор знаменитой морозовской стачки в Орехово-Зуеве в 1885 г.

ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ...

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны.

На переднем Стенька Разин
С молодой сидит княжной, —
Свадьбу новую справляет,
Сам веселый и хмельной.

А она, закрывши очи,
Ни жива и ни мертва,
Молча слушает хмельные
Атамановы слова.

Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял!
Только ночь с ней провозжался,
Сам наутро бабой стал».

Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман
И могучею рукою
Обнял персиянки стан.

Брови черные сошлися —
Надвигается гроза.
Алой кровью налилися
Атамановы глаза.

«Ничего не пожалею,
Буйну голову отдам», —
Раздается голос властный
По окрестным берегам.

«Волга, Волга, мать родная,
Волга — русская река,
Не видала ты подарка
От донского казака.

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу возьми!»

Мощным взмахом подымает
Он красавицу княжну
И за борт ее бросает
В набежавшую волну...

«Что вы, черти, приуныли?
Эй ты, Филька, чорт, пляши!
Грянем, братцы, удалую
На помин ее души...»

Переделка песни Д. Садовникова (1847—1883). Авторский текст «Волжский вестник», 1883 г., № 12.

ПЕСНЯ ТКАЧА

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес;
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопка;
Маслом прогорклым воняет удушливо —
Да, жизнь ткача нелегка!

Эх, да зачем же, зачем же вы льетеся,
Горькие слезы, из глаз?
Делу помеха — основа попортится —
Быть мне в ответе за вас!

Рученьки, ноженьки ноют, сердечные,
Спинушку ломит, бока...
Грохот машин, духота нестерпимая —
Да, жизнь ткача нелегка!

Переделка песни, написанной в 1874 году С. С. Синегубом.

ЗАМУЧЕН ТЯЖЕЛОЙ НЕВОЛЕЙ...

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил...
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...

Служил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли...
И мы — твои братья по делу —
Тебя на кладбище снесли...

Наш враг над тобой не глумился...
Кругом тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои...

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах.

Нет, злоба нас только душила,
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись.

С тобою одна нам дорога:
Как ты, мы в острогах сгнием,
Как ты, для народного дела
Мы головы наши снесем...

Как ты, мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней...

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подымется мститель суровый,
И будет он нас посильней.

Автор Г. А. Мачтет (1852—1901). Авторский текст был напечатан в нелегальной газете «Вперед», 1876 г., № 33. Одна из любимых песен В. И. Ленина. Песня была напечатана с указанием, что она посвящается замученному в остроге студенту Чернышеву.

ЭХ ТЫ, ДОЛЯ, МОЯ ДОЛЯ...

Эх ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя,
Ах, зачем ты, злая доля,
До Сибири довела?

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой, —
Стороны родной лишился
За крестьянский люд честной.

Год несчастный был, голодный,
Стали подати сбирать,
И крестьянские пожитки,
И скотину продавать.

Я от мира с челобитной
К самому царю пошел,
Да схватили по дороге,
До царя я не дошел.

Очутился я в Сибири
В шахте темной и сырой.
Там товарища я встретил:
«Здравствуй, друг, и я с тобой!»

Далеко село родное,
А хотелось бы узнать,
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

Песенная переработка стихотворения Д. А. Клеменца (1848—1914). Первоначальный текст стихотворения напечатан в 1873 г.

ПО ПЫЛЬНОЙ ДОРОГЕ ТЕЛЕГА НЕСЕТСЯ...

По пыльной дороге телега несется,
В ней по бокам два жандарма сидят.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю:
Я научу вас свободу любить.

Юный изгнанник в телеге той мчится,
Скованы руки, как плети, висят.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю:
Я научу вас свободу любить.
Дома оставил он мать беззащитную,
Будет она и любить, и страдать.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю:
Я научу вас свободу любить.
Дома оставил он милую сердцу,
Будет она от тоски изнывать.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю:
Я научу вас свободу любить.
Вспомнил он, бедный, дело народное,
Вспомнил, за что он так долго страдал.
Сбейте оковы,
Дайте мне волю:
Я научу вас свободу любить.
Вспомнил и молвил: «Дайте мне волю:
Я научу вас свободу любить».
Сбейте оковы,
Дайте мне волю:
Я научу вас свободу любить.

Песня неизвестного автора.

ДУБИНУШКА

Много песен слыхал я в родной стороне,
В них про радость, про горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне,—
Это песня рабочей артели.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
И как только работать нам станет невмочь,
Мы к дубине, как к верному средству.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Я слыхал эту песнь: ее пела артель,
Поднимая бревно на стропила.
Вдруг бревно сорвалось, и умолкла артель, —
Двух здоровых парней придавило.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину.
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Так затянет родную дубину.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Тянем с лесом судно, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем, —
С мукой, болью в груди одну песню поем,
Про дубину мы в ней вспоминаем.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги, и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Ну, и хлещут в согнутую спину.
Как же нам позабыть про родимый мотив
И не петь про родную дубину!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Деревенский наш поп обирает приход
И мужицкие деньги сгребает.
А наш дьякон с дьячком в этом деле святом
Все тому же попу помогают.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Но настанет пора — и проснется народ,
Разогнет он могучую спину.
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем подернем
Да ухнем!

Переработка стихотворения А. А. Ольхина (1829—1897), в которой использованы три строфы из стихотворения Богданова.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Соболевский — «Великорусские народные песни». Изданы проф. А. И. Соболевским, т. I—VII, Спб. 1895—1902.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, М. 1929.

Шейн. Великорусс — «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.». Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, Спб. 1898.

Якушкин — П. И. Якушкин, Сочинения. Народные стихи и песни. П. 1884.

Сборник Лопатина — «Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина», М. 1889.

Листопадов — Листопадов т. I, ч. 2. «Песни донских казаков». Музгиз, 1949.

Песни тиролек... — «Песни тиролек и московских гризеток», М. 1860.

Подарок любителям пения — «Подарок любителям пения». Собрание песен народных, малороссийских, цыганских, святочных и свадебных, художественных романсов и т. д. Составлено Обществом любителей пения и музыки, М. 1877.

«Эхо родных звуков» — «Эхо родных звуков». Избранные русские народные гимны и песни, находящиеся в руководствах для пения Маренича, Альбрехта и др. Составил К. Ройский, М. 1888.

Смоленский рукописный сборник — Рукописный сборник Николая Петровича Попова, 80-е годы XIX века.

Рыбинский рукописный сборник — Собрание записей песен Рыбинского уезда Александра Никаноровича Розанова, конец 90-х годов.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Отдел первый
РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Отдел второй

ПЕСНИ И РОМАНСЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

* * *

Отдел третий

ПЕСЕННЫЕ ПЕРЕРАБОТКИ СТИХОТВОРЕНИЙ

Переплет и титул
художника *Н. Мухина*

Редактор *А. Ванслова*

Технический редактор *Г. Архангельская*. Корректор *В. Туманская*

Подписано к печати 2/IX 1952 г. А-06804. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$ = 6,31 бум. л.
20,71 печ. л. 16,98 уч.-изд. л. Тираж 75 000 экз. Заказ № 3129.
Цена 6 р. 25 к.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.